

Ламия Кафар-заде

**ВОПРОСЫ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.А. БАКИХАНОВА**

Кафар-заде Ламия Расим кызы

**ВОПРОСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА В
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Баку – 2017

***Печатается по постановлению
Ученого Совета Института истории им. А.А. Бакиханова
Национальной Академии Наук Азербайджана***

**Руководитель проекта
и автор предисловия:**

*член-корреспондент НАНА,
заслуженный деятель науки,
лауреат Государственной премии*

Махмудов Я.М.

Научный редактор:

*член-корреспондент НАНА,
доктор наук по истории, профессор*

Ахундова Н.Ч.

Рецензенты:

*доктор наук по истории
доктор наук по истории
доктор философии по истории, доцент*

**Алиева Н.А.
Гасымов Х.С.
Чаглайан Е.Х.**

Кафар-заде Ламия. Вопросы раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии.

Баку: ИПО Турхан, 2017. - 248 с.

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собою первую в отечественной исторической науке попытку изучить широкий спектр концептуально важных вопросов раннесредневековой истории Азербайджана по материалам англоязычной историографии. В монографии отражены важные вопросы общественно-политической и отчасти социально-экономической истории Азербайджана в III – XI веках.

Монография рассчитана на широкий круг читателей и может быть применена в процессе преподавания специализированных курсов на факультетах истории и востоковедения вузов республики, служить основой при написании исторических трудов, при подготовке учебно-методической литературы как в общеобразовательных школах, так и в вузах.

К 0503010000–062
(TNP) 2017

© НАНА Институт истории им. А.А.Бакиханова, 2017

© Кафар-заде Ламия, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	13
ВВЕДЕНИЕ	17
ГЛАВА I	
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В III – I ПОЛОВИНЕ VII ВВ. В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	
1.1. Вхождение земель Азербайджана в состав Сасанидской империи. Антисасанидская борьба азербайджанского населения во II половине V века	41
1.2. Азербайджан в геополитическом противостоянии Сасанидской империи с Римской и Византийской империями в III – I половине VII веках	59
ГЛАВА II	
АЗЕРБАЙДЖАН В СОСТАВЕ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	
2.1. Арабское завоевание Азербайджана	73
2.2. Налоговая политика арабской администрации	91
2.3. Переселение арабских племен в Азербайджан. Изменения в общественно-правовом и этноконфессиональном составе местного населения	106
2.4. Освободительное движение хуррамитов под предводительством Бабека	128

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА ВО II ПОЛОВИНЕ IX – XI ВЕКАХ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Общественно-политическая ситуация в Азербайджане во II половине IX – X веках. Образование и деятельность независимых феодальных государств	147
3.2 Общественно-политическая ситуация в Азербайджане в XI веке. Сельджукское миграционное движение и Азер- байджан	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200
ЛИТЕРАТУРА	209
ПРИЛОЖЕНИЯ	241

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ АЗЕРБАЙДЖАНА

Предисловие на монографию Л.Р. Кафар-заде «Вопросы раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии»

За последние несколько десятилетий в исследовании раннесредневековой истории Азербайджана отечественная историческая наука достигла больших успехов. Наряду с изданием ряда фундаментальных монографических и специальных работ по отдельным вопросам истории указанного периода активно проводятся археологические и этнографические исследования. Тем не менее, при сравнительной изученности истории Азербайджана позднего средневековья отдельные вопросы раннесредневековой истории Азербайджана все еще требуют более детального изучения. С распадом же Советского Союза и восстановлением государственной независимости Азербайджанской Республики возникла необходимость пересмотра ряда вопросов истории Азербайджана, их новой интерпретации, свободной от влияний изжившей себя советской идеологии и догматической историографии, советской методологии исторического исследования, которая не учитывала особенности исторического, социально-экономического и этнокультурного развития Азербайджана. Наряду с тем, что азербайджанские исследователи стали активно принимать участие на международных научных конференциях, симпозиумах, конгрессах, за рубежом появились научно-исследовательские центры, открылись курсы и программы по изучению историко-культурного наследия азербайджанского народа и Азербайджана в целом. Как следствие, отечественные исследователи получили возможность представить мировому научному сообществу объективную историческую действительность Азербайджана.

Период раннего средневековья был богат не просто политическими, а одновременно судьбоносными событиями, оставившими глубокий след в этнокультурной жизни азербайджанского народа по сегодняшний день. Наряду с тем, что Азербайджан стал объектом геополитических интересов крупнейших держав того времени – Сасанидской империи, Византии, Хазарского каганата и Арабского халифата, большие изменения произошли также в социальной структуре общества, материальной и духовной культуре местного населения. Это был период формирования и становления феодального общества. Также параллельно происходил процесс естественной этнолингвистической ассимиляции. Несмотря на проводимую завоевателями политику насильственной ассимиляции местного населения, в результате пребывания как северных, так и южных земель Азербайджана в составе как Сасанидской империи, так и Арабского халифата на протяжении длительного исторического периода расширились внутренние связи между всеми регионами страны. Произошли значительные сдвиги и на пути создания этнокультурного и духовно-религиозного единства между северными и южными, восточными и западными регионами Азербайджана. Продолжительная совместная освободительная борьба населения Азербайджана против сасанидских и арабских завоевателей еще теснее сплотила тюркское и не тюркское население страны, оказав положительное влияние на их консолидацию. Распространение же в Азербайджане ислама стало сильным толчком для формирования единого народа и языка, оказав решающее влияние на ускорение этого процесса. К тому же, именно ислам объединил принявшие его тюркские и не тюркские этносы под единым тюркско-исламским знаменем против Византийской империи, стремившейся включить весь Южный Кавказ в сферу влияния христианства, а также против пользовавшихся ее покровительством армянских и грузинских феодалов, претендовавших на земли Азербайджана. Кроме того, с образованием независи-

мых феодальных государств в период упадка Арабского халифата в середине IX в. вновь были возрождены древние традиции азербайджанской государственности. Новый миграционный поток огузов из Средней Азии и Хорасана в Азербайджан и их массовое расселение здесь способствовало дальнейшему формированию этнолингвистического единства на территории от Дербента на севере и почти до Хамадана на юге. Сельджукское миграционное движение качественно изменило этнокультурный облик всего ближневосточного региона. Отметим, что сегодня азербайджанцы после анатолийских турков являются вторым по численности большим тюркским народом.

Изучение истории Азербайджана по материалам зарубежной историографии, в данном случае конкретно в англоязычной, не только актуально, но и крайне необходимо с научной точки зрения, т.к., несмотря на наличие большого фактологического материала, к сожалению, нередко те или иные вопросы отечественной истории искажаются, иногда даже вопреки ясному свидетельству источников целенаправленно фальсифицируются англоязычными исследователями, мотивированными как объективными, так порой и субъективными причинами, грубо нарушая принцип научного историзма и объективизма, уступая место тенденциозности, предвзятым убеждениям и общественно-политическим воззрениям. Как результат, в англоязычной историографии можно часто встретить случаи умаления или даже полного отрицания исторического пути, национального достоинства, игнорирования богатого историко-культурного наследия азербайджанского народа. В качестве примера можно указать на такие факты искажения исторических реалий и игнорирования азербайджанской государственности, как безапелляционное рассмотрение Азербайджана составной частью Ирана, а то и вовсе «иранским государством», игнорирование Азербайджанской Албании как независимого, самостоятельного государства, представление исконно азербайджанских земель «армянскими», причисление албанского историка

Моисея Каланкатуйского к разряду армянских историков, представление правителя Шеки и Аррана Сахля ибн Сумбата князем армянской династии Багратуни, игнорирование освободительного характера движения хуррамитов, категоричное отрицание наличия сильного тюркского компонента в этнополитической истории автохтонного населения раннесредневекового Азербайджана вплоть до миграции сюда в XI в. сельджуков, ия албанского культурного наследия и т.д. Необходимо отметить, что большинство этих грубых искажений исторических реалий Азербайджана является результатом грязной «деятельности» армянских фальсификаторов и следствием безграничного «паниранизма» некоторых исследователей.

К примеру, такие авторитетные исследователи, как К.Босворт, П.Гольден, Л.Джохансен и др., одними из главных последствий переселения тюркских племен огузов из Средней Азии в Азербайджан и включения последнего в состав империи Великих Сельджуков указывают процесс этнолингвистической «тюркизации» Азербайджана.

Автор монографии Л.Р.Кафар-заде же, основываясь на первоисточниках и обширной научной литературе, весьма убедительно показала несостоятельность данного утверждения и доказала, что Азербайджан издревле является территорией расселения тюркских этносов, начиная же с XI в. тюркство превратилось в главный этнополитический фактор не только на всем Южном Кавказе, но и в Передней Азии. Справедливости ради отметим, что среди англоязычных исследователей, хотя и мало, но все же имеются и такие, как, к примеру, Дж.Бучан, которые признают, что с новым миграционным потоком огузов в Азербайджан в XI в. тюркское население последнего лишь количественно увеличилось, качественных же изменений в этническом составе местного населения не последовало. К тому же, заслуживает внимания тот факт, что Л.Р.Кафар-заде особо подчеркнула консолидирующую роль именно тюркства, тюркских этносов и языка в истории госу-

дарственности Азербайджана еще в доисламский период, в период, когда отсутствовала единая монотеистическая религия, способная сплотить как тюркские, так и не тюркские этносы на территории Азербайджана. Именно тюркство явилось ключевым звеном в процессе этнополитической и культурной унификации всех областей страны. Примечательно и то, что в данной монографии Л.Р.Кафар-заде показала, что именно из-за того, что тюркские этносы представляли собою многочисленную и мощную военно-политическую силу, политика насильственной этнокультурной ассимиляции азербайджанского населения, проводимой как сасанидскими, так и арабскими завоевателями на протяжении приблизительно шести столетий, потерпела фиаско. Касательно религии также необходимо отметить, что Л.Р.Кафар-заде объективно подчеркнула, что ислам быстро распространился именно в тех областях Азербайджана, где население исповедовало *тенгрианство* (вера в бога тюрков – Танры). Однако, как известно, в некоторых западных областях Азербайджанской Албании, в частности, в горных местностях, сохранилось христианство, ибо, согласно кораническим принципам, арабские завоеватели должны были толерантно относиться к «людям Писания». Тем самым сложившийся религиозный раскол Азербайджана дал возможность движимым территориальными притязаниями армянским и грузинским феодалам активизировать борьбу за включение христианского населения Албании в сферу своего религиозно-политического и этнического влияния, началась григорианизация и ия албан-христиан, которая по замыслам противной стороны, должна была вслед за ией и огрузиниванием привести к отторжению азербайджанских земель. Как ни странно, сегодня захватнические стремления армян проявляются не только в оккупации 20% исконно азербайджанских земель, но и в научной среде. Так, к примеру, англоязычные исследователи армянского происхождения Р.Хьюсен, Р.Томсон, Р.Сюни и др., нагло игнорируя факты, приведенные в источниках, пы-

таются приписать Армении азербайджанские земли, главным образом правобережье р. Куры, включая Гарабаг, иногда даже территории Южного Азербайджана, а также такие города как Ганзак. Ценность данной монографии заключается в том, что ее автор Л.Р.Кафар-заде, основываясь на богатом фактологическом материале не только отечественной, но и зарубежной научной литературы, а также, что наиболее принципиально, сведениях источников, причем даже самих армянских, доказала голословность утверждений этих «исследователей». К тому же, в противовес им М.Канард категорически отрицает автохтонность армян не только в Малой Азии, но даже на Южном Кавказе, указав, что этноним «армяне» и хороним «Армения» приватизированы ими.

К сожалению, сегодня все попытки отечественных исследователей довести до мировой общественности историю Азербайджана в объективном свете, предпринятые главным образом в постсоветский период, воспринимаются в штыки и клеймятся советской практикой исторических фальсификаций, доставшейся Азербайджанской Республике по наследству, псевдонаучной политической акцией, преднамеренной политической провокацией, волюнтаризмом в изучении древности, фальсификацией самого понятия историзма, прямым государственным заказом. Некоторые зарубежные исследователи, сомневаясь в профессионализме азербайджанских историков, обвиняют их в политизированности, идеологизированности проводимых ими исследований, а нередко и в национализме, ставя в пример идеологию азербайджанства. Среди «приемов» ревизионистских концепций в азербайджанской историографии часто указываются: попытки отечественных исследователей укоренить азербайджанцев на территории Азербайджана, очистив последнюю от армянского наследия, целенаправленная фальсификация источников, якобы являющаяся прямым государственным заказом, преувеличение силы и значения Албании, якобы в реальности представляющей собой маргиналь-

ное окраинное государство древнего мира и являющейся самой отсталой из областей Южного Кавказа, искусственно «удревнить» и саму историю Албании, выдумка существования некогда богатой литературы на албанском языке, приписка Албании территории между Курой и Аразом, «албанизация» армянского культурного наследия, пересмотр теории этногенеза азербайджанского народа, в частности, «тюркизация» албан и конструирование мифа о «вечном» проживании тюрков в Азербайджане.

В этом отношении данная монография имеет исключительную ценность. Она уникальна и тем, что наряду с тем, что она является первой предпринятой отечественным исследователем попыткой комплексно осветить вопросы раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии, ее автор преследует цель показать несостоятельность всех вышеуказанных положений касательно исторических реалий Азербайджана, господствующих в зарубежном научном сообществе. С целью популяризации истории и культуры азербайджанского народа, и главное, как было выше отмечено, донесения до мировой научной общественности объективной истории Азербайджана в указанный период основные результаты проведенного Л.Р.Кафар-заде исследования нашли свое отражение в ряде научных статей, опубликованных в авторитетных республиканских и международных научных журналах, а также в докладах на многочисленных научно-практических конференциях, как республиканского, так и международного уровня. Отметим, что в 2015 г. Л.Р.Кафар-заде, досрочно завершив свою научно-исследовательскую работу под руководством члена-корреспондента НАН Азербайджана, доктора наук по истории, профессора Ахундовой Н.Ч., успешно защитила диссертацию на соискание научной степени доктора философии по истории на тему «Раннесредневековая история Азербайджана в англоязычной историографии» и ныне является старшим научным сотрудником отдела «Истории средних

веков Азербайджана» Института Истории имени А.А. Бакиханова НАН Азербайджана.

Итак, в условиях информационной войны историков Азербайджана против фальсификаторов исторических реалий нашего Отечества научная ценность данного монографического исследования несомненна, ибо оно не только освещает актуальные проблемы раннесредневекового Азербайджана по материалам англоязычной историографии, но одновременно преследует цель воссоздания объективной исторической действительности Азербайджана в указанный период, что в свою очередь принципиально важно. Представленная монография, безусловно, является большим вкладом в отечественную историографию, в частности, в медиевистику. Убежден, что своими новыми исследованиями по проблемам раннесредневековой истории Азербайджана Л.Р.Кафар-заде обогатит отечественную историографию. Желаю успехов талантливому специалисту в дальнейших научных изысканиях.

МАХМУДОВ Я.М.,

*член-корреспондент НАН Азербайджана,
заслуженный деятель науки,
лауреат Государственной премии*

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В представленной монографии на основе материалов англоязычной историографии освещены различные вопросы общественно-политической, социально-экономической, отчасти духовной и этнокультурной жизни азербайджанского населения в период раннего средневековья. Предметом комплексного исследования стали такие важные проблемы, как включение земель Азербайджана в III в. в состав Сасанидской империи и, как следствие, роль и место Азербайджана в продолжительном римско-сасанидском и византийско-сасанидском противостоянии за установление гегемонии на Кавказе, антисасанидская борьба азербайджанского населения во II половине V в., завоевание Азербайджана в I половине VII в. Арабским халифатом и последовавшие за этим изменения в системе административно-территориального управления, переселение арабских племен, исламизация местного населения, а также установление налогового обложения, освободительное движение хуррамитов, общественно-политическая ситуация в Азербайджане во II половине IX – XI вв., знаменовавшаяся возникновением ряда независимых феодальных государств, а также миграцией новых групп тюрков-огузов в Азербайджан и последующим вхождением последнего в состав Империи Великих Сельджуков.

Как видно, автор монографии старался комплексно охватить широкий круг вопросов раннесредневекового периода истории Азербайджана. Наряду с тем, что данная монография является результатом впервые проведенного в отечественной исторической науке исследования материалов англоязычной научной литературы, она также, являясь фундаментальным исследованием, в хронологическом и проблемно-тематическом плане выгодно отличается от всех других работ по истории

Азербайджана указанного периода. Кроме того, из приведенного в вводной части монографии историографического и источниковедческого анализа видно, что труд написан на основе обширного круга работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, в совокупности с богатой источниковой базой. Причем, абсолютное большинство исследовательских работ, задействованных автором при написании монографии, являются результатами новейших разработок, что в свою очередь похвально, т.к. позволяет читателям ознакомиться с последними достижениями мировой исторической науки и, соответственно, проследить эволюцию научной мысли.

Как известно, историография средних веков является важным элементом исторической науки, т.к. она не только позволяет исследователю проследить развитие исторического знания, провести анализ источниковедческой базы исторической науки и ее исследовательской методики, определить преемственность и степень новаторства концепций, правильно оценить эволюцию идейно-методологического аппарата других исследователей, но и одновременно определить факторы, влияющие на интерпретацию исследователями тех или иных исторических событий.

Надо заметить, что представители отечественной историографии всегда пытаются отыскать объективное, соответствующее исторической правде отношение между реальностью и ее изложением в исследованиях, главным образом зарубежных ученых. В англоязычной историографии последних десятилетий преобладает довольно необъективный подход к истории Азербайджана в средневековье. Кроме того, она рассматривалась исключительно в контексте истории Ирана. Основная задача автора данной книги как раз и заключается в выявлении ошибочности данных представлений. Примечательно, что в представленной монографии наравне с большим научным материалом на английском и других иностранных языках нашли свое отражение также результаты исследований отечественных исследователей.

Наряду с определением степени изученности широкого спектра вопросов раннесредневековой истории Азербайджана, выявлением многочисленных искажений исторической картины Азербайджана в указанный период в англоязычной историографии автор ставил своей целью и определение заслуг англоязычных исследователей в освещении тех или иных концептуальных вопросов истории нашего Отечества, а таких в свою очередь немало. К примеру, тот факт, что в раннее средневековье Азербайджан непрерывно являлся объектом геополитического соперничества великих держав того времени, англоязычные исследователи связывают именно с его исключительно выгодным в военном отношении геостратегическим расположением и наличием несметных природных богатств.

Заметим, что за последние годы в Институте Истории имени А.А.Бакиханова НАН Азербайджана проведены комплексные исследования истории Азербайджана в период средних веков на основе материалов европейской историографии, что дает возможность более детального изучения исторического прошлого нашего народа и в этом плане подготовленная монография займет свое достойное место. Тот факт, что с обретением государственной независимости достижения современной исторической науки Азербайджана становятся известными международной научной общественности, дает нам основание верить в более объективное освещение в ближайшем будущем вопросов отечественной истории в западной научной литературе. К тому же, восстановление независимости Азербайджанской Республики, признанной мировым сообществом, как минимум, будет стимулирующим импульсом для более глубокого изучения историко-культурного наследия Азербайджана западными исследователями, станет толчком для пересмотра ряда сложившихся стереотипов, избавления от прежних догматических установок западного востоковедения и, соответственно, изменения угла зрения на этнополитическую историю и историю государственности Азербайджана в период раннего средневековья в целом. Представленная вашему вни-

манию монография служит именно этой цели и является весьма актуальной для полного понимания проблем ранне-средневековой истории Азербайджана.

Итак, наряду с тем, что представленная монография является результатом впервые предпринятой в отечественной исторической науке попытки осветить широкий спектр концептуальных вопросов раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии, данная монография является, к тому же, и первым серьезным обобщающим трудом по истории Азербайджана III – XI вв., и, соответственно, большим вкладом в исследование истории Азербайджана и азербайджанскую историографию в целом. Бесспорно, монография представляет значительный научный интерес и будет привлекать пристальное внимание не только специалистов-историков, но и широкого круга читателей, интересующихся ранне-средневековой историей Азербайджана и сопредельных стран.

АХУНДОВА Н.Ч.,
член-корреспондент НАН Азербайджана,
доктор наук по истории, профессор

ВВЕДЕНИЕ

*«Народ, знающий свою
историю, непобедим»*

Я.М. Махмудов

Период раннего средневековья¹ запомнился в истории азербайджанской государственности такими эпохальными событиями, как вхождение земель Азербайджана в III в. в состав Сасанидской империи, а затем в VII в. – в состав Арабского халифата, длившаяся долгие годы героическая освободительная борьба хуррамитов, возникновение на территории Азербайджана независимых феодальных государств и новая волна миграции тюрков-сельджуков, оставившими глубокий след не только в политической, в социально-экономической, но и в этнокультурной истории азербайджанского народа. Однако, несмотря на то, что история Азербайджана в период раннего средневековья богата знаменательными событиями, именно этот период мало изучен. В данной монографии впервые в отечественной исторической науке предпринимается попытка осветить широкий спектр концептуально важных вопросов раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии, причем большинство исследованных нами монографий и научных статей англоязычных исследователей впервые вводится в научный оборот. Таким образом, данная

¹Периодизация раннего средневековья в отечественной исторической науке несколько отличается от той же в Западной Европе. Временные рамки раннего средневековья в Азербайджане, как и на всем Востоке, в силу особенностей восточного феодализма, ввиду раннего зарождения феодальных отношений принято датировать III – XI веками вплоть до наступления периода развитого феодализма.

монография, несомненно, является ценным вкладом не только в дело изучения истории Азербайджана в период раннего средневековья, но и в отечественную медиевистику в целом.

Быстрый рост международного престижа Азербайджана в последние десятилетия, как следствие, значительное усиление интереса государств Запада к Азербайджану, внешнеполитический курс современного Азербайджана, намеченный на установление стабильных партнерских взаимоотношений с государствами Запада как в политической, в экономической, так и в культурной сферах, обуславливают необходимость исследования раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии не только с научной, но и с политической точки зрения.

Изучение истории Азербайджана периода нахождения в составе Сасанидской империи и Арабского халифата по материалам англоязычной историографии представляет особый научный интерес по ряду причин. Во-первых, длившаяся долгие годы совместная борьба против сасанидских и арабских завоевателей ускорила процесс сближения между преобладающим в количественном отношении аборигенным тюркским населением Азербайджана и не тюркскими народами и этническими группами, проживающими на его территории. Во-вторых, распространение исповедуемого сегодня большинством населения Азербайджанской Республики ислама с началом арабских завоеваний и окончательное укоренение его с включением азербайджанских земель в состав империи Великих Сельджуков послужило сильным толчком формированию единого народа и языка, а также установлению единой религии в Азербайджане. В-третьих, ослабление Арабского халифата и, как следствие, возникновение в Азербайджане в IX в., к примеру, таких государств, как Ширваншахов, Саджидов, Саларидов, Раввадидов, Шаддадидов, Шекинского владения, Тифлисского и Дербентского эмиратов, даже несмотря на отсутствие единой центральной власти, сыграло большую роль в возрождении традиций древней государственности

Азербайджана, а также в отражении единым тюркско-исламским блоком набегов Византии и армяно-грузинских феодалов. Более того, образование тюркского государства Саджидов обусловило объединение как южных, так и северных земель Азербайджана под единой тюркской властью.

С другой стороны, необходимость изучения истории Азербайджана в период раннего средневековья, причем на основе материалов англоязычной историографии, обусловлена и агрессивным отношением Армении к Азербайджанской Республике. Так, в условиях неразрешенного и длящегося долгие десятилетия Нагорно-Гарабагского конфликта, являющегося результатом бесосновательных территориальных претензий Армении, и, как следствие, оккупации 20% азербайджанских земель армянами становится обязательным комплексное изучение истории Азербайджана в период раннего средневековья, когда земли Азербайджана на протяжении почти 6 столетий последовательно находились в составе Сасанидской империи и Арабского халифата и вследствие римско-сасанидских и византийско-сасанидских войн, а также сасанидской и арабской систем управления подверглись административно-территориальному перераспределению, что в свою очередь создало «почву» для историков-дилетантов, а также бюстителей идеологемы «Великой Армении от моря до моря» утверждать об исконно азербайджанских землях как о принадлежавших армянам (хотя научно доказано, что, в отличие от азербайджанского народа, являвшегося автохтонным населением на Кавказе, армяне были аллохтонами). Отметим, что, к сожалению, большинством англоязычных исследователей азербайджанские земли нередко преподносятся как «армянские», даже авторство албанского источника «История Албании» Моисея Каланкатуйского приписывается армянам. Исследование же периода господства в Азербайджане Арабского халифата поможет пролить свет на немаловажную проблему – григорианизацию албан-христиан и ию азербайджанских земель, что, в свою очередь, докажет мировому сообществу, что азербай-

джанские земли ни этнически, ни политически никогда не были связаны с эфемерной «Арменией».

Необходимо отметить, что в целом западной историографии, в исследованиях которой тем или иным образом освещаются исторические события Азербайджана в раннее средневековье, свойственно искажать исторические реалии прошлого нашего народа. Англоязычная историография в этом отношении не составляет исключения, что, к сожалению, открывает дорогу к фальсификации тех или иных исторических событий. Пожалуй, нет ни одного фундаментального исследования, специализированного по раннесредневековой истории Азербайджана, исключение составляют лишь научные статьи. В большинстве работ англоязычных исследователей история Азербайджана «растворена» в научных трудах, освещающих историю государств Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Средиземноморья, и, более того, представлена как «составная часть» истории Ирана. Нередко причиной искажений тех или иных событий являются национальная принадлежность и предвзятые политические убеждения, ангажированность исследователей, как, к примеру, в случае с большинством англоязычных исследователей персидского и армянского происхождения. Кроме того, часто в исследованиях англоязычных ученых Азербайджан предстает перед нами не как субъект общественно-политических событий, а именно как объект. Данный факт можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, результаты исследований отечественных ученых, к сожалению, не получали огласки среди мирового научного сообщества. Лишь в последние десятилетия с обретением нашим государством независимости достижения азербайджанской исторической науки стали известны международному научному сообществу. Однако теперь перед отечественными исследователями стоит первоочередная задача – развеять укоренившиеся ошибочные взгляды западных, в частности англоязычных, исследователей на те или иные события истории Азербайджана, ибо именно на основе сведений, приведенных в тру-

дах западных исследователей, формируется общее представление на международной арене об азербайджанском народе и Азербайджане в целом.

Во-вторых, немаловажную роль в необъективном отражении исторических событий сыграл тот факт, что практически ни один англоязычный исследователь не ссылается на местные источники и фундаментальные научные труды отечественных историков и востоковедов, освещающих те или иные события истории Азербайджана в период раннего средневековья. Данный факт можно связать как с незнанием англоязычными исследователями азербайджанского языка, так и малочисленностью монографий и научных статей отечественных исследователей, освещающих указанный период на английском языке.

Сегодня в США, а также по всей Европе действует несколько десятков научных институтов и исследовательских центров, специализирующихся в области иранистики, результаты научной деятельности которых представляют для нас большую важность, т.к., хотя и к большому нашему сожалению, те или иные события истории Азербайджана в средние века, как нами ранее было указано, интерпретируются англоязычными исследователями сквозь призму иранской истории. Однако необходимо отметить, что с 2013 г. по инициативе ректора Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, члена-корреспондента НАНА, доктора филологических наук, профессора Наргиз ханум Пашаевой при Оксфордском университете начал действовать первый научно-исследовательский центр Азербайджана и Кавказоведения имени Низами Гянджеви, что в свою очередь по праву является историческим событием для Азербайджана, т.к. деятельность данного центра обеспечивает выход азербайджанских исследователей на мировой научный уровень и познакомит мировое научное сообщество с историческим наследием и культурой азербайджанского народа. Тот факт, что Наргиз ханум Пашаевой удалось назвать центр в честь великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви, к сожалению, известного не только в стенах Оксфордского универ-

ситета, но и на Западе в целом как «персидский» поэт, доказывает, что в скором времени результаты деятельности центра заставят мировое научное сообщество пересмотреть свои необъективные взгляды на исторические реалии Азербайджана.

Монография написана на основе богатой историографической базы, состоящей из фундаментальных работ и научных статей как отечественных, так и зарубежных исследователей. Отметим, что самое раннее произведение англоязычных исследователей, в котором, хотя и фрагментарно, но освещены те или иные исторические события Азербайджана, относится к I половине XIX в. (Дж.Малькольм «История Персии», т. II, 1829 г.) [287]., а первым специализированным трудом, с которого можно сказать началось изучение истории Азербайджана в раннее средневековье в англоязычной историографии, является научная статья Д.Марголиуса «Захват русами Барды в 943 г.» (1918 г.) [288].

В освещении антисасанидской борьбы южнокавказских народов во II половине V в., в том числе и азербайджанского населения, представляют большой интерес труды выдающегося иранолога Р.Фрая, в частности такие работы, как «Наследие Персии» и «История древнего Ирана» [241; 242]. Отметим, что наряду с положительными сторонами работ Р.Фрая, а именно тем, что в условиях обострения геополитического соперничества между Византией и Сасанидами исследователь сумел разглядеть в религиозной политике последних по отношению к подвластным народам Кавказа политический мотив, тем не менее, имеются и недостатки. Так, хотя в трудах Р.Фрая нашло свое отражение тяжелое социально-экономическое положение южнокавказских народов, не освещена цель восстания албанского царя Ваче II. Труд Р.Фрая «История древнего Ирана» примечателен также тем, что заключение шахом Валаршем Нварсакского мира исследователь связывает не только с бедственным внутренним положением и сложной внешнеполитической ситуацией в Сасанидской империи, но и с исключительной стратегической важностью для Сасанидов мирных отношений с Азербайджанской Албанией [242].

Научные статьи Р.Фрая, посвященные тем или иным вопросам истории Азербайджана, также представляют большую научную ценность, т.к. наравне с тем, что в них освещается общественно-политическая ситуация в Азербайджане накануне и после арабского завоевания, особо подчеркнута политическая раздробленность Албании, облегчившая ее захват. Исследователь отмечает, что подчинение носило номинальный характер, т.к. местные династии сохранили полунезависимое положение. Особое внимание исследователь уделил и влиянию арабо-хазарских войн на Азербайджан. Кроме того, Р.Фрай затронул и отдельные моменты общественно-политической ситуации в Азербайджане во II половине IX – XI вв., включая миграцию Сельджуков [238-244; 375].

Наравне с Р.Фраем большая заслуга в освещении антисасанидской борьбы азербайджанского населения во II половине V в. принадлежит С.МакДонафу [289], Р.Уотерфильду [338], Р.Гиршману [245], С.Раппу [390], в трудах которых на первый план выводится политический характер религиозной политики Сасанидов. Исключительное место в изучении данной проблемы принадлежит М.Уиттоу, т.к. из множества англоязычных исследователей он единственный объективно указал, что отставание христианства южнокавказскими народами в восстании 450-451 гг. не носило религиозного характера, а было направлено на сохранение своей независимости [340].

Роль и место территорий Азербайджана в многовековом римско-сасанидском и византийско-сасанидском геополитическом противостоянии освещены в трудах С.МакДонафа [289; 290], Р.Фрая [243; 244], К.Лайтфута [282], У.Тредголда [333], М.Уитби [339], а также в совместной монографии Б.Дигнаса и Э.Уинтера [227]. Однако из всех исследователей, тем или иным образом затронувших данную проблему, особую научную значимость для нас представляют труды У.Кеджи [266] и Э.Гиббона [247], которые не только наиболее полно осветили данные события, но и кроме подробного маршрута персидского похода византийского императора Ираклия и, как следст-

вие, бедственного социально-экономического положения населения Азербайджана, свидетельствуют и о религиозных притеснениях местных христиан и иудеев со стороны византийских отрядов. Научные статьи П.Гольдена [249] и Дж.Хаксли [262] также представляют большую ценность, ибо из всех исследователей лишь они не только осветили последствия византийско-сасанидской войны 603-628 гг. для Азербайджанской Албании, но и подчеркнули факт установления на Южном Кавказе, в том числе на землях Азербайджана, тройного гнета как со стороны Сасанидов, Византии, так и хазар, причем, по мнению П.Гольдена, положение в Албании было куда более критическим по сравнению с соседними государствами.

Кроме того, статьи П.Гольдена ценны и тем, что в них подробно изложена история взаимоотношений Азербайджана с соседними тюркскими народами, граничившими с севера. Так, в статьях П.Гольдена нашли свое отражение такие важные вопросы, как союз албан с гуннами в антисасанидской борьбе II половины V в., подстрекательство Византией хазар к участию в персидской кампании Ираклия, грабительские вторжения хазар в Албанию в 662 и 664/5 гг., а также албанское посольство во главе с Исраилом в страну хазар в 681 г. [191; 249].

Процесс завоевания арабами Азербайджана, изменения, привнесенные арабской администрацией в общественно-правовой статус покоренного населения, а также вопросы социально-экономического и идеологического характера нашли свое отражение в произведениях и научных статьях таких видных англоязычных исследователей, как Ф.Доннер [229; 230], Дж.Глабб [101], М.Морони [301], У.Мьюир [302], Ф.Хитти [258], Э.Браун [208], А.Триттон [336], Д.Николь [304], Р.Николсон [303], Р.Уилсон, А.Ал-Ашкер [181], К.Армстронг [187], Т.Арнольд [188], М.Боннер [195; 196], Э.Брукс [207], С.Корнелл [220], Э.Дэниел [224], Д.Деннет [226], Г.Эндресс [237], Дж.Хоутинг [256], М.Ходжсон [259], Р.Хойланд [261], Дж.Саундерс [311], М.Сикер [314], Б.Льюис [276-281], Э.Лэмбтон [270-273], Х.Кеннеди [130; 268; 269] и др.

Особенности завоевательного процесса арабов, представляющие большой научный интерес, освещены в работах У.Мьюира [302], М.Морони [301] и С.Корнелла [220], т.к. именно эти исследователи установили, что заключение мирных договоров с местным населением не означало окончательного установления в Азербайджане единоличного господства арабов. Для изучения переселенческой политики арабской администрации большую научную ценность представляет статья Э.Дэниела «Арабские поселения в Иране» [224], в которой исследователь указывает основные причины и цели, характер и направление массового переселения арабских племен в Азербайджан. Более того, данная статья уникальна и тем, что ее автор активизацию хариджитского движения в Азербайджане в I половине VIII – I половине IX вв. связывает именно с переселением сюда арабских диссидентов. Одним из последствий переселенческой политики Э.Дэниел указывает возникновение арабских династов, в дальнейшем претендовавших на власть в Азербайджане.

Ценные сведения по истории Азербайджана в период господства Арабского халифата содержатся также в научных трудах Х.Кеннеди [130; 268; 269]. Исследователь не ограничился изложением и характеристикой общественно-политического положения Сасанидов, Византии и подвластных им народов накануне арабского завоевания, непосредственно самим процессом завоевания, но коснулся особенностей и последствий переселенческого процесса. Большой интерес для нас представляет тот факт, что исследователь подчеркнул, что завоевание территорий Азербайджана арабами произошло не моментально, а носило довольно затяжной характер. Так, Х.Кеннеди указывает, что горные районы Азербайджана были завоеваны арабами лишь 2-3 века спустя появления здесь последних, с чем он и связал процесс медленной исламизации Азербайджана. Освещая же переселенческую политику Арабского халифата, Х.Кеннеди отмечает не только постепенный характер заселения, но и сообщает, что территория Азербайджана для Баг-

дада служила своеобразным местом ссылки недовольных центральной властью элементов. Наглядным примером тому исследователь приводит ал-Ашаса ибн Гейса – главного врага халифа Абу Бекра в период войн вероотступничества, – которому и было поручено управление Азербайджаном. Кроме того, в трудах Х.Кеннеди нашли свое отражение последствия переселенческой политики. Так, в частности, автор констатирует, что, даже несмотря на политику изоляции арабских переселенцев от местного населения, традиционно проводимую арабской администрацией на местах, переселенцы в Азербайджане все же подверглись ассимиляции местным населением.

Для подробного освещения налоговой политики Арабского халифата в Азербайджане большой научный интерес представляют монографии и научные статьи Э.Лэмбтон [270-273], Ф.Локкегаарда [284], Д.Деннет [226], Р.Уилсона, А.Ал-Ашкера [181], В.Морин [387] и Г.Гибба [246], позволившие установить преемственность системы налогообложения от Сасанидов, коллективный характер взимания налогов с населения Азербайджана, определить вариацию ставки налогов в зависимости от местных условий, а также отсутствие унифицированной системы налогообложения. Кроме того, исследователи свидетельствуют и о правонарушениях при взимании налогов с местного населения, об отрицательных последствиях откупной системы.

Административно-территориальная система управления в период господства Арабского халифата в Азербайджане исследована на основе научных статей М.Канарда [215; 216], изучение которых позволило нам не только утверждать о преемственности сасанидской и византийской моделей управления, но и, что наиболее принципиально, доказать, что административно-территориальная дефиниция «Арминия» ни по византийской, ни по арабской модели административного деления не включала в себя чисто «армянские» земли, а состояла из совокупности территорий сопредельных стран, завоеванных арабами на Кавказе. Кроме того, ретроспективный анализ исследователя доказал, что армяне – пришлое население как в

Малой Азии, так и на Кавказе, а этноним «армяне» и хороним «Армения» были ими приватизированы.

При освещении освободительной борьбы хуррамитов под предводительством Бабека были использованы труды и научные статьи П.Кроун [222; 370; 371], У.Маделунга [285], Л.Грея [252], Б.Льюиса [279], Э.Райта [343], Э.Дэниела [225] и др. Однако из всех вышеперечисленных исследователей особую научную ценность для нас представляют статьи П.Кроун, т.к. именно в них наиболее полно освещены истоки, причины возникновения, ареал распространения, характер и идеология хуррамитского движения. Более того, именно П.Кроун указала, что даже после разгрома движения хуррамитов в 838 г. последние активно выступали в антихалифатских восстаниях последующих столетий в различных областях халифата. Наряду с П.Кроун, лишь в работах Б.Льюиса [279] и М.Уиттоу [340] делается попытка абстрагироваться от «религиозного» характера борьбы и уделить внимание бедственному положению азербайджанского населения в период господства Арабского халифата, что, в свою очередь, составляет главное отличие указанных исследователей от остальных, чьи труды были нами исследованы, ибо, общеизвестно, что среди причин, побудивших народ к освободительному движению, наряду со стремлением к избавлению от арабского ига тяжелое социально-экономическое положение местного населения сыграло немалую роль. Тем не менее, отрицательной чертой всех исследователей в освещении движения хуррамитов является ошибочная характеристика последнего «антиисламской» борьбой.

Огромный научный интерес представляют монографии и научные статьи выдающегося британского востоковеда К.Босворта. Примечательно, что хронологические рамки публикаций данного исследователя (в нашем случае нас интересует временной промежуток с III по XI вв.) позволяют нам сослаться на них при изучении как периода Сасанидского господства, нахождения земель Азербайджана в составе Арабского халифата, так и периода возникновения, деятельности, смены друг

другом независимых феодальных государств и даже осветить процесс миграции Сельджуков. Так, в своих произведениях К.Босворт затронул такие важные вопросы, как внутривнутриполитическая ситуация в Албании накануне арабских завоеваний и последовавшие за ними изменения этноконфессионального характера, особенности переселенческого процесса, административно-территориальное управление арабской администрации, роль Азербайджана в арабо-хазарском противостоянии, борьба Бабека и т.д. Большую важность произведения К.Босворта представили для нас при освещении общественно-политической истории Азербайджана в I половине IX – XI вв., т.к. указанный период наиболее полно среди англоязычных исследователей представлен именно им. Исследователь не только указывает, что процесс политической дезинтеграции в самом Арабском халифате неминуемо сказался и на Азербайджане, что привело к превращению назначенных сюда Багдадом правителей в практически независимых властителей, но и подробно освещает особенности возникновения здесь таких независимых феодальных государств, как Ширваншахов, Саджидов, Саларидов, Раввадидов, Шаддадидов. К.Босворт уделил большое внимание сложной внутривнутриполитической истории, этническому происхождению правящих династий, расширению территориальных границ, вопросам взаимоотношений вышеуказанных государств с соседями. Статьи К.Босворта также содержат интересные с научной точки зрения сведения относительно сложной общественно-политической ситуации в Азербайджане накануне миграции сюда тюрок-сельджуков [189; 190; 197-205; 293; 357-365]. Однако, как и в большинстве произведений англоязычных исследователей, ввиду недостаточной изученности местных источников и произведений отечественных исследователей труды К.Босворта не лишены отрицательных моментов, к числу которых можно отнести непоследовательность в вопросе датировки тех или иных событий, ошибочную характеристику владетеля Шеки и Аррана Сахля ибн Сумбата «армянским» принцем, несоответствующее исто-

рической действительности утверждение исследователя об «иранском» происхождении династии Саджидов и неспособности последних стать столь же независимыми от Багдада в политическом отношении, как Тахириды, нарушение генеалогической последовательности Шаддадидов, ошибочность утверждения о конце государства Саджидов со смертью в 929 г. последнего представителя династии Абуль Мусафира Фатха, ибо правление государством продолжили эмиры, подтверждением чему являются монеты, чеканенные с их именами.

Отметим, что еще задолго до К.Босворта первым, кто внес свой вклад в изучение истории мусульманских династий, стал британский востоковед и нумизмат С.Лэн-Пуль. Изданный в далеком 1894 году труд С.Лэн-Пуля «Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями» [274] явился первым результатом проведенной долгой работы в области западного востоковедения в XIX в., в частности в деле изучения истории правивших на Востоке мусульманских династий. Хотя, как видно из названия, труд С.Лэн-Пуля носит справочный характер и не отличается полнотой приведенного материала, для нас он ценен тем, что, в отличие от аналогичной работы К.Босворта, вышедшей в свет в 1967 г. [204], С.Лэн-Пуль указал, что после смерти последнего представителя династии Саджидов в 929 г. государство не прекратило своего существования. Однако отметим, что государства Саларидов и Шаддадидов, к сожалению, не нашли своего отражения в работе С.Лэн-Пуля. Данный пробел попытался восполнить британский ориенталист Э.Росс, опубликовав в 1925 г. обширную статью «О трех исламских династиях в Северной Персии в X и XI веках» [306], в которой на основе сведений исламских средневековых источников в краткой форме изложил историю их государственности и начертил генеалогическую таблицу.

История государства Шаддадидов подробно освещена в статье Э.Пикока «Шаддадиды» [388]. Исследователь описал сложную общественно-политическую ситуацию в государстве

Мусафиридов в конце 40-х – начале 50-х гг. X в., которой во время воспользовалась династия Шаддадидов с целью установить свое влияние в Азербайджане, борьбу за власть между Фазлом и Марзубаном, активную внешнюю политику Фазла в период своего 47-летнего периода правления, сложные взаимоотношения с армянскими и грузинскими феодалами и т.д.

Особенности миграции тюрков-сельджуков на земли Азербайджана подробно освещены в научных статьях П.Гольдена [249] и Э.Пикок [305]. Оба исследователя сообщают о причинах, целях, направлении и последствиях нового миграционного потока тюрков-огузов в Азербайджан. Э.Пикок является единственным из всех исследователей, кто указывает, что наряду с обилием пастбищ, столь важных для кочевого общества, исповедание ислама большинством местного населения Азербайджана также сыграло большую роль в выборе последнего Сельджуками в качестве своей базы для запланированных военных кампаний против христианского блока, главным образом Византии. Кроме того, Э.Пикок уделил внимание характеру сельджукского продвижения и управления на территории Азербайджана, связав его с особенностями кочевого образа жизни Сельджуков и главным образом с внутридинастийными противоречиями. Работа П.Гольдена примечательна тем, что роль основных союзников Сельджуков в реализации дальнейших завоеваний в западном направлении исследователем отведена именно шаддадидским правителям. Более того, П.Гольден отметил, что одной из основных целей Сельджуков в кавказских кампаниях было именно обеспечение безопасности Азербайджана. Однако работа П.Гольдена не лишена и отрицательных сторон, в частности относительно последствий сельджукского движения. Так, он свидетельствует, что результатом переселения тюркских племен из Средней Азии в Азербайджан стали этнолингвистические изменения, в частности, дальнейшая «тюркизация» местного населения, а также отрицательное влияние кочевых племен огузов на местную экономику, хотя общеизвестно и научно доказано, что

Азербайджан – территория расселения тюркских племен, а период XI – XIII вв. считается временем расцвета как в экономической, так и в культурной жизни Азербайджана.

Также в монографии широко были использованы отдельные статьи из таких обобщающих трудов из серии «Кембриджских историй», изданных Кембриджским университетом, как «История Ирана» [321; 322], «История Ислама» [323], «История Византийской империи» [324] и др.

Кроме того, при разработке данной монографии было привлечено большое количество трудов отечественных исследователей, сыгравших первостепенную роль в исследовании концептуальных вопросов раннесредневековой истории Азербайджана. Исключительную ценность для отечественной исторической науки представляют монографии Т.М.Мамедова «Кавказская Албания в IV – VII вв.» и «Кавказская Албания в раннее средневековье» (на азербайджанском языке), которые являются первой попыткой в отечественной албанистике систематизировать имеющиеся сведения о территориальных границах, административно-политическом устройстве, этнических процессах, культурной и религиозной жизни Албании в раннее средневековье. Кроме того, Т.М.Мамедовым была изучена социально-экономическая жизнь Албании в условиях раннего феодализма, доказана самостоятельность албанской церкви и католикосата. К положительным сторонам исследователя следует отнести и утверждение о том, что этносы тюркского происхождения являлись местным населением Азербайджана. Еще одним произведением Т.М.Мамедова, заслуживающим внимания, является «Албания и Атропатена по древнеармянским источникам (IV – VII вв.)», в котором наряду с вопросами социально-экономического и религиозного характера, общественно-политической ситуации на основе углубленного изучения армянских первоисточников и сопоставления полученных фактов с «Историей Албании» Моисея Каланкатуйского были освещены такие ключевые вопросы истории Азербайджана, как антисасанидское восстание азербай-

джанского населения во II половине V в., роль и место Азербайджана в византийско-сасанидских войнах, арабское завоевание и последовавшая вслед за этим политика лавирования Джаваншира [27; 143; 144].

Среди произведений отечественных албановедов следует отметить также монографии и научные статьи Ф.Дж.Мамедовой [145-147; 349], в которых на основе широкого круга античных и раннесредневековых письменных источников освещены вопросы общественно-политической истории, исторической географии, социально-экономической жизни, идеологии и культурной сферы жизни албан. Особое внимание исследователем было уделено проблеме деэтнизации албан.

В работах С.Ю.Касумовой [126-129] и А.Г.Фазили [19] содержатся ценные сведения об этнокультурной истории, духовной и хозяйственной жизни Атропатены в раннее средневековье. Монографии данных исследователей, в частности сведения об исторической географии Атропатены, ценны тем, что позволили доказать беспочвенность «приписки» англоязычными учеными исконно азербайджанских земель, в данном случае Атропатены, к «Армении».

Большой вклад в отечественную историческую науку внес академик З.М.Бунятов своими монографиями и рядом научных статей [12; 13; 80-89]. Ценность его монографии «Азербайджан в VII – IX вв.» [81] заключается в том, что наравне с основными событиями политической истории Албании в период правления Михранидов, а также борьбой хуррамитов, впервые им была освещена проблема целенаправленной григорианизации и ии албанского наследия, впервые в отечественной историографии научно было доказано, что южная граница Албании проходила по р. Араз, а не по Куре, показав беспочвенность армянской концепции, впервые были даны подробные сведения о длительности пребывания хазар в Албании. Кроме того, З.М.Бунятовым также были изучены особенности формирования независимых государств на территории Азербайджана во II половине IX в.

Богатый фактический материал, освещающий период арабского господства в Азербайджане и последствия политического, социально-экономического, административно-территориального и идеологического характера на основе глубокого изучения арабских первоисточников, наряду с трудом З.М.Буниятовым содержится в монографиях и научных статьях академика Н.М.Велиханлы [44-46; 92; 93]. Ввиду научной ценности для отечественной исторической науки особый акцент следует сделать на монографии «Арабский Халифат и Азербайджан» (на азербайджанском языке), в которой кроме особенностей завоевательного процесса арабами Азербайджана, большое место уделено и изучению административно-территориальной единицы «Арминия», научно доказано, что под ней арабы воспринимали все захваченные на Южном Кавказе земли, а не только «армянские» [45].

Монография В.З.Пириева «Историко-политическая география Азербайджана» (на азербайджанском языке) также представляет большой интерес, т.к. это первое научное исследование, направленное на воссоздание территорий и границ административных единиц Азербайджана не только в интересующий нас период, но начиная с древнего периода вплоть до современности, сопровождаемое исторической ретроспективой. К тому же, ценность данной работы заключается и в том, что показана беспочвенность территориальных претензий армян на исконно азербайджанские земли [33].

При изучении освободительного движения хуррамитов были использованы произведения З.М.Буниятова [13; 81; 82; 88; 89], Н.М.Велиханлы [44; 45], Э.З.Азизова [18], Х.Р.Шамыевой [35-37] и Дж.М.Байрамлы [11]. Если З.М.Буниятов и Н.М.Велиханлы истоки идеологии хуррамитов традиционно возводят к маздакизму, то Х.Р.Шамыева связывает ее с древнетюркскими верованиями. Произведение же Дж.М.Байрамлы, являющееся одним из последних, новейших исследований по хуррамитскому движению, по праву можно назвать революционным, ибо исследователь доказывает, что Бабек был мусульманином, а не

«кяфиром», атеистом, огнепоклонником, христианином, как мы «привыкли» читать об этом; вопреки господствующему в западной историографии мнению об «иранском» происхождении Бабека было доказано, что он являлся тюрком. Более того, Дж.М.Байрамлы впервые предпринял попытку дать отличную от академиков З.М.Буниятова и Н.М.Велиханлы трактовку термина «хуррам» и рассмотрел религиозно-философское мировоззрение хуррамитов сквозь призму ислама, обосновав каждую идеологическую доктрину движения на основе сур из Корана. Кроме того, исследователь указал и на общие взгляды в идеологии хуррамитов с хуруфитами и кызылбашиами.

Возникновение и деятельность таких независимых феодальных государств, как Ширваншахское, Саджидское, Саларидское, Раввадидское и Шаддадидское, а также общественно-политическая ситуация в Азербайджане в IX – XI вв. в целом была освещена в ряде научных статей и монографиях М.Х.Шарифли [38-41; 171] и С.Б.Ашурбейли [65], доказавших, что, даже несмотря на 600-летнее нахождение азербайджанских земель в составе сперва Сасанидской империи, позже – Арабского халифата, традиции азербайджанской государственности остались непоколебимы и с образованием вышеперечисленных государств были возрождены. Кроме того, к числу заслуг данных исследователей следует отнести и тот факт, что ими было научно доказано, что, даже если некоторые из династий, стоявших во главе этих государств, и были не азербайджанского происхождения, их по праву можно назвать азербайджанскими государствами, т.к. они были созданы на азербайджанской земле, столицами их были азербайджанские города и служили они, так сказать, «национальным» (в средневековом понятии этого термина) интересам.

История вхождения Азербайджана в состав Империи Великих Сельджуков, а также последующие изменения политического и этнолингвистического характера в жизни азербайджанского населения освещены в научных трудах Р.А.Гусейнзаде [103-105], Ш.М.Мустафаева [28] и А.Н.Наджафа [29].

Особо хотелось бы выделить монографию А.Н.Наджафа, уникальную не только тем, что ее автор указывает на присутствие сильного тюркского компонента в Азербайджане задолго до появления Сельджуков, но и тем, что, исходя из исключительного геостратегического и политического значения Азербайджана, возводит его роль в завоевательной политике Великих Сельджуков (особенно в покорении Сирии и Анатолии) до «святости». Кроме того, А.Н.Наджаф указывает и на значительную роль азербайджанских огузов в этнокультурных процессах, происходивших в Анатолии, в частности в ее тюркизации.

При характеристике социально-экономического развития, расцвета как в сфере городского управления, так и научно-культурной жизни Азербайджана в XI – XIII вв., большую ценность представили произведения Я.М.Махмудова [25], Н.А.Алиевой [17], М.Г.Сеидбейли [163], А.А.Али-заде [55], Э.Г.Мирзоевой [151] и Х.С.Гасымова [22], позволившие доказать беспочвенность утверждений англоязычных исследователей о якобы отрицательных последствиях миграции в Азербайджан тюрков-сельджуков.

Определенные ценные сведения нами были почерпнуты также из монографий и научных статей таких отечественных исследователей, как Я.М.Махмудов [24-26], Н.Ч.Ахундова [61-63], С.С.Алиярова [56], Ю.Р.Джафаров [106], Р.Б.Геюшев [98], И.Г.Алиев [52], К.Г.Алиев [53], А.С.Сумбатзаде [164], Г.А.Гейбуллаев [96-97], Г.Дж.Джабиев [14], Л.А.Алиева [182-183] и др.

Кроме того, также были использованы такие обобщающие труды по истории, как второй том «Истории Азербайджана» (на азербайджанском языке), изданный Институтом Истории имени А.А.Бакиханова НАНА [10], «История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в.» под редакцией И.Алиева [118], «История Азербайджана с древнейших времен до 1870-х гг.» (на азербайджанском языке) под редакцией С.Алиярлы [8].

Более того, широко были привлечены многочисленные работы таких видных представителей советской и российской

исторической науки, как М.И.Артамонов [58], В.В.Бартольд [68-73; 189-191], Е.А.Беляев [74-75], О.Г.Большаков [77-79], П.К.Жузе [111-113], Б.Н.Заходер [114], А.И.Колесников [132], А.Е.Крымский [135-137], В.Г.Луконин [140-141], В.Ф.Минорский [292-300; 350], Н.В.Пигулевская [155-160], К.В.Тревер [167], И.М.Фильштинский [169] и др., отразившие в своих исследованиях интересующие нас те или иные вопросы истории Азербайджана в период раннего средневековья.

Также были использованы научные статьи и произведения представителей турецкой историографии. В изучении истории Азербайджана не только сельджукского периода, но и в контексте истории тюркских народов в целом особое внимание заслуживают работы выдающихся историков и востоковедов-тюркологов Ф.Сюмера [50] и А.З.Велиди Тогана [51].

Античные, албанские, сирийские, армянские, среднеперсидские, персидские, турецкие и арабские источники как письменного, так и вещественного типа составили богатую источниковую базу представленной монографии. Первостепенную важность среди всех письменных источников представляет памятник албанской исторической литературы – «История Агван» Моисея Каланкатуйского, в которой освещен целый спектр научно важных вопросов как общественно-политической истории, социально-экономического положения азербайджанского населения в период раннего средневековья, так и церковной организации, что в свою очередь делает его ценным с научной точки зрения [117]. Особую научную ценность для нас представляет статья английского историка, причем, армянского происхождения, Ч.Доусетта «Забытый отрывок из “Истории кавказских албан”» (1957) [231], в которой приведен ранее неизученный важный отрывок из «Истории Албании», где доказывается принадлежность Сахля ибн Сунбата именно албанскому царскому роду Зармихр и династии Араншахов, но не армянскому царскому роду Багратидов.

Кроме того, также было использовано историческое сочинение компилятивного характера другого албанского историка

XIII в. Киракоса Гянджинского «История», в которой изложены основные политические события Албании начиная с IV в. вплоть до 1265 г. [348].

Представляющие большой научный интерес сведения социально-экономической и общественно-политической жизни раннесредневекового Азербайджана были почерпнуты нами из трудов таких арабских авторов, среди которых есть как историки, так и географы-путешественники, как ал-Йагуби, ал-Куфи, Ибн ал-Асир, ат-Табари, Динавари, Абу-Дулаф, ал-Балазури, Кудама, Истахри, Ибн Хордадбех и др. Так, из тематически и хронологически систематизированных Н.Велиханлы, З.Буниятовым, Ф.Асадовым, Н.Карауловым, С.Алиярлы, П.Жузе, М.Боннером и др. извлечений и отрывков из трудов вышеуказанных авторов была использована богатая информация о природно-географических условиях, исторической географии, городах, путевых маршрутах, общественно-политической ситуации в Азербайджане накануне и после арабского завоевания вплоть до вхождения в состав Империи Великих Сельджуков, особенностях завоевательных походов арабских полководцев, заключаемых с местным населением мирных договоров, движении хуррамитов во главе с Бабеком и о роли Византии в нем, о взимаемых налогах, переселении арабских племен, административно-территориальном устройстве Азербайджана в период господства Арабского халифата, арабо-хазарских войнах и пр. [9; 31; 85; 94; 116; 123-125; 148; 170; 176; 353]. Несмотря на то, что большинство произведений арабских авторов носит компилятивный характер и имеет немало противоречивых сведений, исследование как общественно-политической истории, так и социально-экономического положения азербайджанских земель в средние века, невозможно без их тщательного изучения.

Ценные сведения об исторической географии Азербайджана, участии Азербайджана на стороне Сасанидов в Дзиравском сражении 371 г. против римско-армянского блока, об антисасанидской борьбе кавказских народов во II половине V в., о

тяжелом социально-экономическом положении местных народов Кавказа в результате податной политики арабов, арабском завоевании Кавказа, городах Азербайджана были изъяты из армянских источников, в частности трудов Бузанда, Ширакаци, Гевонда, Мхитара Айриванского, Егише и Себеоса [109; 122; 352; об армянских источниках подробнее см. также: 143]. Однако необходимо подчеркнуть, что ввиду неточности и искажений исторических фактов, связанных с Азербайджаном, приведенных в них, при изучении тех или иных вопросов следует относиться к ним критически.

Не менее научную ценность в изучении концептуальных вопросов истории Азербайджана в раннее средневековье представляют исторические сочинения крупнейших сирийских писателей, таких как Захария Ритор, Михаил Сириец, Бар-Эбрей, Иешу Стилит, Феофан, отрывки из которых приведены Р.Гусейновым, Н.Пигулевой, Дж.Гритрексом, С.Лью и дополнены соответствующими примечаниями и пояснениями [105; 160; 327]. Так, Иешу Стилит в «Хронике» и Феофан Исповедник в «Хронографии» наряду с описанием сасанидско-византийских войн сообщают и о положении кавказских народов вследствие противостояния двух империй. Кроме того, Феофан приводит ценные сведения касательно роли и места земель Азербайджана в персидском походе византийского императора Ираклия. Автор же VI в. Захария Ритор в своем труде «Хроника» помимо особенностей взаимоотношений Сасанидской империи с Византией свидетельствует и о проповеднической деятельности албанских священнослужителей среди гуннов. Бар-Эбрей во «Всеобщей истории» и Михаил Сириец в своей «Хронике» повествуют о проводящейся сасанидскими шахами политике гонения по отношению к подвластным народам Кавказа, исповедующим христианство, о роли гуннов в антисасанидском восстании, арабо-сасанидских войнах, политики арабской администрации на Кавказе, вторжении хазар в азербайджанские земли, о восстании Бабека и его взаимоотношениях с Византией, а также миграции Сельджуков в Азербайджан.

Отдельный научный интерес в изучении последствий римско-сасанидских войн, в частности Нисибинского мирного договора 298 г., для Азербайджана представляет фрагмент исторического сочинения византийского дипломата и историка Петра Патриция, приведенный в документальной истории под редакцией М.Додджеона и С.Лью [326].

В представленной монографии были использованы также среднеперсидские источники. Для изучения внутреннего устройства Сасанидской империи, в частности роли зороастрийской церкви в жизни империи, и главное для разъяснения, почему именно зороастризм был выбран сасанидскими шахами в качестве «инструмента» проведения своей «национальной» политики в отношении кавказских народов, большую ценность представляет источник VI в. «Письмо Тансара», переведенный на английский язык М.Бойс [325]. В другом памятнике среднеперсидской литературы «Города Ирана» большой научный интерес в плане исторической географии представил раздел, посвященный «Стороне Адурбадагана», отрывок которого был приведен С.Касумовой в своей монографии [128].

Кроме того, в монографии также был использован представляющий большую важность в изучении периода вхождения земель Азербайджана в состав Сасанидской империи эпиграфический памятник – скальные рельефы в Накши-Рустаме [378; 381].

Ценные сведения, содержащиеся в таком античном источнике, как «География» Страбона, соответствующий отрывок которой разработан К.Г.Алиевым, были задействованы при изучении вопросов, связанных с исторической географией Азербайджана [цитирую по: 53]. Другой античный источник «Римская история» Аммиана Марцеллина проливает свет на роль и место Албании в римско-сасанидских войнах [57; 193].

Сочинение турецкого историка XVII в. Мунадджим-Баши «Джами ад-дувал» содержит важные сведения по истории феодального государства Шеддадидов [345]. Хотя сообщения автора завершаются 1075 годом, ценность данного источника состоит в том, что в нем приведены интересные сведения касательно этнического происхождения династии, обстоятельств

восхождения членов династии к власти, столицы, внутридинастийной борьбы за власть, междоусобных войн и тяжелой общественно-политической ситуации в государстве накануне сельджукского миграционного движения.

Богатый фактический материал относительно сельджукского продвижения на территории Азербайджана был почерпнут из фрагмента исторического сочинения Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» – «Огуз-наме», составленного в XIV в. и являющегося одним из важнейших письменных источников тюркских народов [162]. Данный источник важен не только тем, что в нем содержатся важные сведения о завоеваниях и становлении империи тюрок-огузов, раннем периоде истории, но и приводится родословная огузов.

Таким образом, впервые попытка комплексного освещения столь широкого спектра вопросов истории Азербайджана в период раннего средневековья, причем, по материалам англоязычной историографии и путем проведения сравнительного анализа изученного материала с различными тематически соответствующими первоисточниками, материалами отечественной, советской, российской и турецкой исторической литературы, предпринята именно в представленной монографии. Итак, комплексное исследование раннесредневековой истории Азербайджана по материалам англоязычной научной литературы представляет большую научную важность и актуальность для изучения исторического, политического и отчасти этнокультурного прошлого азербайджанского народа и Азербайджана в целом.

Автор выражает отдельную благодарность и огромную признательность автору предисловия директору Института Истории имени А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана члену-корреспонденту НАНА, доктору наук по истории, профессору, заслуженному деятелю науки Махмудову Ягубу Микаил оглу, а также научному редактору монографии члену-корреспонденту НАНА, доктору наук по истории, профессору Ахундовой Наргиз Чингиз кызы за ценные замечания и советы по усовершенствованию данной монографии.

ГЛАВА I

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В III – I ПОЛОВИНЕ VII ВВ. В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. Вхождение земель Азербайджана в состав Сасанидской империи. Антисасанидская борьба азербайджанского населения во II половине V века

Как в эллинистическую эпоху, так и в период раннего средневековья политические события, происходившие не только на Кавказе, на Ближнем и Среднем Востоке, но и в странах Средиземноморья в целом, сказывались на землях Азербайджана. Если обратить внимание на историю Азербайджана в указанной хронологической рамке, то становится очевидным, что Азербайджан в ту пору постоянно находился в центре непосредственного внимания таких крупнейших держав своего времени, как Сасанидской, Римской и Византийской империй, Хазарского каганата, Арабского халифата, Империи Великих Сельджуков, что, в свою очередь, отразилось на формировании внешнеполитического курса, социально-экономическом развитии, а также внесло свою лепту в развитие материальной и духовной культуры Азербайджана в изучаемый период.

Активная экспансионистская политика Сасанидов сказалась и на изменении политической ситуации в Азербайджане. Из высеченных на здании Каабы Зороастра в Накши-Рустаме трехязычной надписи царя царей Шапура I (241-272) (KZ) и надписи зороастрийского священника Картира (линия 12), являвшихся важнейшими источниками для изучения истории Сасанидской империи в III в., становится известно, что Атропатена, Албания и Баласакан вплоть до Албанских ворот были присоединены сасанидским шахом Шапуром I [381; 385; 376;

316, 348-351]. Исходя из упоминания Баласакана отдельно от Албании среди областей, подчиненных Шапуrom I, М.Шомон приходит к выводу, что на тот момент Баласакан составлял отдельную политическую единицу, хотя исследователь не отрицает возможности определенной зависимости от Албании [368]. Р.Фрай, ссылаясь на то, что в надписях Ардашир (224-241), в отличие от своего сына Шапура I, упоминается царем царей «Ирана» [подробнее об этом см.: 316, 399], но не «не-Ирана», приходит к заключению, что владения Сасанидов в период его правления не простирались за пределами *Эранишах-ра* (империи иранцев). Следовательно, указанные провинции, в том числе и земли Азербайджана, были завоеваны Шапуrom I, а не наследованы им от отца [241, 211, 215; 242, 298]. Данное предположение также нашло свое отражение в отечественной историографии [см.: 126, 49].

Так, Атропатена (Южный Азербайджан), лишившись политической независимости, была превращена в провинцию Сасанидской империи, управляющуюся *марзбаном* – наместником сасанидского шаханшаха, обладающим верховной властью [292, 188]. Албания (Северный Азербайджан) же, хотя и находилась в вассальной зависимости от Сасанидов, но все же сумела сохранить относительную политическую самостоятельность вплоть до 705 г., что в свою очередь объясняется крайней геостратегической значимостью Албании для Сасанидской империи [147, 144]. Находясь в полунезависимом положении от Сасанидов, Азербайджанской Албанией до VI в. правили представители царской династии Аршакидов, а затем с VII в. – князья из рода Михранидов [198, 521]. Наряду с другими «не-иранскими» провинциями Албания и Атропатена были объединены под среднеперсидским этнолингвистическим термином «Анеран», подразумевавшим под собой совокупность провинций, в политическом и религиозном отношениях отличных от чисто «иранских» [376].

По сообщению М.Шомона, несмотря на неудачную римскую кампанию сасанидского шаха Нарсе (293-302), полити-

ческая ситуация в Албании осталась неизменной даже после заключения в 298 г. Нисибинского мирного договора между Римской империей и Сасанидами, весьма невыгодного в стратегическом отношении для последних. Сасаниды были вынуждены признать римский протекторат над «Арменией» и Иберией¹. Однако Албания политически так и осталась неотъемле-

¹ Северо-западные области Азербайджана на протяжении всей истории являлись объектом необоснованных территориальных претензий соседних государств. Неслучайно ряд грузинских и российских «исследователей» преднамеренно искажали и фальсифицировали историю Азербайджанской Албании, главным образом вопросы происхождения и этнополитической истории ее северо-западных областей. В частности, прилагаются усилия произвести местное население этих областей, особенно ингилойцев, от грузин, в то время как, общеизвестно, что они являются одними из древнейших этносов Азербайджана. Большая часть Дагестана, включая Дербент с прилегающими областями, и территория расселения современных цахуров, аварцев и лезгинов входили в состав Азербайджанской Албании. Северо-западные области Албании доходили вплоть до верховий рек Габырры (Иони) и Ганых (Алазань), являвшихся внутренними реками Азербайджана. Кроме того, такие античные авторы, как Страбон, Плиний, Птолемей, Тацит свидетельствуют, что Албания являлась восточным соседом Иберии и находилась она между Иберией и Каспийским морем. К тому же, сам грузинский источник «Картлис Цховреба» подтверждает, что верховья рек Ганых и Габырры (включая Телави) входили в состав Албании. Тот факт, что после падения власти Арабского Халифата на Южном Кавказе на территории Северо-Западных областей Азербайджана вплоть до самого Тифлиса (к слову, в самих арабских источниках Тифлис указывается как приграничный исламский город) в лице возникшего Шекинского владения (причем, в забытом отрывке из «Истории Албании» Моисея Каланкатуйского, впервые введенном в научный оборот английским историком армянского происхождения Ч.Доусеттом, доказывается принадлежность владельца Шеки и Аррана Сахля ибн Сунбата именно албанскому царскому роду Зармихр и династии Араншахов (Dowsett C. A Neglected Passage in the "History of the Caucasian Albanians" // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1957, vol. XIX, № 3, pp. 456-468)) были возрождены традиции древней государственности Албании, подтверждает, что вымыслы о принадлежности северо-западных обла-

мой частью Сасанидской империи [218, 807]. Отметим, что Нисибинский мирный договор фактически завершил первый этап римско-сасанидских войн и установил 40-летнее перемирие между Римской империей и Сасанидами вплоть до 337 г., т.е. до начала военных действий Шапуром II.

Считаем своим долгом внести ясность в понятие «*Армения*». Практически всем англоязычным исследователям свойственно под «Арменией» подразумевать не физико-географическое понятие, а государственное образование на Южном Кавказе. Отметим, что ретроспективное исследование истории предков сегодняшних «армян» доказывает, что этноним «армяне» не является историческим названием народа, а был «приватизирован» от географического термина «Армина» – области в Малой Азии, куда переселились фригийские племена около VIII в. до н.э., оставив свою родину на Балканском полуострове. Тот факт, что в сообщениях источников о восстании в Армине против Дария I нет никаких сведений об «армянах», «армянском народе», лишний раз подтверждает, что предки армян не являлись автохтонным населением ни Малой Азии, ни, тем более, Южного Кавказа. Принадлежность предков армян к индоевропейской языковой семье напрочь лишила их шансов претендовать на анатолийское или кавказское происхождение. Следовательно, попытки армянских ученых «продвинуть» «Армению» того периода далее на восток за счет азербайджанских земель не имеют под собой исторических оснований. С распространением христианства, разделом Армянского царства в 387 г. между Сасанидской и Римской им-

стей Албании Грузии не соответствуют исторической действительности. Кроме того, активные меры, проводимые по григорьянизации, ии, христианизации, русификации, огрузиниванию местного населения указанных областей Албании начиная с арабского периода вплоть до советского времени, а также завоевательная политика грузинского царя Давида IV Строителя, захватившего в 1117 г. Шекинское царство, в 1122 г. – Тифлиссский мусульманский эмират, и его активные попытки по завоеванию Ширвана еще раз подтверждают вышеуказанное.

периями, а также в результате сасанидско-византийских и арабо-византийских войн начался искусственный процесс переселения армян на Южный Кавказ [103, 11-45; 26, 13-126; 15, 323-357].

Так, начало средневековья не только для Азербайджана, но и всего Южного Кавказа в целом, было ознаменовано вхождением в состав одной из могущественных империй того периода – Сасанидской державы. Следовательно, вплоть до завоевания арабами Азербайджана в I половине VII в. судьба последнего находилась под непосредственным влиянием событий как внутренней, так и внешнеполитической истории Сасанидской империи.

Одной из ярких героических страниц истории Азербайджана является антисасанидская борьба азербайджанского населения во II половине V в., направленная против ига и гнета Сасанидов. Предстоящий поход Сасанидов на восточных соседей империи – хионитов и, как следствие, финансовые затраты, легшие на плечи местных народов Южного Кавказа, усугубили социально-экономическое положение последних. Сумма выплачиваемых ими налогов была увеличена в два раза. Отныне и духовенство наравне с крестьянами было обязано выплачивать налоги, а права местных *нахараров*¹ ущемлялись [145, 351-352]. Кроме того, сасанидский шаханшах Йездигерд II (438-457) призвал на помощь в войне против хионитов контингенты войск из албан, армян и иберов.

Более того, международная ситуация, в частности, сокрушительное поражение эфталитов в войне с Сасанидами и занятость Византии отражением угрозы со стороны гуннов во главе с Атиллой, открыли простор действиям Йездигерда II. С целью лишить государства Южного Кавказа возможности дать достойный отпор Сасанидам Йездигерд II, мобилизовав конницу албан, армян и грузин, разместил их на северо-восточных окраинах империи под предлогом борьбы с северными кочевниками.

¹ Нахарары – местные дворяне, представители княжеских родов.

Непосредственным толчком к активизации антисасанидского движения послужила религиозная политика Йездигерда II, выбравшего зороастризм – государственную религию Сасанидской империи – в качестве «инструмента» для еще большего закабаления народов Южного Кавказа как в экономическом, идеологическом, так и в политическом плане. Согласно Р.Уотерфильду, зороастризм и неослабевающее противостояние Западной цивилизации в лице Византийской империи стали основными идеями «национальной» политики Сасанидов, выступающих против религиозного и культурного плюрализма [338, 15].

Так, указ Йездигерда II в 449 г. насильно навязать зороастризм народам Южного Кавказа [см.: 367], главным образом исповедовавшим в тот период христианство, неизбежно привел к широкомасштабному антисасанидскому восстанию, которое вскоре превратилось в совместную борьбу албан, армян и грузин в 450-451 гг. Однако, как подчеркивает С.МакДонаф, данный указ не следует связывать с религиозным фанатизмом шаха, одержимым идеей распространить зороастризм. Шах вовсе не преследовал миссионерские цели. Исследователь связывает попытку Йездигерда II насильно обратить христианскую знать Кавказа в зороастризм *en masse* с необходимостью обезопасить свою империю: учитывая стратегическую значимость региона в продолжительных войнах Сасанидов с Римской и Византийской империями, распространение зороастризма по всему Кавказу было направлено на обеспечение политического повиновения южнокавказских народов. Следовательно, согласно С.МакДонафу, причины религиозных преследований в Сасанидской империи следует искать именно в политике централизации, проводимой шахами [289, 68, 73, 77]. Кроме того, общеизвестно, что религия испокон веков являлась мощнейшим инструментом манипуляции государством своего народа, в частности зороастрийский храм составлял единое целое с государством [325, 33-34; 321, 140]. Соседство же государств, правящая элита которых исповедовала единую с заклятым вра-

гом – Римской империей – религию, в данном случае христианство, конечно же, представлялось для Сасанидов большой опасностью [147, 188-189]. Как отмечает К.Л.Туманов, христианский Кавказ в целом был неотъемлемой частью христианского Средиземноморского мира [подробнее см.: 332].

Отметим, что политика насильственного насаждения зороастризма как среди подвластных народов Южного Кавказа, так и остальных, не была новшеством для Сасанидов. Им была характерна тенденция к централизации и прежде, о чем свидетельствует надпись на рельефе Шапура I [139, 19; 140, 137-138]. Следовательно, Р.Фрай, Б.Дигнас и Э.Уинтер правы в своем утверждении, что религиозная политика Сасанидов носила исключительно политический характер [227, 218-219; 241, 224]. Тот факт, что религия в период раннего средневековья стояла «на страже» государства, подтверждает и христианизация Византией гуннских племен в 528 г., причем, проповеднической миссией на земле гуннов и подготовкой крещения гуннского царя Грода занимались именно албанские священнослужители во главе с епископом Кардостом, а позже, в 682 г., еще одна миссия во главе с албанским епископом Исраилом прибыла в страну гуннов [подробнее см.: 106, 75-79; 160, 86], что в свою очередь доказывает, что опасения сасанидских шахов возможного союза Византии с политической элитой южнокавказских государств, на религиозной основе были не напрасны.

Поворотным пунктом в религиозной политике Сасанидов стало именно обретение христианством статуса государственной религии Римской империи при Константине Великом (306-337). «Союз христианства с императорской властью должен был восстановить против него все элементы, враждебные римскому империализму, внутри и вне империи» [71, 214]. Отметим, что приток христиан в Сасанидскую империю усилился после взятия Шапуром I в плен императора Валериана в 260 г. [227, 23; 382; 242, 298]. Если ранее, спасаясь от преследований в самой языческой Римской империи, христиане мог-

ли беззаботно существовать в Сасанидской империи, то отныне они – «друзья кесаря» и потенциальные союзники римлян – стали объектом религиозных гонений со стороны Сасанидов [159, 242; 393].

Следовательно, разобщенность Римской империи с южно-кавказскими странами в религиозном плане, конечно же, отвечала интересам Сасанидов. Отметим, что начало военных действий, нарушивших 40-летнее перемирие, установленное Нисибинским миром 298 г., неслучайно одновременно сопровождалось началом долгих и жестоких преследований христиан в Сасанидской империи, ибо, как указывают Б.Дигнас и Э.Уинтер в своем совместном труде, с провозглашением христианства государственной религией в Римской империи римско-сасанидский конфликт вышел на новый уровень [227, 218]. Однако следует отметить, что были и периоды относительной толерантности. Так, в 409 г. христианам Сасанидской империи было разрешено свободно исповедовать свою религию, а в 410 г. было оформлено устройство христианской церкви Сасанидской империи [290, 304; 321, 143-144]. Кроме того, Йездигерд I был назначен опекуном малолетнего сына византийского императора Аркадия – Феодосия II [321, 144]. С.МакДонаф именно попытку шаха Йездигерда I (399-421) нормализовать положение христиан назовет угрозой социально-политическому порядку в империи, наиболее ярко проявившейся в восстании южнокавказских народов в 450-451 гг. [290, 304-305].

Так, в условиях многовековой римско-сасанидской борьбы за установление гегемонии на Южном Кавказе сасанидский шаханшах Йездигерд II, вероятно, действуя по принципу «*cuius regio, eius religio*», путем насаждения зороастризма среди подвластных ему народов Южного Кавказа стремился тем самым предупредить возможный союз их с одним из злейших врагов империи – Византией. Как отмечает Р.Фрай, в условиях возрастающего влияния христианства в близлежащих территориях христианизация Южного Кавказа в IV в. представляла

для Сасанидской империи большую опасность, нежели само византийско-сасанидское противостояние за установление здесь своего влияния [241, 224]. Отметим, что вопрос роли христианизации стран Южного Кавказа в римско-сасанидских и византийско-сасанидских противоречиях исследован С.Раппом. Так, автор указывает, что христианизация южнокавказских государств несомненно способствовала дальнейшему усилению взаимоотношений между странами Южного Кавказа и Римской империей, формированию *Первого Византийского Содружества наций* (британский историк-византинист Д.Д.Оболевский объединению восточно-христианских народов в единое содружество на основе исторически обусловленной географической, этнокультурной и религиозной общности дал название Первого Византийского Содружества наций – Л.К.) и *Восточно-христианской ойкумены* [390]. Однако отметим, что С.Рапп умалчивает о военных походах римлян на территорию Азербайджана в прежние века. Возможно, этим исследователь пытается оправдать претензии Рима на господство в данном регионе и подчеркнуть, что по сравнению с Сасанидами Рим имел больше «прав» на Южный Кавказ.

Несомненно, как отмечает С.Рапп, именно с боязнью Сасанидов упустить Южный Кавказ из-под своей власти и связано упразднение царской власти в «Армении» в 428 г. [390]. Такая же участь постигла и Албанию в 463 г., апостольская церковь которой являлась одной из ранних «национальных» (в средневековом понятии этого термина) христианских церквей. Касательно Азербайджанской Албании хотелось бы отметить, что христианство здесь получило распространение задолго до становления государственной религией при царе Урнайре в 313 г. Еще в I в. в селе Гис (ныне г. Шеки) по инициативе апостола Елисея была построена первая церковь на Южном Кавказе [117, 220]. В условиях разнообразия дохристианских верований и пестроты этнического состава населения Албании феодализация страны, начавшаяся в первые века нашей эры, также непосредственно поспособствовала становлению хрис-

тианства государственной религией, т.е. главной опорой государственного аппарата, «оружием» феодализирующей знати в подчинении трудящихся слоев населения [98, 12, 15, 30-32; 10, 69]. Кроме того, как отмечает М.Уиттоу, христианство стало не столько орудием в деле интеграции с остальным христианским миром, т.е. с Римской империей, сколько идеологией, подпирающей социальный, политический и культурный партикуляризм южнокавказской знати. Так, в частности, касаясь восстания 450-451 гг., исследователь отмечает, что оно выражало не личное спасение души и стремление сохранить единственную настоящую веру универсальной церкви, а борьбу южнокавказских народов за землю их предков и традиционный образ жизни [340, 206].

Как отмечает Р.Гиршман, религиозная общность всех подвластных провинций содействовала политическому единению Сасанидской империи. Как в эллинистический период Персия была враждебно настроена по отношению к космополитизму Греческой цивилизации, так и сейчас в Сасанидской империи антагонизм между возродившимся «национализмом» и международным сообществом, представленным Римом и его новой христианской церковью, имел место быть. Зороастризм, находясь в статусе официального культа, поддерживал государство в его борьбе с Римом во имя защиты Востока [245, 318]. В этом и проявлялось возрождение персидского «национализма» и стремление Сасанидской империи к политическому и экономическому господству над другими государствами, как об этом указывают Р.Фрай и Р.Уотерфильд [241, 212; 338, 15]. Однако возникает вопрос: насколько уместно говорить о «национализме» в империи, во главе которой хотя и стояла персидская династия, но населенной многочисленными народами не персидского происхождения? Данный факт можно связать с тем, что западной историографии в целом характерно утверждение о присутствии на территориях, входящих в состав Сасанидской империи, в том числе Азербайджана, лишь ираноязычных народов, тем самым игнорируется факт

наличия здесь сильного тюркского компонента как минимум вплоть до VII века.

Кроме того, Сасаниды умело пользовались существующими в Римской империи противоречиями между христологическими концепциями. В противовес халкидонству, широко распространенному в Византии, Сасаниды всячески способствовали распространению в своей империи монофизитства и, в частности, несторианства, оппозиционных официальному учению византийской церкви [341, 33]. Следовательно, распространение в Сасанидской империи несторианства – христологического учения, осужденного как ересь на Третьем Вселенском Соборе в Эфесе в 431 г. и на Четвертом Халкидонском Соборе в 451 г. [338, 24-25; 184, 812, 814; 253, 219, 221], – является не случайностью, а четко спланированным стратегическим шагом в условиях обостренных византийско-сасанидских противоречий [192, 62]. Позиции несториан в Сасанидской империи особо упрочились в конце V в., в период правления Йездигерда I (399-421) и Пероза (459-484), когда в 424 г. сасанидская церковь, провозгласила независимость от византийской церковной организации, а в результате синода в Бет Лапате в 484 г. несторианство было распространено на все христианские общины Сасанидской империи [227, 35-36; 254, 480]. Так, несторианство фактически превратилось во вторую «государственную» религию после зороастризма.

Хотя именно в самой Атропатене, культурно-религиозном центре Сасанидской империи, родине Зороастра, находилась одна из главных зороастрийских святынь – храм Адургушнасп – и были кодифицированы зороастрийские священные тексты Авесты [159, 327-328; 242, 315; 52, 130; 19, 175-178; 175, 22], здесь также было распространено несторианство [126, 100-106; 127, 177]. В общем на территории Адурбадаганского наместничества было зафиксировано 21 епископство восточно-сирийской церкви, из которых 10 были непосредственно в самом Азербайджане [127, 179; 126, 104-105; 129, 40]. Касательно самой Азербайджанской Албании следует подчеркнуть, что

вплоть до середины VI в. албанская церковь придерживалась диофизитского учения¹, широко распространенного в Византии. Как утверждает, К.Хитчин, именно под влиянием Сасанидов албанская церковь совместно с армянской и грузинской на Двинском соборе [подробнее об этом см.: 330, 40] в 506 г. приняли монофизитское учение, тем самым отделившись от византийской церкви – приверженницы диофизитской доктрины [379]. Однако окончательное отречение албанской церкви от диофизитства (халкидонства) произошло при арабах.

Тот факт, что после указа Йездигерда II о насильственном насаждении зороастризма среди народов Южного Кавказа из 700 маджусов (проповедников маздеизма) 300 были отправлены только в Албанию [109, 73], в «...государство, которое по уровню власти в культурной жизни Европы считалось не ниже нынешнего Ватикана» [344], говорит о большом страхе Сасанидских властей выхода Албании из-под своего влияния, ведь именно Албания являлась естественным «буфером» для предупреждения вторжений северных народов в подвластные империи территории. Неслучайно именно на плечи албанского народа легли все затраты по укреплению оборонительных сооружений на северных отрогах империи [147, 189; 117, 104-107; 145, 352]. К тому же, основные военные силы Сасанидов были сосредоточены именно в Пайтакарane и Чоле [145, 352]. Следовательно, попытка культурно-идеологической ассимиляции южнокавказских народов, главным образом албан, была важным элементом борьбы Сасанидов с Византией в условиях сложной внешнеполитической ситуации.

Роль албан в антисасанидской борьбе 450-451 гг. велика, хотя непосредственно возглавлял ее спарпет Вардан Мамиконян (его считают китайским тюрком, принявшим христианство [см.: 34, 17]). Албанский царь Ваче II (444-463) в это

¹ На Двинском Соборе в 551 г. Албанская церковь юридически разорвала узы с имперской церковью, что послужило усилению монофизитства в стране.

время находился в плену у Йездигерда II [145, 352]. Как известно, именно у зимней резиденции албанских царей – города Халхал – объединенные войска южнокавказских народов под предводительством Вардана разгромили сасанидские отряды [117, 86-87; 167, 207-208; 218, 808], именно с помощью албанских нахараров была разрушена крепость Бармак, где были сосредоточены сасанидские войска [117, 88], именно Вагану, представителю албанской царской семьи, была поручена охрана Дербентского прохода и заключение соглашения с гуннами о совместном выступлении против сасанидских войск [160, 46; 109, 79-80]. М.Шомон указывает о политике лавирования баласаканского царя в данной борьбе. Если сперва царь Баласакана Геран, являясь вассалом сасанидского шаха, выступал на стороне последнего в битве у р. Лубнас, то впоследствии после разгрома сасанидских отрядов в Албании он был убит по приказу самого же шаха [368].

Однако предательская деятельность одного из соратников Вардана Мамиконяна – правителя Сюника Васака¹, сумевшего разобщить албан от союза с армянами и грузинами [109, 12], отсутствие помощи от Византии [328, 668; 210, 69; 108, 275] и тот факт, что гунны не сдержали своего обещания выступить против сасанидской армии, привели к тому, что с разгромом армян Сасанидами на Аварайрском поле 26 мая (2 июня) 451 г. борьба южнокавказских народов потерпела фиаско. Но, согласно С.МакДонафу, хотя Сасанидам и удалось подавить это восстание, оно не прошло бесследно: сасанидская власть на востоке ослабла [290, 305].

Но на этом Сасанидам не удалось сломить боевой дух албанского народа. Очередную антисасанидскую борьбу албан

¹Возможно, политика отступничества Васака Сюнийского была связана с тем, что он, являясь наместником Сасанидов, был обязан отстаивать их интересы. Кроме того, в тот момент оба его сына находились в Ктесифоне в качестве заложников. Однако позже именно за свою двойственную позицию он был приговорен к смерти самим шахом.

подробно описывает Р.Фрай. Так, согласно исследователю, вскоре после смерти Йездигерда II в 457 г. албанский царь Ваче II, воспользовавшись возникшей борьбой за трон империи, отрекся от зороастризма, навязанного ему Йездигердом II, и вновь приобщился к христианству [242, 321]. Данный шаг следует рассматривать как знак открытого неподчинения и начала долгой борьбы албанского народа с гнетом Сасанидов. Отметим, что после общекавказского восстания при новом сасанидском шахе Перозе (459-484) положение албанского народа ничуть не улучшилось. Наоборот, к бедственному положению южнокавказских народов прибавились продолжительная засуха, неурожай, налоговый гнет, а также войны Сасанидов с внешними врагами [242, 322; 167, 198; 147, 191].

Р.Фрай указывает, что Ваче II находился в союзе с гуннами Северного Кавказа [242, 321], что, в свою очередь, подтверждает масштабность и силу борьбы албанского народа. В источниках упоминаются маскуты и еще 11 племен Большого Кавказа, совместно с которыми албанский царь долгие два года вел упорную борьбу с сасанидскими войсками, также действовавшими в союзе с оногурами [117, 11].

Тем не менее, в 463 г. восстание албанского народа было подавлено. Как следствие, в Албании была упразднена царская власть. Независимой политике албанских Аршакидов пришел конец. Отныне страной правил сасанидский наместник – *марзбан*. Такая ситуация продолжалась 30 лет [218, 808]. Однако и этот шаг не положил конец антисасанидскому движению, охватившему страны Южного Кавказа во II половине V в.

Гнет со стороны управлявших марзбанов, усиление налогового бремени как следствие продолжительных войн Сасанидов с эфталитами, ущемление наследственных привилегий местных нахараров, преследования местных народов на религиозной почве, привели к очередному общекавказскому антисасанидскому восстанию в 481-484 гг., возглавленному царем Иберии Вахтангом Горгасалом. Хотя Р.Фрай отмечает, что в отличие от своего отца шах Пероз, находящийся в состоянии

войны с албанским царем, отошел от тактики религиозных гонений и оставил албанских и армянских христиан в покое [242, 321]. Позволим себе не согласиться с данным утверждением исследователя, ибо Пероз слыл главным врагом христианства своего времени [117, 32-34; 105, 31, 68]. Тем не менее, гибель сасанидского шаханшаха Пероза в 484 г., последствия 7-летней засухи, голод и истощенность сасанидской казны в результате неудачных войн с эфталитами [108, 277] и, в целом, довольно сложное как внутреннее, так и внешнеполитическое положение Сасанидской империи [254, 483; 192, 61; 242, 322], вынудили нового сасанидского шаха Валарша (485-488) пойти на подписание с южнокавказскими государствами Нварсакского мира, по которому налоги, взимаемые с Албании, были сокращены, отныне конница Албании не призывалась в состав сасанидской армии, наряду с царской властью были восстановлены и привилегии албанской знати с духовенством, была обеспечена неприкосновенность нахарарской иерархии, была гарантирована свобода вероисповедания [331, 138; 145, 355]. Отметим, что Р.Фрай наряду с вышеперечисленными причинами политики относительного смягчения шаха по отношению к народам Южного Кавказа указывает и на постоянную угрозу нашествия северных кочевников на данные территории. Поэтому, согласно исследователю, сохранять мирные отношения с Албанией и остальными южнокавказскими народами было в интересах самих Сасанидов [242, 321-322]. Кроме того, как сообщает П.Гольден, южнокавказские государства нередко пользовались помощью северных кочевников в попытках добиться большей автономии или независимости от сюзеренов, по отношению к которым они находились в вассальной зависимости. Как отмечает автор, албаны не замедлили воспользоваться в этой борьбе помощью гуннов, представлявших постоянную угрозу целостности Сасанидской империи [249, 46].

Политика последнего представителя династии албанских Аршакидов – Вачагана III (493-510), воцарившегося на албан-

ском престоле после 30-летнего «безцарствия», привела к политическому и культурно-религиозному возрождению государства. Приоритетом во внутренней политике Вачагана III было именно укрепление христианской организации, являвшейся опорой царской власти. Соответственно, вся религиозная политика Вачагана III была направлена на подрыв влияния зороастризма – официальной религии Сасанидской империи, являвшегося идеологическим «инструментом» Сасанидов в целях ликвидации независимости Албании. Прекрасно понимая, что христианство и церковь как его символ является сильным «оружием» в борьбе с Сасанидами, Вачаган III в 498 г. созвал Агуенский собор, каноны которого в значительной степени экономически укрепили положение церкви в стране, закрепив за ней ее самостоятельность. Одновременно этот шаг был направлен на усиление государственной власти. Неслучайно только за год по инициативе Вачагана III было отстроено 365 новых церквей [352].

В 510 г. правлению албанских Аршакидов был положен конец. Отныне, вплоть до возвышения в конце VI – начале VII вв. в Албании династии Михранидов персидского происхождения, страной правили сасанидские марзбаны. В результате административно-территориальной реформы Хосрова I (531-579) Азербайджан оказался составной частью одной из четырех провинций – *Адурбадаганского куста* (стороны), во главе которого стоял сасанидский марзбан [377; 159, 116].

В отечественной историографии антисасанидская борьба южнокавказских народов, в частности албан, во II половине V в. была изучена главным образом Ф.Дж.Мамедовой и Т.М.Мамедовым. Ф.Дж.Мамедова указывает, что, несмотря на вхождение в состав Сасанидской империи, Албания сохранила определенную самостоятельность, в частности во внутренней политике, что сильно тревожило сасанидских шахов. Согласно исследователю, вопрос вероисповедания для Сасанидов имел не только религиозный, но главным образом политический характер, антисасанидские выступления же имели освободитель-

ный характер, а религиозная политика Вачагана III преследовала цель сохранить именно политическую независимость Албании от Сасанидов [145, 350-356; 147, 188-194]. Т.М.Мамедов же отмечает, что борьба зороастризма с христианством в Албании на протяжении с IV по VII вв. была частью борьбы Сасанидов с Византией за установление геополитического господства, а антисасанидская борьба имела характер освободительного движения, т.е. была борьбой за независимость. Экономический гнет Сасанидов сыграл немалую роль, спровоцировав народ на борьбу [27, 239-246; 143, 54-65; 144, 132-133]. Следовательно, оба исследователя практически идентично трактуют характер данной борьбы. Из советских исследователей антисасанидская борьба южнокавказских народов II половины V в. наиболее полно освещена в работе К.В.Тревер. Исследователь отмечает, что события 450-451, 457-463 и 481-484 годов символизируют собой совместную борьбу народов Южного Кавказа против Сасанидской империи за свою независимость. Кроме того, К.В.Тревер подчеркивает, что отказ Ваче II от зороастризма имел не столько религиозный, сколько политический мотив, и был направлен на сохранение независимости Албании [167, 201-219].

Хотя данный вопрос не нашел своего отражения в трудах англоязычных историков, хотелось бы уделить особое внимание тому, какую гибкую роль религия играла в политической жизни Азербайджанской Албании в VI – VII вв. Как ранее было указано, религия находилась в непосредственной связи с расстановкой политических сил на международной арене, в данном случае в условном треугольнике «Римская (позднее и Византийская) империя – Сасанидская империя – государства Южного Кавказа». Так, в I половине VII в. в связи со сложившейся трудной политической обстановкой в Албании и усилением политического влияния Византии на Южном Кавказе Албанская церковь стала придерживаться диофизитства, хотя ранее на Двинском Соборе в 551 г. она приняла монофизитство. Возможно, основные причины этого кроются в 25-летнем

нахождении в плену у сасанидского шаха албанского католика Виро – яркого монофизита – как результат его антисасанидского мятежа в 603 г., что отрицательно сказалось на духовной жизни государства, в разорительном нашествии хазар в 628 г., в обращении в диофизитство и крещении царя Вараз-Григора¹ византийским императором Ираклием также в 628 г. после объявления первым себя вассалом Византии [98, 45-48]. Однако, как отмечает Р.Сюни, с появлением в середине VII в. ислама многовековая политическая конфигурация южнокавказских государств кардинально изменилась, что заставило последних маневрировать [318, 27]. После включения Албании в состав Арабского халифата именно из-за боязни сближения Албании с Византией на почве диофизитства арабская администрация подчинила Албанскую церковь армянской.

Итак, на основе критического анализа трудов англоязычных специалистов и сопоставления их с работами отечественных и зарубежных историков были изучены причины, ход, характер и последствия антисасанидской борьбы азербайджанского населения во II половине V в. Однако, к сожалению, в большинстве произведений англоязычных исследователей не упоминается о выдающейся роли албанского народа в данной антисасанидской борьбе, вероятно, по причине того, что большинство авторов опирались на труды армянских историков V в. – Егише и Лазаря Парпеци, в которых основная роль в борьбе уделена именно армянам [210, 69; 242, 321-322; 290, 305; 328, 668-669; 192, 61; 318, 23]. Также пробелом англоязычной историографии касательно изучаемого вопроса является то, что социально-экономические факторы борьбы практически не изучены. Однако тот факт, что англоязычные исследователи не

¹Вопрос вторично ли был крещен Вараз-Григор или впервые принял христианство, отказавшись от зороастризма, остается открытым, хотя это и не принципиально, т.к. оба варианта смены религии кажутся логичными после заключения мира между Византией и Сасанидами в апреле 628 г., весьма невыгодного для Сасанидов, т.к. последние были вынуждены отказаться от всех захваченных Хосровом земель.

гиперболизируют религиозный фактор антисасанидской борьбы и не трактуют ее «борьбой за сохранение христианской веры», а также сумели связать ревностную приверженность народов Южного Кавказа, в том числе албан, прежней религии в противовес насильственно насаждаемому Сасанидами зороастризму с попыткой сохранить свою политическую независимость, достойно уважения, ибо борьба албан внешне приняла форму религиозной борьбы.

1.2. Азербайджан в геополитическом противостоянии Сасанидской империи с Римской и Византийской империями в III – I половине VII веках

В период раннего средневековья государства Южного Кавказа, в том числе и Албания с Атропатеной, вошедшие в состав Сасанидской империи, неизбежно были втянуты в борьбу между великими державами того периода – Сасанидской, Римской и Византийской империями, каждая из которых стремилась к установлению своей гегемонии в данном регионе. Земли Азербайджана, особенно Албания, ввиду своего выгодного в геостратегическом отношении географического положения всегда находились в самом центре римско-сасанидского, а позже и византийско-сасанидского противостояния и нередко являлись театром военных действий между двумя империями. Правителям Азербайджана же в зависимости от расстановки политических сил на международной арене нередко приходилось лавировать между ними.

Римско-парфянские войны плавно перетекли в римско-сасанидские войны. В корне не только римско-сасанидской, но в свое время и римско-парфянской борьбы, лежало стремление каждой из сторон во что бы то ни стало захватить и удержать не только мировые торговые пути и рынки в восточном Средиземноморье и Малой Азии, но и захватить контроль над важными торговыми путями, связывающими их с Индией и Китаем – основными центрами шелковой торговли. Прохождение

же этих торговых путей главным образом через Месопотамию превратило ее в яблоко раздора между двумя империями. В дальнейшем желание Византии заключить союз с тюркскими племенами Средней Азии за спиной Сасанидов было основано именно на экономических интересах империи: Византия, страстно жаждущая лишить Сасанидов монополии в торговле шелком, была готова на все [157, 61; 156, 5; 58, 134-136].

Помимо столкновений экономических интересов среди основных причин ожесточенных римско-сасанидских, позже и византийско-сасанидских войн, можно указать и на стремление каждой из сторон управлять своей империей по принципу *imperum sine fine* (т.е. без границ), в частности большое значение придавалось установлению своей политической гегемонии на Кавказе, ибо, как сообщают Б.Дигнас, Э.Уинтер, Р.Фрай и Дж.Гритрекс, еще в античный период Кавказ представлял исключительную стратегическую важность не только в деле ликвидации угрозы нашествия северных кочевников, но и играл важную роль в конфронтации Рима с Персией, т.к. южнокавказские страны были богаты природными ресурсами и представляли собой источник для пополнения военных рядов одной из сторон готовыми обученными воинами и, как следствие, вмешательство какой-либо из южнокавказских стран в византийско-сасанидский конфликт неминуемо приводило к серьезным изменениям в расстановке политических сил на международной арене [254, 493-494; 227, 189; 243, 141]. Как отмечает С.МакДонаф, рекруты из представителей албанской, армянской и грузинской знати еще со времен Парфии составляли ядро сасанидской конницы. По сообщению исследователя, конные отряды из числа кавказских народов пользовались привилегированным положением и осматривались лично самим шаханшахом [289, 78]. Нередко именно охрана Кавказских проходов являлась важной статьей заключенных между Римской империей (позже и Византией) и Сасанидами мирных договоров, а отказ от выполнения данной статьи часто приводил к возобновлению войны. Как отмечает К.Лайтфут, в защи-

те Кавказских проходов от северных народов большую роль играла Албания [282, 489]. Более того, А.Ли связывает увеличение императором Юстинианом количества региональной полевой армии на восточных окраинах империи с 5 до 6 путем раздела восточного командования на две части с растущей геостратегической важностью кавказских областей для империи в борьбе с Сасанидами [275, 117].

Кроме того, как ранее было отмечено, римские императоры осознавали, что важнейшие сухопутные торговые пути, связующие восточные рынки с Римской империей, пролегали через территории, подвластные Сасанидской империи. Так, находясь в безвыходном положении и учитывая выгодное положение кавказских земель в торговом отношении [подробнее о торговом значении Кавказа см.: 158, 191-195], как утверждают в совместном труде Б.Дигнас и Э.Уинтер, римские императоры стремились основать на Кавказе свои торговые базы с целью дальнейшей торговли с Китаем – одним из основных источников шелка-сырца и шелковых изделий, пользующихся большим спросом на имперских рынках [227, 202]. Отметим, что большинство городов как Албании, так и Атропатены находились на магистральных путях международной транзитной торговли [подробнее см.: 145, 315; 19, 92-104; 144, 77-85]. Южный Кавказ издревле служил зоной транзита товаров из Индии и Китая к берегам Атлантики [144, 77]. Исследователи одну из причин византийско-сасанидской конфронтации V – VI вв. видят именно в торговом соперничестве на Кавказе.

Так, государства Южного Кавказа стали объектом экспансионистской политики как Римской империи, Византии, так и Сасанидов, и были вынуждены волей неволей примкнуть к одной из враждующих сторон. Являясь «буферной» областью, Армянское царство стало объектом притязаний двух империй, что не могло не повлиять на административно-территориальное устройство азербайджанских земель как, например, в случае с разделом Армянского царства в 387 г. Как отмечает Р.Томсон, обращение армянского царя Тиридата III (287-330) в

христианство, возведенное в статус государственной религии Римской империи – главного врага Сасанидов, лишь осложнило и без того натянутые отношения Сасанидов с Армянским царством, являвшимся ветвью Аршакидской династии, свергнутой Сасанидами в 224 г. [329, 157]. Что касается Албании, то она подпала под власть Сасанидов. Как было отмечено ранее, высеченные на здании Каабы Зороастра в Накш-и Рустаме трехязычная надпись шаханшаха Шапура I (241-272) и надпись зороастрийского священника Картира свидетельствуют, что территории, охватывающие Албанию, Баласакан и достигающая Албанских ворот (Дербентского прохода), находились под властью Сасанидской империи. Касаясь датировки подчинения указанных земель Сасанидами, можно предположить, что хронологические рамки варьировались в пределах 260-270-х гг. в соответствии с предполагаемой датировкой высеченных надписей [378]. Кроме того, подтверждением тому, что наиболее вероятной датой установления политического контроля Сасанидов над Албанией являются именно 260-е гг., служит отказ албанского царя принять письмо Шапура I, повествующее о победе над римским императором. Отметим, что в результате неудачной битвы при Эдессе в 260 г. римский император Валериан (250-260) был пленен Шапуром I, о чем последний поспешил уведомить соседние государства, разослав им декларации о победе над императором. Возможно, именно этот отказ албанского царя и послужил сигналом для шаха о необходимости подчинения Албании, чувствующей себя столь сильной и независимой, что даже осмелилась пообещать римлянам помочь в освобождении императора из плена, и, естественно, представляющей потенциальную угрозу для Сасанидов [167, 136; 141, 50].

Относительно южных земель Азербайджана П.Сайкс сообщает, что в период персидской кампании римского императора Александра Севера (222-235) в 230-е гг. одна из трех армий, а

именно северная, в союзе с армянским царем Хосровом¹ была послана в Атропатену, где, согласно исследователю, ввиду отсутствия местных войск не встретила сопротивления [319, 427].

В результате персидского похода императора Галерия (293-311) в 296-298 гг. был заключен Нисибинский мир, крайне невыгодный Сасанидам как в политическом, так и в экономическом отношениях. Согласно договору, граница между двумя империями устанавливалась по Тигру, демаркационная линия между Сасанидской империей и Арменией четко устанавливалась по границе Мидии, над Иберией и Армянским царством фактически был установлен римский протекторат, Месопотамия же перешла под контроль Рима, Нисибис был определен единственным местом для обоюдной торговли [342, 229; 326, 116]. Отметим, что в англоязычной научной литературе остро стоит проблема разграничения земель Армянского царства и Сасанидской империи, в частности вопрос, входили ли земли Атропатены в состав Армянского царства в результате территориального перераспределения по Нисибинскому миру 298 г., является достаточно дискуссионным. Так, например, Р.Фрай утверждает, что присоединение земель Атропатены и Азербайджана к югу от оз. Урмия (причем, Атропатена и Азербайджан подразумеваются исследователем как две отдельные области Сасанидской империи) к Армянскому царству являлось составной частью римско-сасанидского соглашения 298 г. [244, 471]. К.Лайтфут также отмечает, что на восточных границах Армянского царства лежал Мидийский кордон, состоящий из земель Атропатены и Адиабены, отвоеванных у персов в 298 г. Автор сообщает, что Армянское царство по договору 298 г. приобрело дополнительные земли к востоку, расширив тем самым свои границы вплоть до крепости Зинта в Атропатене [282, 489, 494-495]. К слову, вопрос, была ли крепость Зинта включена в состав Армянского царства или

¹ По-видимому, автор путает армянского царя Хосрова I (238-253) с Тиридатом II (217-238), т.к. время правления первого никак не могло совпадать с персидским походом Александра Севера.

нет в результате заключенного договора, является одним из основных тем научных дискуссий англоязычных исследователей. Ссылаясь на сведения Петра Патрикия, М.Додджеон и С.Лью размещают Зинту на территории Атропатены [326, 321]. Дж.Малькольм тоже упоминает об Атропатене в качестве «компенсации» армянскому царю Тиридату III (287-330) [287, 82-83]. Однако исследователи Б.Дигнас и Э.Уинтер отрицают возможность расширения границ царства в юго-восточном направлении за счет присоединения земель Атропатены в качестве «компенсации» от Рима за потерю своих провинций вне Тигра, объясняя это сдержанной политикой императора Диоклетиана (284-305), направленной на обеспечение *status quo*, а тот факт, что Тиридат III был вынужден признать зависимость от Рима, лишь подтверждает, что император Диоклетиан не был обязан «вознаграждать» Тиридата III, и так находящегося в зависимости от него положении [227, 128]. П.Сайкс также выражает свое сомнение по поводу уступки Армянскому царству земель вплоть до крепости Зинта в Атропатене [319, 442].

В англоязычной литературе отражено и то, насколько важное для Сасанидов значение имели албанские войска в конфликте с Римом. Так, С.МакДонаф сообщает, что начиная с IV в. Сасаниды стали прибегать к помощи союзнических войск, причем главную роль исследователь отводит именно албанам [290, 300]. К примеру, как отмечает К.Корнуэл, среди союзников Сасанидов в битве при Амиде в 359 г. была и албанская конница, возглавляемая самим албанским царем [369]. Р.Блок-ли, описывая первый день осады Амиды на основе сведений Аммиана Марцеллина, также называет албан среди союзников Шапура II, штурмовавших город весь день [193, 248]. Более того, Аммиан Марцеллин свидетельствует об особом, почетном положении царя албан [57, 157].

Находясь в номинальной зависимости от Сасанидов, албанский царь Урнаир¹ (313-371) сопровождал шаха Шапура II

¹ Албанский царь Урнаир являлся зятем сасанидского шаханшаха Шапура II.

(309-379) в его войнах с римско-армянским блоком, как, к примеру, в бою на Дзиравском поле. Кроме того, есть сведения о выступлении на стороне Сасанидов помимо Албании и войск Атропатены, Арцаха, стран каспов и маров [143, 79]. После разгрома в Дзиравском сражении в 371 г. сасанидских войск, на стороне которых традиционно выступали и албанские отряды, Армянское царство захватило исконно албанские земли Арцах, Ути, Шакашен, Пайтакаран, Гардманзор, Колб и сопредельные им области, тем самым превратив реку Куру в границу между собой и Албанией [144, 29]. Однако после раздела Армянского царства между Римом и Сасанидами по договору 387 г. правобережной Албании удалось воссоединить свои исконные земли [167, 201] и вновь утвердить р. Араз своей южной границей. Касательно южной границы Албании отметим, что Н.Дудвик локализует территорию Албании еще с античных времен между Кавказской горной цепью на севере и р. Араз на юге [233, 378]. В отличие же от Н.Дудвик, исследователь армянского происхождения Р.Хьюсен пытается «приписать» исконно азербайджанские земли – правобережье р. Куры, включая Гарабаг, – к армянским [257, 40]. Однако в результате изучения античных и раннесредневековых источников, освещающих исторические реалии как Албании, так и сопредельных стран, было доказано, что территория Азербайджанской Албании в период с III в до н.э. вплоть до VIII в. н.э. главным образом оставалась неизменной [145, 667; 95, 214; 146, 9].

Хотя Лазская война Византии с Сасанидской империей в 541-562 гг. и не перекинулась непосредственно на земли Азербайджана, но все же косвенно коснулась Азербайджанской Албании. Так, в 562 г. между Византией и Сасанидами был заключен «Пятидесятилетний мир», 9-ая статья которого обязывала обе стороны воздержаться от войн и нападений на территории народов, подвластных противной стороне. Б.Дигнас и Э.Уинтер считают, что 9-ая статья данного мира подразумевала под собой невозможность ведения военных действий именно с Иберией и Албанией, часто являвшихся причи-

ной возобновления военного столкновения двух могущественных империй [227, 144]. Как отмечает Дж.Бьюри, по причине того, что «Пятидесятилетний мир» был основан на выплате дани (Сасаниды согласились признать Лазику владением Византии при условии ежегодной выплаты золота) ему было суждено стать краткосрочным [212, 95].

Так, «Пятидесятилетний мир» не продлился и 10 лет. Уже в 572 г. вспыхнула новая византийско-сасанидская война, длившаяся вплоть до 591 г. Хотя военные действия напрямую и не затронули территорию Азербайджана, но события, развернувшиеся в 589-591 гг. как в самой Сасанидской империи, так и в политических взаимоотношениях Византии с Сасанидской империей имеют большой научный интерес для отечественной историографии. Так, некогда пользующийся большим авторитетом у Сасанидов главнокомандующий сасанидскими войсками Бахрам Чубин в 589 г. был отстранен от занимаемой должности самим шахом, испугавшимся возможности захвата им трона. В ответ Бахрам Чубин восстал, а в результате дворцового заговора знати, недовольной политикой шаха, Хормизд IV (579-590) был свергнут и ослеплен. Наследник же трона, Хосров II (591-628), коронованный весной 590 г., был вынужден бежать в Византию [242, 335]. Отметим, что в ходе новейших научных изысканий было предположено тюркское происхождение Бахрама Чубина [347]. Тот факт, что Бахрам Чубин некогда являлся марзбаном Севера (т.е. Великой Мидии и Азербайджана) [см.: 353], делает актуальным изучение связанных с ним событий.

Византийский император Маврикий (582-602), несмотря на несогласие своего окружения, решил оказать военную помощь нашедшему в его империи убежище Хосрову. Отметим, что Бахрам Чубин взамен на территориальные уступки Маврикийю также просил последнего не поддерживать Хосрова II, однако император предпочел помочь бежавшему к нему наследнику сасанидского престола [242, 335; 243, 164]. На первый взгляд данный «акт милосердия» императора – помощь нас-

леднику трона государства, на протяжении многих веков являвшегося заклятым врагом империи, – не поддается логике. Однако М.Уитби объясняет данный шаг императора особым отношением Хосрова II к христианскому населению Сасанидской империи [339, 103]. К слову, любимая жена Хосрова II и ведающий финансовым управлением всей Сасанидской империи Яздин были христианами [308, 649]. Отметим, что именно благодаря заступничеству жены шаха – христианки Ширин – католикос Албании Виро, воспользовавшийся занятостью шаха в войне с Византией и возглавивший восстание албанского народа против сасанидского ига, был оставлен в живых [подробнее см.: 86; 145, 361]. Так, «эти фиктивные причины, принявшие характер «идеологических» причин, на самом деле прикрывали игру крупных политических интересов, решавших вопрос о скипетрах и державах» [157, 4].

Особый интерес вызывает вопрос, был ли лоялен Азербайджан Хосрову II, пока тот скрывался в Византии? Тот факт, что Хосров II был вынужден направить в Азербайджан своего дядю Бистама с требованием признать его своим владыкой [157, 95], свидетельствует о том, что в период гражданской войны в Сасанидской империи и годовичного правления Бахрама Чубина, по всей видимости, Азербайджан предпочел лояльность последнему, хотя ранее марзбан Азербайджана был среди сопровождающих Хосрова в Ктесифон, где тот был коронован [129, 83].

Как сообщает М.Уитби, в Константинополе было решено атаковать Бахрама Чубина по трем основным направлениям: Азербайджану, Восточной Месопотамии и Ктесифону [339, 103]. Весной 591 г. объединенная византийско-сасанидская армия сумела окончательно разгромить отряды Бахрама Чубина в сражении у Ганзак в Атропатене [299, 245], вынудив его бежать к тюркскому кагану, где впоследствии в результате заговора он был предательски убит. Так, Хосров II вновь взшел на трон Сасанидской империи. В 591 г. между Византией и Сасанидской империей был заключен мирный договор, по которому Хосров II в качестве «благодарности» Византии за

оказанную помощь уступил Дару, Мартирополь, Иберию и большую часть Персармении [339, 103]. Тот факт, что статьи договора не коснулись Азербайджана, говорит о большой геостратегической важности земель Азербайджана для Сасанидов.

Наше внимание привлекло размещение Р.Томсоном Ганзака в восточной «Армении» [328, 674], хотя в отечественной историографии научно доказано, что Ганзак являлся летней резиденцией Атропатены [19, 82-85; 7, 50]. Кроме того, о нахождении Ганзака в пределах Атропатены свидетельствуют и сами армянские источники [см.: 143, 25]. Проанализировав античный источник «Географию» Страбона, где ясно отмечается, что Ганзак находился в пределах Атропатийской Мидии еще с античных времен, и среднеперсидский источник VI в. «Города Ирана» («Шахристан-и Иран»), в котором среди городов Азербайджана в VI в. упоминается Ганзак, можно смело утверждать, что Ганзак являлся исконно азербайджанской землей и никогда не входил в состав восточной «Армении» [цитирую по: 53, 59; 128, 66]. Следовательно, утверждение Р.Томсона в корне ошибочно. Отметим, что в отличие от Р.Томсона, Э.Гиббон указывает, что Ганзак был столицей одной из провинций Мидии, т.е. Атропатены, как в древности, так и в средневековье [247, 308]. М.Бойс также отмечает, что Ганзак представлял собой город Азербайджана, основанный еще в Ахеменидский период [366].

Кроме того, в период 20-летней сасанидско-византийской войны (572-591) при вступлении в Албанию византийские войска здесь столкнулись с савирами, у которых в знак покорности были взяты заложники. Однако сразу после ухода византийских войск из Албании савиры переметнулись на сторону Сасанидов, что, в свою очередь, привело к переселению их византийцами за пределы р. Куры, т.е. на территорию, подвластную Византии [145, 360; 58, 127].

Последняя сасанидско-византийская война (602-628) также нанесла тяжелый удар по социально-экономическому положению

земель Азербайджана. Голод, меч и смерть косили людей [117, 129]. В течение 624-628 гг. территория Азербайджана была одним из главных театров военных действий Сасанидов с Византией.

25 марта 624 г. византийский император Ираклий I (610-641) отправился в персидский поход. Направляясь в Атропатену, византийские отряды успели по дороге разрушить Двин, Нахчиван, где, по предположению У.Кеджи, Ираклий I пробыл с 15 по 25 июня [266, 127], и Урмию. Затем Ираклий I поспешил в шахскую летнюю резиденцию – Ганзак, где находился сасанидский шах Хосров II с 40-тысячным войском, заставив последнего бежать в Дастагерд [334, 20; 327, 200]. В результате, как отмечает Р.Фрай, Ганзак, включая храм огня Тахт-и-Сулейман, был разрушен в пух и прах [242, 336]. Согласно У.Кеджи, Ганзак подвергся традиционной политике Ираклия I – политике «выжженной земли» [266, 127]. Б.Дигнас, Э.Уинтер и М.Уиттоу разграбление Ганзака и разрушение зороастрийского святилища Тахт-и-Сулеймана связывают с местью Ираклия I за предыдущий набег Сасанидов на Иерусалим [227, 46; 340, 78].

Как сообщает У.Кеджи, преследованию Хосрова II в сердце Месопотамии, которое бесспорно было обречено на провал ввиду неспособности византийской армии вести военные действия в сильную жару и отсутствия четкой тактики, Ираклий I предпочел совместно с 50 тысячами сасанидских военнопленных отправиться из Атропатены на север – в Албанию и перезимовать здесь [266, 128]. Однако Э.Гиббон объясняет отступление Ираклия I из Ганзака в Албанию не только осторожностью императора, но и его религиозными предрассудками [247, 308]. Если учесть, что население Атропатены в большинстве своем исповедовало зороастризм, а политическая элита Азербайджанской Албании исповедовала христианство, также исповедуемое в Византии, то данное утверждение исследователя становится обоснованным. Далее У.Кеджи сообщает, что в ответ на требование Ираклия I служить ему часть албанских князей ответила согласием, другая же, следуя приказу Хосрова II, покинула Партав и укрылась в горных

местностях. Тем временем византийская армия расположилась лагерем у Партава в селе Каланкайтук, затем пересекла р. Трту (Тертер) и направилась к деревне Дютакан [266, 128]. Кроме того, У.Кеджи и Э.Гиббон сообщают интересные сведения о притеснениях со стороны византийцев местных христиан, иудеев и язычников, которых всеми силами пытался защитить священник Закария Партавский [266, 128; 247, 308-309]. Вероятно, эти притеснения стали мстостью за отказ албанских князей подчиниться Ираклию I.

Хосров II же, в свою очередь, с целью перекрыть отступ имперским войскам через Иберию и Битлисский проход направил против Ираклия I три армии под командованием способных полководцев Шахрбараза, Шахина и Шахраплакана. Последнему из них, по сообщению У.Кеджи, удалось вернуть земли вплоть до Сюника [266, 128]. Весной 625 г. Шахраплакан был послан совместно с элитными сасанидскими частями блокировать Ираклия I, планирующего вторгнуться в Атропатену и Персию. Так, в результате наступления сасанидской армии войска Ираклия, так и не сумев склонить к союзу местных народов, на что Ираклий I очень рассчитывал, были вынуждены покинуть пределы азербайджанских земель.

В 625 г. Ираклий I вступил в союз против Сасанидов с одним из главных на тот момент соперников последних в торговле шелком – хазарами [104, 186; 160, 71], от нашествий которых больше всех пострадало население Азербайджана. Британский писатель и журналист А.Кёстлер отмечает, что хазары предоставили Ираклию I 40 тыс. всадников [384]. Так, в 626 г. войско хазар во главе с Шатом впервые вторглось в пределы Албании и частично Атропатены [117, 110-111]. Следующее нашествие хазар было в 628 г., в результате которого был разрушен Дербент. По сообщению У.Кеджи, население Партава, видя зверства и разрушения от рук хазар в Дербенте, в страхе укрылось в горных районах Ути и Арцаха, в то время как сасанидский марзбан и вовсе бежал в Персию [266, 144]. Следовательно, Р.Фрай прав, отмечая, что объединенные византий-

ско-хазарские отряды на территории Азербайджана практически не встретили сопротивления [242, 337]. Отсюда хазарские отряды направились в Тифлис, который совместно с византийцами был захвачен в конце 628 г.

О том, насколько бедственным оказалось социально-экономическое положение Азербайджана в результате совместных византийско-хазарских нашествий, свидетельствуют сведения У.Кеджи, указывающего, что сподвижнику Хосрова II Роч Вагану, преследующему Ираклия I, нечем было в Азербайджане накормить своих лошадей [266, 159]. Дж.Хаксли же сообщает, что албанский народ испытал на себе двойной гнет: земли албан были разграблены не только хазарами, но и византийскими войсками [262, 72].

В результате походов Ираклия I в Албанию в 628 г. гардманский князь Вараз-Григор, подпавший под его вассалитет, принял монофелитство, что носило исключительно политический характер, т.к. ранее, в 614 г., Хосров II объявил монофизитство официальным вероисповеданием христиан подвластных ему областей [145, 364].

Что же касается хазарских вторжений на земли Азербайджана, если первоначально поход носил исключительно грабительский характер, то впоследствии хазары преследовали цель политического подчинения Албании [167, 241]. Сасанидский марзбан бежал из Албании, католикос Виро, оставшись в безвыходном положении один на один с хазарскими полчищами под предводительством Шата и не имея помощи от Сасанидов, занятых междоусобной борьбой за престол, был вынужден пойти на политическое подчинение страны хазарам, дабы спасти ее от дальнейшего разорения. Так, хазары превратились в фактических хозяев страны [86, 18-19; 87, 24-25].

Как отмечает П.Гольден, в результате византийско-хазарского союза и византийско-сасанидской войны 603-628 гг. Южный Кавказ в очередной раз был разделен на сферы влияния. Согласно исследователю, по сравнению с соседними областями в Албании ситуация была куда более сложной, т.к. юг

страны прочно находился в сфере влияния Сасанидов, северная часть, контролируемая Михранидской династией, была в вассальном положении. Однако степень ее независимости в большей мере определялась хазарами, часто совершавшими набеги на северные области и периодически захватывавшими различные территории [249, 50].

Так, в результате критического анализа материалов англоязычной историографии было установлено, что с вхождением в состав Сасанидской империи земли Азербайджана неизбежно были втянуты в борьбу между Римской империей, Византией и Сасанидской империей, каждая из которых стремилась к установлению на Южном Кавказе своей политической гегемонии, что, соответственно, не могло не сказаться на формировании внешнеполитического курса южнокавказских стран, в том числе и Албании с Атропатеной, выгодное геостратегическое положение которых придавало им исключительную роль в экспансионистских планах великих империй. Нередко земли Азербайджана, главным образом Албании, становились театрами активных военных действий двух великих империй, а также объектом административно-территориального перераспределения. Подробное изучение работ англоязычных ученых позволило установить, что то или иное вмешательство южнокавказских государств, в частности Азербайджанской Албании ввиду ее не раз подчеркнутого особого географического положения, в римско-сасанидский и византийско-сасанидский конфликт неминуемо приводило к серьезным изменениям в расстановке политических сил, нередко могло и кардинально повлиять на исход противостояния двух великих империй. Кроме того, особое место было уделено и исследованию социально-экономических последствий для Азербайджана в целом продолжительной византийско-сасанидской борьбы за гегемонию в регионе.

ГЛАВА II

АЗЕРБАЙДЖАН В СОСТАВЕ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. Арабское завоевание Азербайджана

VII век запомнился не только в политической истории Ближнего и Среднего Востока, но и всего человечества, таким эпохальным событием, как возникновение третьей монотеистической мировой религии – ислама, приведшего к образованию исламского теократического государства, охватившего не только Ближний и Средний Восток, но и Среднюю Азию, Южный Кавказ, часть Африки, большую часть Пиренейского полуострова, достигнув Гималаев. Земли Азербайджана, представлявшие большую стратегическую важность для халифата, тоже вошли в основной массив арабских владений.

Отметим, что, если при самом пророке мусульманские завоевания проходили в пределах Аравии, то уже при первом его преемнике – «праведном» халифе Абу Бакре (632-634) – начались активные завоевания вне Аравийского полуострова. Некогда господствовавшее в научной литературе мнение о чисто религиозных целях военных кампаний арабов уже давно доказало свою несостоятельность. Ряд исследователей утверждает, что движущей силой арабских завоеваний были прагматические выгоды. Так, Ф.Доннер в качестве основных мотивов заинтересованности бедуинов в активизации экспансионистской политики перечисляет военные трофеи, систему жалований (*ama*) воинам мусульманской армии, наделение землей [229, 265]. Ф.Хитти же считает, что вовсе не исламский фанатизм, а именно экономическая нужда подтолкнула бедуинские полчища на завоевание территорий за пределами Аравии [258, 59-60]. Отметим, что пресечение византийско-индийской тран-

зитной торговли, путь которой пролегал через территории Мекки и Йемена, после завоевания последнего Сасанидами (572) привело к перемещению торгового пути на север, что в свою очередь сильно ударило по экономике Аравии [120, 85]. Однако, как считает Ф.Доннер, нельзя отрицать «идеологическую» и «организаторскую» функции ислама, которые объединили арабское общество, находившееся в состоянии социального расслоения и кризиса [229, 256, 269; также см.: 120, 85; 77, 14]. Хотя захватнические войны арабов и велись под знаменем «священной войны» с «неверными» во имя ислама, на деле же политические и экономические цели захватов состояли в следующем: стремлении бедуинов обогатиться за счет военной добычи, сплочении кочевников вокруг мусульманской общины, укреплении положения исламской аристократии путем преодоления сопротивления центральной власти непокорных племен, противившихся после смерти пророка Мухаммеда принять ислам [229, 264; 169, 7; 115, 35-36; 187, 27, 29-30; 258, 60]. Как отмечают Х.Кеннеди, А.Гольдшмидт и Л.Дэвидсон, единственным выходом избежать межплеменную вражду, свойственную бедуинам, арабские вожди видели в направлении воинственной энергии племен на внешние завоевания [130, 84-85; 250, 54-55].

Вторжение арабских завоевателей в соседние с Аравией области было облегчено тем обстоятельством, что главные противники Арабского халифата, две самые могущественные империи того периода – Византия и Сасанидская империя – были изнурены длительными войнами друг с другом за господство на Ближнем Востоке [187, 30; 249, 50; 250, 56]. Внутриполитические проблемы Сасанидской империи, возникшие после смерти Хосрова I Ануширвана и Хосрова II Парвиза, – борьба за власть между представителями царствующей династии, фактический сепаратизм областей, интриги, династическая борьба, братоубийственные и междоусобные войны – существенно ухудшили ситуацию [301, 204; 208, 181; 132, 62; 307, 151-153; 393; 392; 130, 138]. Сасанидская империя мед-

ленно, но верно приближалась к своей гибели. Усиление эксплуатации широких народных масс, в частности торгово-ремесленных слоев и крестьянства, неминуемо привело к резкому обострению классовых противоречий, росту недовольства трудящихся слоев населения [258, 57; 120, 83]. Процесс дальнейшей феодализации также способствовал усилению сепаратистских настроений знати и ослаблению центральной власти [120, 69; 115, 34]. Кроме того, в империи царил хозяйственная разруха и глубокий экономический кризис [229, 269; 307, 152; 208, 181-182; 187, 30; 392; 121, 104]. Производительные силы империи были изрядно подорваны длительной и безуспешной войной с Византией (604-628) [120, 83]. Как отмечает Р.Фрай, к концу Сасанидской империи уже не наблюдался рост городов и торговли [241, 234-235].

Немаловажными факторами относительно быстрого завоевания арабами владений Византии и Сасанидской империи были мобильность и военное превосходство арабской армии в техническом плане и тактике, преобладание в среде Сасанидской армии воинов арабского происхождения, которые при первой же возможности переметнулись на вражескую сторону, отсутствие народной поддержки существующих режимов из-за религиозных гонений [187, 30; 333, 305; 301, 204; 258, 57-58; 130, 91, 97, 185; 250, 55-57]. Отметим, что демагогические лозунги арабов об избавлении народов от налогового гнета, рабства и прекращении религиозных гонений были как «бальзам на душу» народных масс, подвергавшихся жестокой эксплуатации, в глазах которых арабы были освободителями от всяких порабощений [115, 36; 341, 36-37; 138, 69].

По мнению Р.Фрая и У.Куликана, ликвидация Сасанидами и Византией своих вассалов – арабских царств Лахмидов (611) и Гассанидов (585) соответственно, являвшихся «заслоном» от арабов, – значительно облегчило проникновение арабских завоевателей на территории Сасанидской империи и Византии [241, 240-241; 372; 375; также см.: 155, 57-123, 180-214; 130, 61-62; 322, 2].

Сразу после окончания войн с *«риддой»* (вероотступничеством) и, следовательно, завершения процесса объединения племен Аравийского полуострова началась череда активных арабских завоеваний. Для Сасанидской империи этот период был ознаменован завершением борьбы среди разных клик придворной знати и возведением на трон в 633 г. Йездигерда III. Однако, даже несмотря на прекращение междоусобиц и избрание шаханшаха, Сасанидская империя так и осталась в разрозненном состоянии, будучи не в силах отстоять свои земли и дать достойный отпор арабским завоевателям [132, 52, 81].

Блестящая победа арабов в битве при Йармуке в августе 636 г. нанесла сокрушительный удар мощи Византии [130, 117]. В 633 г. началась организованная экспансия арабской армии на Сасанидские территории. Впервые арабы появились в Месопотамии. Победа арабов над Сасанидской армией в одной из решающих битв – битве при Кадисии (636), длившейся 4 дня, – предредила участь Сасанидской империи, ибо перед арабскими завоевателями открылась дорога к столице империи – Ктесифону. Город перешел в руки арабов в 637 г. [341, 36-37; 187, 27; 301, 205; 323, 61; 241, 241]. Согласно средневековым источникам, Албания не осталась безучастна в политических событиях Сасанидской империи периода арабских завоеваний. Правивший в тот период албанский князь Вараз-Григор (628-638) послал дружину во главе со своим сыном Джаванширом, являвшимся представителем Албании во дворе сасанидского шаха Йездигерда III [218, 809], на помощь полководцу Сасанидов Рустаму, снарядившему 80-тысячную армию из Азербайджана [81, 71; 118, 188; 164, 92; 322, 10]. Джаваншир присоединился к князю сюнийскому и спарпету армянскому [117, 137-138]. Однако, несмотря на подмогу, в битве пал полководец Рустам [241, 241; 301, 205; 322, 11]. За участие в рядах сасанидской армии и проявленную храбрость в битвах при Кадисии (636) и осаде арабами Ктесифона Джаваншир был щедро одарен самим шаханшахом [117, 137-139; 391]. Отметим, что Джаваншир в течение шести месяцев с 3-тысячным

войском до последнего бился бок о бок с сасанидской армией против арабских завоевателей недалеко от Азербайджана. В общем же он целых семь лет упорно сражался с арабами, выступая на стороне Сасанидской империи. Однако союз Джаваншира и Сасанидов был невечен. Вскоре он изменил свою тактику. Вернувшись в Албанию, Джаваншир воспротивился сасанидским правителям. Заручившись военной поддержкой царя Иберии Атрнерсеха, он после ряда долгих и ожесточенных боев сумел освободить Албанию от Сасанидов [117, 141-144; 14, 338-340]. Однако самостоятельность Албании длилась недолго, ибо уже к середине VII в. арабы захватили всю восточную часть Южного Кавказа.

Положительный для арабской стороны исход ожесточенных боев под Джалулой (637), где, по сообщению Х.Кеннеди, принимали участие и азербайджанские отряды [130, 162], обеспечил прорыв арабских войск через горные цепи Загроса. Уже к 641 г. арабы контролировали всю Сирию, Палестину, Вавилонию, Ирак и Египет [187, 29].

Очередная ключевая битва произошла при Нихавенде в 642 г., завершившаяся триумфальной победой арабской армии, открывшей арабам прямую дорогу на Иранское плато [301, 206; 192, 70; 322, 18]. Победа арабов при Нихавенде символизирует конец многовекового господства Сасанидской империи [341, 36-37; 322, 18].

Сразу после захвата Рея и Казвина арабскими войсками стал возможен и захват Азербайджана. Отметим, что У.Мьюир сообщает об участии в защите Рея Сасанидского марзбана Азербайджана Исфандияра, возглавившего полчища «воинственных народов» [302, 175].

Приводя разговор между халифом Умаром и дехганом Хормузаном относительно очередности завоеваний на востоке, в котором последний характеризует Исфаган как «голову», а Фарс и Азербайджан – «крыльями» и предлагает для быстрой расправы с «крыльями» сперва отсечь «голову», т.е. захватить

Исфаган, Х.Кеннеди показывает, насколько значимым был для Арабского халифата захват Азербайджана [130, 222].

Отметим, что хронология событий, непосредственно связанных с завоеванием арабами не только Азербайджана, но и других провинций Сасанидской империи, является довольно противоречивой. Так, в самих арабских средневековых источниках, нередко и в отечественной историографии, датировка первого похода арабов в Азербайджан варьируется в пределах 639-642/3 гг. [см.: 148, 10; 126, 35]. Исследования же советского востоковеда А.И.Колесникова доказали, что завоевание северных областей Сасанидской империи, в том числе и Азербайджана, оказалось возможным лишь после подчинения арабами Нихавенда и Хамадана, уже после того, как арабские завоеватели укрепились в Мидии [132, 115]. Как известно, захват Нихавенда был осуществлен в 642 г. Следовательно, утверждение С.Корнелла о том, что арабы проникли в Южный Азербайджан в 639 г. и захватили Ардебиль в 641 г. [220, 14], не соответствует исторической действительности, ибо арабы приступили к завоеванию Азербайджана сразу после взятия Рея в 642/3 г. М.Морони также ошибочно датирует захват Ардебиля Хузайфой ибн ал-Йаманом 644 годом [301, 206].

Завоевание Азербайджана началось с Ардебиля, т.к. арабы большое значение придавали завоеванию южных земель Азербайджана именно благодаря их стратегически значимому расположению [126, 35]. В период арабских завоеваний Азербайджаном управляла семья сасанидского марзбана Фарруха-Хормузда [292, 188; 199, 225-226]. Так, в Ардебиле арабский полководец Хузайфа ибн ал-Йаман в 643 г. столкнулся с сопротивлением марзбана Исфандияра ибн Фаррухзада, которому помогали жители Баджравана, Маймада, Нариза, Сариба, Шица, Маяниджа и других областей. Наиболее упорное сопротивление арабы встретили в горных районах [126, 35]. Однако Х.Кеннеди отрицает факт сопротивления [130, 228-229]. Исфандияр был пленен. Но сопротивление азербайджанского народа на этом не завершилось. Как сообщает К.Босворт, брат

Исфандияра Бахрам вступил в бой с арабскими завоевателями, но также потерпел неудачу [199, 226]. В итоге, марзбан Азербайджана был вынужден заключить мирный договор, согласно которому арабы гарантировали местному населению личную безопасность и неприкосновенность имущества, не разрушать храмов огня, населению Шиза обещали свободно совершать праздничные религиозные обряды, арабы обязались никого не убивать и не пленять, не преследовать курдов Баласакана, Савалана и Шатрудана, марзбан же со своей стороны обязался вносить 800 тыс. дирхемов. Однако, как сообщает У.Мьюир, заключение мирного договора не привело к моментальному установлению арабского контроля [302, 176]. Как отмечает М.Морони, на востоке соглашения имели эффект установления протекторатов, которых надо было постоянно переуставлять [301, 209]. Согласно С.Корнеллу, арабы стали бесспорными правителями Азербайджана лишь к 730-м годам, после разгрома хазар [220, 14].

Отсюда в 643 г. отряд Букайра ибн Абдаллаха, осознававшего, что, не укрепив северные границы, особенно Кавказские проходы, будет невозможно завоевать Азербайджан и другие области Южного Кавказа, направился в Дербент, где в дальнейшем соединился с армией Сураки ибн Амра под командованием Абд ар-Рахмана ибн ар-Рабиа ал-Бахили. Однако у Баланджара арабские отряды под командованием последнего были разбиты хазарами [148, 13-15; 234, 835]. С командиром сасанидского гарнизона Дербента Сарваразом был заключен договор, по которому его люди взамен на пограничную службу арабам были освобождены от подушной подати. Так, как отмечает Х.Кеннеди, северная граница южнокавказских владений халифата никогда не переходила за пределы Баб-ал-Абваба (Дербента) [130, 229].

Арабский полководец Букайр ибн Абдаллах также захватил Муган, заключив с его жителями договор, по которому арабы взамен на признание и верность арабской власти, а также вы-плату подушного налога гарантировали им безопас-

ность личности и имущества, свободу вероисповедания [148, 13-14; 322, 20].

Однако, по сообщению М.Морони, вскоре после ухода арабских отрядов и смерти халифа Умара I (634-644) жители Азербайджана в 644-645 гг. восстали, отказавшись выполнять условия заключенного с арабами договора [301, 207]. В 645-646 гг. в Азербайджан на усмирение непокорных элементов были посланы куфинские отряды во главе с ал-Валидом ибн Укба, что в результате завершилось вторичным покорением Азербайджана арабами и перезаключением мирного договора, ранее заключенного между марзбаном Исфандияром и Хузайфой ибн ал-Йаманом [170, 103; 199, 226; 148, 16; 322, 23]. Вместе с ал-Валидом ибн Укба в Азербайджан прибыл и ал-Ашас ибн Гейс, назначенный сюда наместником. Ардебиль же стал столицей [238, 625]. Как отмечают М.Морони и К.Босворт, арабы придавали большое значение Азербайджану, ибо стратегически эта область была важна для всего Арабского халифата [301, 207; 199, 226].

Проникновение арабских войск в Албанию происходило из Нахчивана, предварительно покоренного арабским полководцем Хабибом ибн Маслама, с которым также был заключен мирный договор [92, 18]. Средневековый историк Гевонд свидетельствует, что завоевание Нахчивана происходило далеко не мирным путем [122, 3, 6]. Отряд Салмана ибн Рабиа прямым из Нахчивана отправился на завоевание Байлакана, в результате завершившееся подписанием мирного договора, также даровавшего жителям безопасность жизни и имущества взамен на выплату хараджа и джизьи [358; 116, 13]. Затем, несмотря на оказанное жителями города сопротивление, Салман ибн Рабиа сумел подчинить и Барду (645), заключив идентичный мир [235, 1041; 357; 116, 13]. Вслед за Байлаканом и Бардой арабами были захвачены Ути, Шамхор, Кабала, Шаккан, Камиберан, Ширван, Шабран и другие города Аррана (арабы по отношению к северным землям Азербайджана использова-

ли термин «Арран») [218, 809; 239, 660; 148, 18-19; 116, 13-14]. Также был завоеван Тифлис.

Как видно, состояние децентрализации, в котором пребывала Сасанидская империя в момент арабского завоевания, сказалось и на Азербайджане, который в тот период входил в ее состав. В период арабских завоеваний в Албании правили принцы из династии Михранидов, а в Южном Азербайджане – Сасанидские марзбаны [198, 521; 147, 195-196]. Несомненно, как отмечает Р.Фрай, именно благодаря раздробленности Албании между отдельными мелкими властителями захват области и был столь легок [239, 660]. Так, отсутствие сильной центральной власти привело к тому, что местные правители, оставшись один на один с арабскими завоевателями и без помощи извне, были вынуждены капитулировать перед врагом. Тем более, как видно из условий мирных договоров, арабы на условиях выплаты дани гарантировали местному населению безопасность жизни, целостность имущества и право свободного вероисповедания. Как отмечает Р.Фрай, арабское завоевание вышеуказанных территорий привело лишь к их номинальному подчинению [239, 660]. Как сообщает Р.Фрай, в Арране местные династии продолжали свое полунезависимое существование, впрочем, как и при господстве Сасанидов, но с единственным изменением – отныне верховное положение над ними заняли арабы [239, 660]. Согласно М.Канарду, главной обязанностью наместника в провинциях было обеспечить своевременную выплату налогов, остальное же не заботило его; внутреннее управление областей было оставлено в руках местных правителей, пользующихся определенной независимостью в пределах своих владений [215, 642]. Так, в случае с Арраном при условии выплаты дани мусульманской казне область была предоставлена местным принцам из руководящей династии Михранидов, которым арабы предоставили титул «*батрика*» (правитель, князь) Аррана [198, 521; 239, 660; 48, 394]. Однако завоевание Азербайджана арабами еще

не означало окончательного безраздельного правления здесь последних. Как отмечает Р.Фрай, в дальнейшем арабам, даже несмотря на установление твердой арабской власти в Арране при халифе Муавии (661-680), постоянно приходилось воевать с хазарами и местными принцами [239, 660]. Лишь в 30-х гг. VIII в. можно говорить об окончательном включении Азербайджана в состав Омейядского халифата [46, 35].

Среди представителей княжеских родов стран Южного Кавказа не было единства в вопросе союзничества с арабами. Часть из них считала неременным подчинение Византии, тем самым обезопасив себя от арабских завоевателей, некоторые же, в частности армянские князья, придерживались проарабской ориентации [167, 246]. Джаванширу также часто приходилось лавировать между Византией, хазарами и халифатом. Интересные и одновременно ценные сведения касательно общественно-политической ситуации в Албании во II половине VII в. приведены в произведении историографического характера Дж.Ховард-Джонстона, целая глава которого посвящена истории Албании, хотя, что довольно странно, один из параграфов главы называется «История Атропатены», несмотря на то, что повествуется в ней именно об Албании. Так, исследователь II половину VII в., когда пала Сасанидская империя и началась быстрая экспансия Византийской империи в восточном направлении, характеризует периодом «эсхатологической тревоги», когда Албания была окружена угрожающими ей державами [260, 110]. Отметим, что исследование Дж.Ховард-Джонстона основано на «Истории Албании», авторство которой исследователем приписано Мовсесу Дасхуранци, а не албанскому историку Моисею Каланкатуйскому, что, по всей вероятности, связано с тем, что исследователь попал под влияние армянских «историков», работами которых он пользовался.

Албанский князь Джаваншир (642-681) был за установление союзнических отношений с Византией, о чем свидетельствует его переписка с византийским императором Констан-

том II (642-668), где Джаваншир изъявляет желание албанского народа вступить в подданство Византии [117, 144-146; 14, 340-341]. Самой Византии союз с албанским князем перед лицом надвигавшейся угрозы арабского порабощения, также был весьма выгоден. В 654 и 659/60 гг. между ними был проведен ряд встреч и заключен союз. У.Кеджи сообщает, что в знак уважения и почета император подарил Джаванширу пояс самого Ираклия [266, 319]. Как отмечает Т.Гринвуд, император Константин II решил воспользоваться возможностью создания союзнической коалиции на Южном Кавказе, возникшей в результате начала первой фитны (гражданской войны) в Арабском халифате между Али и Муавией в 656-661 гг. Одними из первых, согласившихся на союз, исследователь называет принца Албании Джаваншира и принцев Сюника [255, 342].

Однако неблагоприятно складывавшаяся вокруг политическая ситуация, а именно заключение в 652 г. союза между Арабским халифатом и армянским спарпетом Теодором Рштуни [255, 342; 333, 313; 165, 39], в результате чего в 654 г. последнему была дарована власть над Арминией, Иберией, Албанией и Сюнией до Кавказских гор и ворот Чога [216, 636], а также продолжавшиеся грабительские вторжения хазар в Албанию в 662 и 664/5 гг. [191, 1173; 249, 50], последнее из которых завершилось вассальной зависимостью Албании от хазар [87, 26-27], заставила албанского князя Джаваншира пересмотреть свою позицию по отношению к Арабскому халифату. Джаваншир четко осознавал политическое бессилие Византии перед мощью Арабского халифата, угрожавшего ей с юга. В результате, он изменил свою дипломатическую тактику и был вынужден «примкнуть» к арабской стороне. Т.Гринвуд предполагает, что основные союзники Византии отвернулись от нее уже к 661-662 гг. [255, 343]. Так, в 667 г. албанский князь вступил в вассальную зависимость от халифата, тем самым Джаваншир предостерег Албанию от полного разорения и сохранил относительную самостоятельность. В 670 г.

при второй встрече халифа Муавии с Джаванширом было достигнуто соглашение о снижении налога, взимаемого с населения Азербайджана, на 1/3. Повествуя о взаимоотношениях Джаваншира и халифа Муавии, Дж.Ховард-Джонстон отмечает, что привилегии, данные халифом Джаванширу, свидетельствовали об апогее политической деятельности Джаваншира [260, 119]. Столь снисходительное отношение халифа к албанскому князю и сохранение относительной самостоятельности объясняется как возросшим политическим влиянием Джаваншира, так и стратегическим расположением Албании [147, 209-210], ибо, по сообщению Р.Фрая, вооруженные силы последней использовались арабами для обороны северных рубежей халифата от вторжений хазар [239, 660], нередко и против Византии [см.: 81, 79; 83, 154]. Кроме того, немаловажную роль сыграло также прохождение по территории Албании важных торговых путей и наличие богатых природных ресурсов [167, 248].

Однако в 680/1 г. в результате предательского заговора провизантийски настроенных князей Джаваншир был убит, что привело к смутам в Албании. Дж.Ховард-Джонстон, хотя и датирует ошибочно его убийство 669-670 годом, выдвинул интересное предположение о причине убийства Джаваншира. Так, исследователь предполагает, что Джаваншир отказался «разделить» ответственность за убийство византийского императора Константа или, возможно, он слишком много знал о заговоре против последнего. Как бы то ни было, как утверждает Дж.Ховард-Джонстон, по всей вероятности, Джаваншир потерял доверие халифа и поплатился за это своей жизнью [260, 119-120]. В отечественной же историографии в лице Г.Дж.Джабиева было предположено, что к убийству Джаваншира, по всей вероятности, была причастна армянская сторона [14, 350].

Очередным князем, признанным халифом Йазидом I (680-683), был избран Вараз-Трдат (681-705), брат покойного Джаваншира. Воспользовавшись сложившейся сложной ситуа-

цией, под предлогом мести за убийство албанского князя Джаваншира¹ в Албанию вторглись полчища хазар под предводительством Алп Илитвера. В 681 г. в результате всеобщего совещания албанских князей и католикоса Елиазара Вараз-Трдат решил направить к хазарам посольство, возглавленное епископом Израилом, чтобы предотвратить дальнейшие нашествия хазар в страну [249, 51; 191, 1173]. Результат миссии посольства не известен. Повторное нашествие хазар в Албанию в 685 г. свидетельствует о том, что, по всей видимости, мир в 681-682 гг. между ними не был установлен.

Отметим, что нашествия хазар в страны Южного Кавказа, в том числе и в Албанию, происходили в период крайне напряженной политической обстановки в Арабском халифате. Т.Гринвуд высказал предположение о скоординированности хазарского нашествия на страны Южного Кавказа в 685 г. и политикой Византии, проводимой по отношению к Арабскому халифату [255, 344]. Данной точки зрения придерживается и П.Гольден, отмечая, что Византия, следуя геополитической тактике, установленной еще Ираклием I, подстрекала хазар на совершение набегов на Южный Кавказ, где доминировали арабы, что наглядно можно проследить в разрушительных атаках хазар на Албанию и соседние области [249, 51]. Дж.Хаксли также особо подчеркивает политические и стратегические выгоды для Византии дипломатических отношений с Хазарией. В частности, исследователь указывает, что хазары служили своеобразной «преградой» персам, а позже и арабам, на пути продвижения их далее к северу от Кавказских ворот [262, 70]. П.Миртс отмечает, что вплоть до IX в. хазары были союзниками Византии, а в X в. хазарский каган пользовался большим уважением, нежели сам папа Римский [291, 15].

¹В 664/5 г. во время очередного нашествия хазар на Албанию Джаваншир был вынужден заключить брак с дочерью хазарского кагана, что символизировало установление вассальной зависимости Албании от Хазарского каганата.

Как отмечает Т.Гринвуд, продолжительная вторая гражданская война (680-692) в Арабском халифате дала возможность Византии активизировать наступление на халифатские территории. Так, в 685 г. императорские войска вторглись в Киликию, угрожая северной Сирии, тем самым сподвигнув халифа Абд ал-Малика (685-705) к заключению мира с Юстинианом II. Согласно заключенному миру, налоговые поступления с Аррана и остальных южнокавказских областей должны были быть поровну разделены между договаривавшимися сторонами [255, 344; также см.: 198, 521; 265, 188]. Таким образом, Южный Кавказ был разделен на сферы влияния двух могущественных держав. Однако данный мир вовсе не обеспечил спокойствия в странах Южного Кавказа. Так, уже в 689 г. император Юстиниан II (685-695, 705-711) возглавил военную кампанию в Албанию и другие области Южного Кавказа [165, 52], в результате которой принц Албании Вараз-Трдат был назначен самим Юстинианом II патрицием и экзархом [255, 345].

В целом, характеризуя политическую ситуацию в Албании в 80-х гг. VII в., Дж.Ховард-Джонстон называет этот период драматическими годами для Албании [260, 112].

Однако желание албанского князя Вараз-Трдата I приостановить непосильную выплату дани Византии привело к пленению в 699 г. его и сыновей Гагика и Вардана в Константинополе вплоть до 704 г. Одной из главных причин этого и было дальнейшее сближение Вараз-Трдата I с Арабским халифатом, что являлось угрозой позициям Византии на Кавказе [81, 106].

Внутриполитическое положение в самой Албании в этот период было сложным. Воспользовавшись отсутствием в стране Вараз-Трдата, гардманский епископ Нерсес Бакур, являвшийся приверженцем халкидонства, склонил княгиню Спрату к решению назначить его на место католикоса Албании, пущающее еще со времени смерти прежнего католикоса Елиазара (688). Нерсес придерживался политики сближения с Византией, против чего выступал князь Шерой, поддерживаемый

влиятельными феодалами Албании. Однако возврат в 704 г. в Албанию князя Вараз-Трдата I – сторонника союза с халифатом – и увод в Дамаск в 705 г. арабами последнего князя династии Михранидов Шероя (699-705) привели к потере Албанией политической независимости. Княжеской власти в Албании был положен конец. Отныне безраздельное правление Албанией было сосредоточено в руках халифских наместников [81, 106-107; 145, 375-376; 147, 213; 167, 250].

С начала VIII в. в плане административно-территориального устройства к южнокавказским владениям Арабского халифата стал применяться административный термин «*Арминия*». Под «Арминией» понимали не только территории собственно «Армении», но и Аррана [92, 19]. Так, в частности, М.Канард указывает, что в противоположность армянам, подразумевавшим под данным термином «армянские» земли, римляне и византийцы под дефиницией «Арминия» подразумевали всю территорию, охватывающую пространство между р. Курой и Каспием, т.е. Арран и Гурзан (Грузия, Иберия), а также горные области Кавказа вплоть до Дербента [215, 642]. Необходимо указать и точку зрения М.Канарда относительно возникновения как этнонима «армяне», так и хоронима «Армения». Так, М.Канард свидетельствует, что Армения предположительно была населена к XVII в. до н.э. азиатским народом – хурритами, которые не были ни семитского, ни индоевропейского происхождения. Народ был организован в I половине II тыс. до н.э. захватившей их индоевропейской знатью. Позже они подчинились Хеттскому царству, а после и ассирийцам. В IX в. до н.э. образовалось царство Урарту с центром у оз. Ван, достигшее своего апогея в VIII в. до н.э., но к середине VII в. до н.э. оно было разрушено волной киммерийцев и скифов, наводнивших Переднюю Азию. В ходе этих событий индоевропейский народ фрако-фригийской семьи, возможно, являвшийся ветвью фригийцев, государство которых было разрушено киммерийцами, пришел с запада и захватил Урарту. Этих новых поселенцев персы стали называть

«армянами», происхождение и значение названия которых до сих пор остается неизвестным, а область стали называть «Армения», армяне же себя именуют хайками [216, 634-635]. Как видно, М.Канард, также как и отечественные исследователи, отрицает возможность того, что «армяне» были автохтонным населением Малой Азии и Южного Кавказа, а также указывает, что этноним «армяне» и хороним «Армения» были ими приватизированы, о чем нами было ранее сказано.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению административного термина «Арминия» считаем необходимым уточнить территориальные границы Азербайджана в указанный период. В раннее средневековье границы Албании простирались на севере до Дербента, на юге до р. Араза, на западе до Иберии и на востоке до Каспийского побережья [146, 9; 81, 143; 117, 146; 147, 116; 145, 273; 349]. В целом, сообщения Р.Фрая, К.Босворта и М.Шомона о территориях Албании совпадают с теми же в отечественной историографии [239, 660; 198, 521; 218, 806]. Что касается территориальных границ Южного Азербайджана, то, следует отметить, что ввиду отсутствия точных данных в источниках сасанидского периода, а также административно-территориальных изменений в результате тех или иных политических событий сведения о них лишены конкретности. Лишь сообщения арабских географов IX – X вв. и более позднего периода позволяют уточнить их. Согласно К.Босворту, Южный Азербайджан составлял отдельную провинцию, но временами он объединялся с Джибалем, Мосулом или Джазирой, что демонстрирует изменчивость административной системы [199, 224]. При Сасанидах территория «Азербайджанского куста» простиралась на севере до р. Араз, на юге – до Зенджана, Динаварской равнины и берегов р. Тигр [33, 30]. В целом, ко времени арабского завоевания территория Южного Азербайджана охватывала область от Барды до Зенджана, на востоке доходила до областей Дейлем, Таром, Гилян, на юго-западе – до Джазеры, а на западе – до Арминии [164, 121; 19, 117]. Нередко источники в его состав включали и

Арран [см.: 126, 18]. Отечественный исследователь А.Г.Фазили, основываясь на источнике сасанидского времени на пехлевийском языке «Андарзе Хосров», сообщает, что еще при Хосрове I территория между Дербентом и Хамаданом причислялась к Южному Азербайджану [20, 107]. Отметим, что относительно северных пределов Южного Азербайджана мнения отечественных историков разнятся. Так, ряд отечественных исследователей отмечает, что на севере окраинным городом был Варсан у р. Араз [81, 141; 93, 57; 126, 18]. Англоязычные исследователи также склонны крайне северным (точнее северо-восточным) пределом Азербайджана называть Варсан на р. Араз [см.: 373; 292, 190]. Тот факт, что в некоторых источниках северным пределом Южного Азербайджана указывается Барда, которая географически расположена к северу от р. Араз, делает категоричное утверждение К.Босворта о том, что река Араз была естественной границей между Албанией и Атропатеной [199, 224], нецелесообразным, т.к. в разные периоды времени границы «стирались». Кроме того, в арабский период Албания и Атропатена воспринимались под единым понятием «Азербайджан», территории которого на севере доходили до Дербента, а на юге – до Зенджана, на востоке – до Каспийского побережья, Дейлема, на западе – до ал-Джазир, Арминии, вплоть до Тифлиса [3, 297-298; 33, 47-48].

Подсознательно возникает вопрос, почему к завоеванным арабами территориям на Кавказе применялся именно термин «Арминия»? Причины кроются в следующих моментах. Во-первых, среди стран Южного Кавказа именно «Армения» была завоевана арабами первой [подробнее см.: 216, 635-636; 255, 341]. Во-вторых, именно в Двине (Дабиле) находилась резиденция первого наместничества Арабского халифата [215, 642]. Следовательно, перенять уже существующее административное деление представлялось удобным для арабских властей. Немалую роль сыграло благосклонное отношение арабской администрации к армянским священнослужителям [93, 52], ибо, как известно, в конце VII в. последние вели активную

идеологическую борьбу с Византией – заклятым врагом халифата – и в результате клеветнической деятельности армянского католикоса Ильи они сумели подчинить албанскую церковь армянской [147, 237]. Следовательно, академик З.М.Бунятов прав, утверждая лишь о церковном единстве южнокавказских стран, составляющих единую административную единицу «Арминия». З.М.Бунятов доказал, что ни Арран, ни Гурзан (Иберия, Грузия) ни в этническом, ни в политическом отношении не являлись частью «Армении» [81, 93-96].

По примеру византийской «Армении», раздел которой на 4 части являлся результатом императорской реформы Юстиниана I, арабская администрация на Кавказе также традиционно подразделила южнокавказские владения на 4 Арминии, каждая из которых в свою очередь объединяла смежные области. Так, арабская Арминия I включала в себя Арран, Сисаджан (Сюник), Тифлис, Барду, Байлакан, Кабалу и Ширван [215, 642; 125, 13]. Арминия II состояла исключительно из территорий северной части Южного Кавказа, в частности Джурзана, Сугдабиля, Баб-Фейруз-Кубада и Лакза, т.е. земель, в большинстве своем населенных грузинами, лезгинами и другими народами, вошедшими в состав Аррана сразу после завоевания их арабами. Следовательно, территории, составлявшие Арминию I и II, не являлись армянскими [93, 54-55]. Они включали в себя древнеалбанские земли. Арминия III объединяла в своих пределах Бусфурраджан (Васпуракан), Дабил (Двин), Сирадж-Тайр, Багравенд и Нашаву (академик Н.М.Велиханлы, ссылаясь на арабские источники, выступает против отождествления Нашавы, входящей в состав Арминии III, с Нахчиваном на р. Араз, утверждая, что первый Нахчиван (Нашава) находился в Карсском вилайете [93, 55-57]), а в пределы Арминии IV входили Шимшат, Хилат, Каликала, Арджиш, Баджунайс [125, 13; 215, 642].

Однако нередко Азербайджан, Арминия, а также Арран, включавший в себя в тот момент частично и территорию современной Восточной Грузии и Дагестана, объединялись араба-

ми в единое наместничество (*вилайет*) под административным названием «Арминия» или «Азербайджан» [337, 66; 292, 190; 235, 1041; 215, 642; 124, 3]. Отметим, что при последних Сасанидах как результат административной реформы шаха Хосрова I Ануширвана (531-579) под «Азербайджаном» понимался весь «Северный куст», включавший и исконные земли Азербайджана [377; 126, 18; 60, 26; 119, 29; 147, 197; 92, 18; 33, 30]. Такая административно-территориальная система управления халифатом южнокавказскими странами сохранилась вплоть до IX в., т.е. до образования самостоятельных государств на территориях, некогда завоеванных арабами.

Так, несмотря на имеющиеся неточности, материалы англоязычной научной литературы позволяют основательно изучить и осветить не только непосредственно сам процесс завоевания земель Азербайджана арабами, но и важные вопросы общественно-политической истории Азербайджана накануне и после арабского завоевания. В результате критического анализа трудов англоязычных исследователей было установлено, что, несмотря на завоевание Азербайджана арабами и включение его в состав халифата, арабской администрации пришлось долгие годы вести борьбу за власть не только с местными правителями, противившимися новой власти, но также с Византией и хазарами, претендовавшими на установление своей власти на азербайджанских землях. Кроме того, было установлено, что в плане административно-территориального управления Азербайджаном ввиду отсутствия древнейших традиций государственной организации халифата арабская администрация сохранила доарабскую систему управления.

2.2. Налоговая политика арабской администрации

Включение земель Азербайджана в состав теократического мусульманского государства – Арабского халифата – привело к переменам и в фискальном аппарате. После завоевания Азербайджана арабы переняли в большинстве своем фискаль-

ную систему своих предшественников, т.е. Сасанидов и Византийской империи [80, 23]. Местный язык также продолжил функционировать в сфере государственного делопроизводства [226, 14; 62, 127], а местные чиновники сохранили за собой занимаемые посты [280, 185], даже чеканка монет осталась прежней [240, 45]. К.Босворт и Р.Фрай утверждают, что налоги в Азербайджане выплачивались монетами с исламскими надписями, которые чеканились в монетном дворе, находящемся либо в Барде, либо в Байлакане [198, 521; 239, 660]. Ссылаясь на вышеуказанное, К.Босворт утверждает о бесспорном факте преемственности финансовой и управленческой систем Сасанидской империи арабской администрацией [203, 52]. Примечательны слова Б.Льюиса о том, что в плане административного устройства Омейядский халифат был скорее государством-преемником Сасанидской и Византийской империй, нежели Арабским государством [279, 67]. Против утверждений П.Крун и Дж.Саундерса об отсутствии государственности у арабов даже в период «праведных» халифов [221, 26; 311, 77] выступил М.Доннер, указывая Египет в качестве примера существования налаженной системы обложения и сбора налогов уже в конце I в. хиджры. Тем не менее, исследователь признает, что на новых завоеванных землях, включая Азербайджан, арабы переняли твердо установленные традиции административного управления Сасанидов [230, 286-288, 294]. Более того, арабы, находясь на более низком уровне общественного развития по сравнению с покоренными цивилизованными народами [74, 141-142; 108, 90; 296, 183; 154, 5-6], подверглись влиянию процесса феодализации, имевшего место быть в Азербайджане [10, 35-38] и в Сасанидской империи в целом [69, 460; 159, 178; 108, 280], в составе которой в тот период находились азербайджанские земли [120, 75; 64, 251; 147, 164-168].

Первоначально завоеватели на местах возложили ответственность за сбор налогов на крупных земельных собственников [322, 43-44]. Но со временем уже при первых Аббасадах власть в провинциях была строго разграничена между полити-

ческим и финансовым управлением. Б.Спулер связывает этот факт с аналогичной системой управления древнеиранских моделей [317, 176]. Так, в областях халифата вопросами сугубо административного управления занимался *амир*, *амиль* же являлся финансовым чиновником, ведавшим сбором налогов в городах и округах и подотчетным непосредственно перед центром [276, 19; 322, 80-81; 323, 64; 341, 37; 273, 44]. Следуя практике Сасанидской державы, при халифе Умаре I (634-644) был учрежден *диван* – ведомство, занимавшееся составлением списков распределения государственных доходов [280, 150; 322, 46; 136, 61]. Отметим, что в Азербайджане и Арране диваны использовали в работе пехлевийский и греческий языки, оставшиеся от прежней власти Сасанидов и Византии [62, 125]. Особое значение имел *диван ал-харадж*.

Мусульманское право в системе налогообложения придавало большое значение тому факту, была ли та или иная область захвачена силой оружия (*анватан*) или мирным путем (*сулхан*), предполагающим заключение мирного договора между победителями и побежденными. Отметим что, с областями Азербайджана были подписаны мирные договора, являвшиеся в экономическом плане прибыльными, ибо при халифе ал-Мамуне сумма доходов государственной казны с них составляла 4 млн. 500 тыс. дирхемов [170, 45]. Это оправдывает утверждение М.Морони о том, что наряду со стратегической безопасностью основной заинтересованностью арабов в Азербайджане была дань [301, 207]. Следует отметить, что характер налогообложения во многом зависел как от типа завоевания, так и от природы налоговой системы, существовавшей еще до захвата той или иной области арабскими завоевателями. Фундаментальное изучение Д.Деннет системы налогообложения Арабского халифата подтвердило отсутствие унифицированной системы налогообложения во всей империи. Тем не менее, несмотря на многообразие, в большей части империи существовала дуальная система налогообложения: подушный (*джизья*) и поземельный (*харадж*) налоги.

Согласно заключенным с покоренными народами договорам, арабы выступали гарантами безопасности их жизни, имущества, свободы вероисповедания, взамен первые должны были выплачивать поземельный и подушный налоги, принимать на постой путешествующих мусульман. Хотя, согласно Корану, к числу «людей Писания» относились христиане и иудеи, этим статусом пользовались и зороастрийцы [322, 31], составлявшие большинство населения Южного Азербайджана, что объясняется стратегической значимостью последнего в борьбе арабов со злейшим врагом халифата – Византией [45, 67].

Джизья являлась подушным налогом, взимаемым с немусульман, проживающих на территории халифата. Нередко среди причин взимания *джизьи* наряду с платой за предоставленную арабской администрацией *зиммийм* («люди договора») протекцией указывается и компенсация за не несение военной службы [304, 84; 250, 75] и неприятие ислама. Так, например, А.Триттон отмечает, что население Азербайджана не несло военной службы в мусульманской армии, за что платило дань [336, 207]. Однако в случае службы местного населения в рядах исламской армии, оно освобождалось от годовой *джизьи*, что являлось одним из пунктов договора арабского полководца Утбы ибн Фаркада с Азербайджаном в 642 г. [45, 22]. *Джизья* являлась фиксированным налогом и взималась по «богатству богатого, бедности бедного, среднему достатку середняка» [170, 30]. Несмотря на наличие ряда сведений средневековых арабских авторов о ставках, из-за отсутствия унифицированной системы взимания *джизьи* [188, 54-55] с трудом удастся конкретизировать эти данные в период Омейядов по всему халифату, в том числе и в Азербайджане. Согласно А.Триттону, этот факт свидетельствует о том, что имамы при определении суммы налога учитывали местные условия [336, 216]. Тем не менее, известно, что *джизья* взималась со свободных дееспособных мужчин-зиммиев раз в год в размере 48, 24 и 12 дирхемов соответственно достатку, иногда принималась оплата натурой в эквивалентной стоимости [170, 19].

От джизьи были освобождены дети, женщины, старики, нищие, нетрудоспособная часть населения и первоначально монахи. Принятие ислама тоже гарантировало освобождение от уплаты джизьи. Одними из первых, принявших ислам, были представители местной служилой знати и землевладельцы, желающие сохранить свое привилегированное положение [170, 109]. Отметим, что даже купцы и ремесленники Шеки, где была сооружена первая христианская митрополия на всем Южном Кавказе, исповедовали ислам [93, 49]. Так, согласно Д.Деннет, Дж.Хоутингу и В.Морин, подушный налог стал признаком социальной и религиозной приниженности, «дискриминационным» налогом [226, 15; 256, 37; 387; также см.: 322, 31]. Следовательно, основная тяжесть уплаты джизьи ложилась на плечи бесправного и беззащитного крестьянства.

Как свидетельствует Т.Арнольд, сборщикам джизьи было строго приказано проявлять снисходительность, воздерживаться от жестокого обращения или причинения телесных наказаний в случае неуплаты налога [188, 55]. Однако сборщики налогов вовсе не придерживались этих наказов, о чем свидетельствуют источники. Зиммиев заставляли стоять под палящим солнцем и на голову им лили масло, на шеи им вешали предметы унижительного характера [170, 20].

В.Морин и Д.Деннет в своих исследованиях провели параллель между «арабской» джизьей и поголовным налогом Сасанидов *«газитаком»* [226, 15; 387], что в очередной раз подтвердило факт преемственности налоговой системы Арабского халифата. В частности, Э.Лэмбтон утверждает, что, несмотря на попытки некоторых исламских правоведов представить налоговую систему на территориях бывшей Сасанидской империи как «нововведение», привнесенное туда арабскими завоевателями, арабская администрация сохранила практику налогообложения самой Сасанидской империи [272, 16; также см.: 317, 176; 245, 312].

Одним из основных видов налогов, взимавшихся с немусульманского населения всего Арабского халифата, в том чис-

ле и с Азербайджана, являлась поземельная подать – *харадж*, введенная еще халифом Умаром I с целью обеспечения нужд государства в постоянном источнике финансов. Считалось, что в начальный период существования Арабского халифата термины «джизья» и «харадж» были синонимичны и подразумевали под собою «дань». Но основательное изучение Д.Деннет и Ф.Локкегаард системы налогообложения Арабского халифата показало несостоятельность данного утверждения, что и неудивительно, ибо налогообложение Сасанидской империи (как было отмечено прежде, арабская администрация сохранила прежний фискальный аппарат на местах) зиждилось на дуальной системе подушного налога (*гезит*) и поземельного налога (*хараг*) [226; 284; подробнее о дуальной системе см.: 322, 45; 245, 345; 172, 457-460; 121, 103]. В Византийской империи также существовали налоги, взимаемые с нехристиан и землевладельцев [323, 90]. Хотя множество ученых и считает, что четкая дифференциация между хараджем и джизьей имела место быть лишь после фискального рескрипта Умара II [269, 107], а также и в Аббасидский период [279, 80; 272, 23; 214, 1031; 213, 561], благодаря исследованию Д.Деннет было доказано, что разграничение двух вышеуказанных налогов существовало и ранее, по крайней мере, еще со времен Умара I. Д.Деннет впервые доказал, что харадж и джизья представляли собой не просто «дань», как предполагалось ранее, а налог с присущим каждому из них своим отдельным значением [226, 12-13]. Аналогичного мнения придерживаются А.Триттон и Р.Уилсон [336, 197; 181, 111].

Как известно, харадж был введен вторым халифом Умаром (634-644). Как отмечают А.Ал-Ашкер и Р.Уилсон, отношение Умара I к захваченным землям было «отношением экономиста» к земле как к средству производства [181, 105-106]. Именно этим можно объяснить феноменальный случай в истории мусульманского фикха – отказ Умара I распределить захваченные земли Сирии и Ирака между мусульманскими войсками, что попирало принцип раздела захваченной добычи (*гани-*

мат), предусмотренный в самом Коране. Кроме того, немаловажной причиной отказа была заинтересованность в боеспособных мусульманах-воинах, занятых захватами и поддержанием порядка на новых территориях, нежели сельским хозяйством [226, 20; 322, 44; 170, 36; 132, 198-199; 181, 105; 100, 55]. Так, захваченные земли были оставлены в руках их прежних владельцев взамен на уплату хараджа. Д.Деннет и Э.Лэмбтон сходятся во мнениях, что харадж представлял собой ренту [226, 37; 271, 1037]. Умар I хорошо осознавал невозможность мгновенного перевоплощения пришлых бедуинов в умелых культиваторов [323, 64; 181, 138]. Как отмечает Г.Эндресс, «бедуинизация» покоренного населения не входила в планы арабских завоевателей [237, 78]. Согласно М.Боннеру, различие между получателями и плательщиками налогов четко соответствовало различию в религии и занятости: те, кто получал прибыль от налогов, являлись мусульманами и воинами, в то время как зиммии платили налоги и являлись производителями [195, 85]. Кроме того, земли покоренных стран составили основной фонд хараджных земель. «Харадж был не только главным источником государственных доходов, но одним из тех каналов, по которым проходил дальнейший рост феодальных отношений» [177, 179-180]. Система военных жалований (*ата*) также зависела от поступлений с хараджных земель [170, 76; 181, 109]. Хараджем облагались лишь обрабатываемые земли, поэтому особо стимулировалось культивирование невозделанных земель, что одновременно увеличило бы финансовые поступления в *бейт ал-мал* [271, 1036; 116, 31].

На территории всего Арабского халифата не существовало унифицированной системы взимания хараджа. Ставка хараджа варьировалась в зависимости от характера захвата и географического положения определенной области, метода ирригации, вида землевладения, типа возделывания, вида выращиваемых культур, количества урожая и рыночной стоимости [272, 31-32; 214, 1031; 181, 110; 271, 1035]. В целом, как отмечает Э.Лэмбтон, решающим фактором часто выступали местные

традиции, поэтому от области к области в системе налогообложения хараджных земель существовали различия [271, 1035].

Э.Лэмбтон утверждает, что существование коллективной организации в структуре деревень было свойственно раннему периоду арабского господства на территориях, ранее подчинявшихся Сасанидской империи, исходя из чего исследователь свидетельствует о коллективном взимании налогов арабской администрацией в Азербайджане [272, 3-4]. В отечественной историографии данный факт нашел свое отражение в исследовании академика З.М.Буниятова [81, 116-117]. Как отмечают Э.Лэмбтон и А.Триттон, если отдельное лицо было не в состоянии выплатить оговоренную сумму или в случае обращения зиммиев в ислам и ухода их в города ввиду существующей коллективной ответственности за выплату налогов, недостача перекладывалась на плечи остальных плательщиков [272, 41; 336, 136]. Данная практика была официально узаконена на налоговой реформой Умара II (717-720) [259, 270; 270, 8].

На раннем этапе господства Арабского халифата по причине единичных случаев принятия ислама государственная казна не претерпела существенных убытков. Однако, как отмечает Т.Арнольд, по мере отягощения налогового бремени соблазн освободить себя от страданий словами «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – его пророк» становился все более непреодолимым, и количество неофитов увеличивалось пропорционально ухудшению экономического состояния покоренных народов [188, 68-69]. Со временем массовый переход в ислам покоренных народов и процесс концентрации хараджных земель в руках арабской знати значительно сократили государственные доходы [323, 91; 336, 10; 256, 77; 237, 78], ибо харадж и джизья, выплачиваемые немусульманами, являлись основным источником пополнения казны халифата [279, 57; 336, 2; 181, 114; 237, 78]. В ответ на это государство стало препятствовать принятию местным населением ислама [311, 81] и взимать джизью с мусульман-неарабов, что шло наперекор кораническому предписанию относительно взимания джизьи

лишь с немусульман, свидетельством чему являются «драконовские» меры наместника Ирака Хаджжаджа. Сокращение хараджных земель было вызвано также тем, что непосильное налоговое бремя приводило к разорению местных землевладельцев, которые были вынуждены сдавать свои земельные участки, а иногда и целые деревни, как в случае с Азербайджаном, под патронаж арабским племенам [80, 24].

Впоследствии именно заботой о финансовом благосостоянии Арабского халифата и был вызван указ халифа Умара ибн Абд ал-Азиза, известного своим пуританским образом жизни, о запрете передавать хараджные земли в руки мусульман начиная с 719 г. (100 г. хиджры). Отныне мусульмане могли лишь арендовать такие земли на условии выплаты хараджа [279, 80; 259, 270; 246, 7; 152, 121-122]. Отметим, что данный закон повторял принцип Умара I, согласно которому мусульманам-арабам надлежало составить отдельное привилегированное сообщество, содержащееся за счет налогов, выплачиваемых зиммиями [259, 271]. Как отмечает Р.Хойланд, только при Умаре II была предпринята попытка установить налоговую систему, основанную на четком различии между мусульманами и немусульманами [261, 340; подробнее см.: 246].

Дж.Глабб высказал интересную точку зрения о том, что для халифов «...проблема сводилась к одному частному вопросу: должны мусульмане-неарабы платить такие же налоги, как арабы, или нет?» [101, 248]. Однако арабская администрация не осознавала необходимости реформирования всей примитивной налоговой системы. Даже попытки халифа Умара II следовать кораническим предписаниям в отношении налогов были сразу после его смерти сведены на нет [269, 107].

В ранние века установления арабского господства в покоренных странах ставка хараджа определялась *имамом* (глава исламского сообщества) в зависимости от плодородности земли, налогооблагаемой возможности как самой земли, так и плательщиков хараджа [272, 32; 271, 1037]. Как правило, харадж взимался согласно площади земли (*масаха*), долей уро-

жая (*мугасама*) или на основе единовременной выплаты оговоренной суммы (*мугата'а*). Методы масаха и мугасама не являлись нововведениями халифата, они существовали еще при Сасанидах [177, 179].

Метод масаха зависел от площади земли. Данный вид хараджа взимался деньгами, иногда и натурой. Согласно традиции «нет хараджа с земли, находящейся в плохом состоянии», обычно учитывалась только засеянная земля. Сады, виноградники, финиковые рощи также были обложены налогом в зависимости от размера засеянной земли; причем, учитывалось количество и возраст деревьев на земле, метод ирригации, качество земли. Так, метод масаха в целом был связан не столько с площадью земли, сколько с производством. В отличие от метода мугасама, он не варьировался в зависимости от того, выдался ли урожайный год удачным или нет. Следовательно, в областях с непостоянным климатом данный вид хараджа был невыгоден налогоплательщику. Если ранее при Омейядах харадж взимался деньгами с площади земли (масаха), то при халифе Махди (775-785) харадж взимался долей урожая (мугасама) [181, 151-152]. Налоговые ставки с единицы площади (*джариб*) в зависимости от вида сельскохозяйственных культур были определены в следующем порядке: с финиковых пальм – 10, с виноградников – 10, с сахарного тростника – 6, с пшеницы – 4, с ячменя – 2 дирхема [170, 39]. Изучая систему земельного налогообложения периода арабского господства на землях бывшей Сасанидской империи, включая земли Азербайджана, Э.Лэмбтон пришла к выводу о ее заимствовании арабами у Сасанидов [272, 32], ибо регламентация хараджа в зависимости от вида сельскохозяйственных культур и размеры ставок эпохи Сасанидов явились эталоном для фискальной политики арабской администрации на местах [см.: 132, 195].

Метод мугата'а стал широко применяться с распространением икты в X в., что в результате привело к потере государством прямого контроля над землями. При данном методе харадж представлял собой единовременную выплату деньгами

или натурой, также он не варьировался в зависимости от засеянной площади земли или доли урожая [271, 1037-1038].

Налоги, о которых речь шла выше, было принято взимать лишь исключительно с зиммиев. Мусульмане же, в том числе и неофиты из среды покоренного населения Азербайджана и Аррана, платили такие коранические налоги, как хумс, закят и садага.

Хумс составлял 1/5 военной добычи, захваченной мусульманскими воинами. Причислялся хумс пророку с его родственниками, сиротам, бедным и путникам [133, 157]. Хумсом также облагались сверхприбыль, законные доходы, руды и полезные ископаемые, сокровища, выловленные из моря, и драгоценности [170, 17-18; 181, 114].

Закят, один из столпов ислама, являлся обязательным годовым налогом в пользу «...только бедных, нищих, работающих над этим, – тем, у кого сердца привлечены, на выкуп рабов, должникам, на пути Аллаха, путникам...» [133, 167; также см.: 389, 49-50]. Закят буквально переводится как «очищение», а в кораническом контексте как «подаяние» [389, 46; 196, 397]. Поэтому, как отмечает Р.Пауэлл, закят представляет собою определенное проявление обязательства содержать хозяйство в продуктивном состоянии и распределять его часть другим во имя общего блага. Механизм этой системы заложен в самом Коране [389, 46]. Важным условием выплаты закята было наличие имущества в течение года, соответствующего *нисабу* (имущественный ценз). Закят было принято выплачивать со скота, с серебра и золота, с найденного клада, с посевов и плодов, с торговых товаров в установленном количестве.

Если выплата закята носила непременный характер, то садага представляла собой добровольную милостыню, направленную на благо неимущих мусульман.

Еще одним налогом, введенным халифом Умаром I, был *ушур*. Как свидетельствуют А.Ал-Ашкер и Р.Уилсон, налог ушур был эквивалентен налогу, взимаемому иностранными государствами с мусульманских купцов при пересечении их

границ [181, 112]. С купцов, прибывающих из-за пределов Арабского халифата (*дар аль-харб*), взималось 10% стоимости их товаров, с купцов-зиммиев – 5%, а с купцов-мусульман – 2,5%, причем, пороговой величиной являлись 200 дирхемов (20 мискалей) [336, 218; 181, 112-113; 310, 918].

Одним из налогов, взимавшихся с мусульманских землевладельцев, хотя о нем не упоминается в самом Коране, был поземельный налог – *ушр*. Согласно А.Ал-Ашкеру и Р.Уилсону, ушр следует отличать от ушура. Если ушр взимался с земли, то ушуром облагались коммерческие товары. Под ушром подразумевалась 1/10 часть зерновых и фруктовых деревьев [181, 177]. В зависимости от вида ирригации ставка ушра варьировалась. С земель, орошаемых естественным образом, взималась 1/10 урожая, а с тех, что искусственно, – 1/5 урожая [310, 918; 181, 177]. Т.Сато сообщает интересные сведения о возникновении данного налога. Так, как утверждает исследователь, ушр не являлся исламским нововведением. Еще задолго до появления ислама в Южной Аравии, в период *Джахилий-йа*, практиковалась добровольная отдача десятины урожая или скота в честь божества или царя. Т.Сато сообщает, что ушр отличался от хараджа – поземельного налога, взимаемого с землевладельцев-немусульман. Отметим, что ввиду непоследовательности исламского фикха в вопросе определения, кто и какие именно земли должны были облагаться ушром, мнения англоязычных исследователей также разнятся в этом вопросе. Так, если Т.Сато, ссылаясь на известного исламского факиха VIII в. Абу Юсуфа, твердо уверен, что ушром облагались лишь земли, собственниками которых являлись сами мусульмане [310, 917-918], то А.Ал-Ашкер и Р.Уилсон, наоборот, выделяют 4 категории объекта ушра: 1) земли мусульман; 2) земли «людей Писания» в Аравии; 3) земли катая; 4) возрожденные земли [181, 185-189].

Помимо вышеперечисленных налогов в источниках есть сведения о том, что в Азербайджане в период правления Йазид-а в Ширване были обложены налогом также нефтяные источ-

ники и соляные промыслы [116, 20]. Ежедневная арендная плата нефтяных источников в Баку составляла тысячу дирхемов [94, 36]. В период правления халифа ал-Мутамида (870-892) нефтяные и соляные промыслы были отделены от владения Ширвана и переданы в качестве вакфа бедному населению Дербента [346].

Трудящееся население покоренных арабами стран, будь то в период Омейядов, то Аббасидов, постоянно испытывало на себе непосильное податное давление. Особенно тяжелым было положение населения Аррана, т.к. в силу исторических причин, в отличие от Азербайджана, выплачивавшего налоги лишь Арабскому халифату, оно должно было выплачивать налоги сразу и арабам, и Византии, и хазарам вплоть до упразднения власти династии Михранидов арабами в 705 г. [198, 521; 117, 253; 45, 32]. В период правления халифа Абд ал-Малика (685-705) для увеличения государственных поступлений и пристального контроля над ними был проведен ряд мероприятий: чеканка монет с арабскими надписями, внедрение арабского языка в канцелярское делопроизводство, создание почтового ведомства – *барид*, глава которого регулярно сообщал центру цены предметов налогообложения [80, 25; 169, 98-99]. Согласно Х.Кеннеди, над фискальным ведомством установился полный контроль арабской администрации [269, 99]. Согласно же М.Ходжсону, в период правления Абд ал-Малика чрезвычайно строгий контроль налогообложения с целью максимально извлечь прибыль привел к недовольству крестьянских масс и возобновил продолжительный земледельческий конфликт между производителями и их эксплуататорами [259, 243].

В период правления Хишама (724-743) социально-экономическое положение населения Азербайджана ухудшилось. В 725/6 г., несмотря на падеж скота и сильный голод [117, 261; 122, 71], по его приказу в странах Южного Кавказа была проведена всеобщая перепись населения, земли, скота. К концу Омейядского правления из-за податного пресса ситуация в Азербайджане столь осложнилась, что крестьяне, покидая свои

земли превращались в *судуков* – безземельных крестьян [10, 244; 80, 24]. Приход Аббасидской династии к власти ничуть не улучшил положение. Экономическая ситуация в Арране усугубилась с перенесением резиденции арабского наместничества в Барду в 752 г. [117, 265]. При халифе «отце денег» ал-Мансуре (754-775) налогообложение на Южном Кавказе приняло характер открытого грабежа местного населения [122, 89-90]. Налоговый гнет в Азербайджане достиг своего пика в период правления Харуна ар-Рашида (786-809). Неслучайно именно для него и было составлено Абу Йусуфом «руководство» по взиманию податей «Китаб ал-харадж». Особенно в тяжелом положении при Харуне оказались христиане, которые ввиду непосильных налогов переселялись в города, оставляя свои дома, переходившие впоследствии в руки арабов [336, 211]. А.Ал-Ашкер и Р.Уилсон провели интересное исследование и пришли к выводу, что государственные доходы со времен третьего праведного халифа Османа (644-656), когда халифат был на пике процветания, до периода правления Харуна, при котором Аббасидский халифат достиг «золотого века», поразительно увеличились: за период с 650 по 796 гг. государственные доходы возросли с 200,402 тыс. до 530,312 тыс. дирхемов [181, 158]. Однако ввиду усилившейся тенденции местных правителей к сепаратизму со временем налоговые поступления шли уже не в бейт ал-мал, а напрямую в казну местных правителей, как и в случае с Азербайджаном [подробнее см.: 295, 519-520].

А.Триттон считает, что методы взыскания налогов были не так суровы, как могли бы быть. Ссылаясь на то, что в сборниках часто встречаются жалобы о задержках оплаты налогов, исследователь предположил, что подчиненные народы пользовались значительной свободой при оплате налогов [336, 221]. Но позволим себе не согласиться с данным утверждением, ибо в халифате, вся деятельность которого напрямую зиждилась на налоговых поступлениях с покоренных народов, не могло быть и речи о «свободе» в налогообложении, явным доказательством чему является труд Абу Йусуфа «Китаб ал-Ха-

радж», полный свидетельств о жестокой налоговой политике Арабского халифата, о бесчеловечии, чинимом сборщиками налогов над должниками. Махинации при пересчете ставок налоговых сумм из дирхемов в динары и обратно, взяточничество, вымогательство, казнокрадство являлись доказательствами неограниченного произвола при податной эксплуатации местного населения со стороны халифских наместников [208, 233; 271, 1039; 272, 40-41]. Отметим, что Э.Лэмбтон считает, что одной из главных причин частых случаев передачи землевладельцами своих земель халифу под патронаж являлось именно стремление защититься от беззакония сборщиков налогов [272, 25-26]. Из-за несоответствия официального календаря Арабского халифата (известно, что летоисчисление велось по лунному календарю хиджры) взиманию поземельного налога по солнечному календарю, что практиковалось еще со времен Сасанидской империи, на завоеванных территориях сборщики налогов часто умудрялись собирать харадж дважды в год [74, 224; 336, 226-227; 272, 41]. Кроме того, взималось и немало незаконных податей и сборов, среди которых можно назвать пережитки налоговой системы Сасанидских времен, в частности, подарки по случаю двух главных годовых праздников – Новруза и Михрджана [336, 228; 272, 47; 73, 522].

Откупная система, являвшаяся одной из главных форм податной эксплуатации производителей, также нанесла немало вреда местным землевладельцам. Основа откупной системы была заложена в период правления третьего халифа Османа (644-656), позволившего отдать поземельный сбор целых провинций на откуп, что в дальнейшем, как отмечают А.Ал-Ашкер и Р.Уилсон, привело к возникновению «исламского феодализма» [181, 118-119]. Хотя откупная система значительно увеличила доходы казны (только за 11-летний период правления халифа Османа сумма государственных поступлений возросла от 4-9 млн. до 50 млн. дирхемов [181, 119]), разорение земледельцев и усиление податного пресса было неизбежно [178, 42]. Так, приведенные факты наглядно демонстриру-

ют, что покоренные арабами народы, независимо от того, приняли ли они ислам или все еще являются зиммиями, стали объектом «машин по выколачиванию денег».

Итак, изучив налоговую политику арабов в Азербайджане на основе материалов англоязычной историографии, становится очевидным, что Арабский халифат в Азербайджане, впрочем, как и в остальных областях халифата, перенял практику налогообложения предшествующих режимов. Однако подробное описание системы раскладки и сбора налогов вызывает трудности ввиду отсутствия унифицированной системы взимания, практики кадастризации, а также терминологической неточности налогов в самих источниках. Система налогообложения в Азербайджане ничем не отличалась от той же в остальных провинциях. По этой причине в случаях отсутствия богатого материала по Азербайджану приходилось «проецировать» налоговую систему одной провинции на ту же в Азербайджане. Существенную проблему представляет и отсутствие налоговой документации халифата по каждой провинции вплоть до начала IX в. Хотя в арабских источниках, на которые опирались англоязычные исследователи, много сведений о взимавшихся даях и размерах индивидуального обложения, все они довольно противоречивы. Основная причина этого кроется в том, что арабы, заключая договора с покоренными народами, диктовали лишь суммы выплат и объем продуктовых поставок, не вмешиваясь в их сбор и не предписывая способов раскладки на налогоплательщиков [77, 139]. В целом, англоязычная научная литература позволяет определить характер и проследить динамику податного обложения арабской администрации в Азербайджане.

2.3. Переселение арабских племен в Азербайджан. Изменения в общественно-правовом и этноконфессиональном составе местного населения

Завоевание Азербайджана арабами в I половине VII в. повлекло за собой последующие изменения как в этнополитиче-

ской истории, научно-культурной сфере [подробнее о распространении исламской культуры на Кавказе см.: 32, 103-150], общественно-правовом статусе, так и в религиозно-духовной жизни местного населения. Укрепление власти халифата на захваченных территориях являлось необходимым шагом. В этом плане первостепенная роль отводилась переселенческой политике. Однако арабская администрация преследовала и другую немаловажную цель в переселении арабских племен на недавно приобретенные земли. Как известно, политическая консолидация различных племен, приведшая к созданию Арабского государства, продолжалась на протяжении всего периода начальных захватов. Однако «головной болью» руководящей арабской элиты так и остались кочевые племена, традиционно плохо поддававшиеся контролю [229, 251-252]. Так, помимо общераспространенного мнения о стратегической и миссионерской целях переселенческой политики Арабского халифата, одной из основных задач руководящей элиты было не дать молодому государству распасться в результате вечной межплеменной розни [130, 84-85]. Выход из этой ситуации она видела в переселении кочевых племен на новые территории, поселении их в городах-гарнизонах, наделении их землями, трансформировании их кочевого образа жизни в оседлый, зачислении их в ряды исламской армии и выдаче им стипендий (*ama*) [229, 265-266; 269, 68]. Как указывает Э.Дэниел, целью центрального правительства в переселении кочевых племен на новые места было натравить их друг на друга [224, 212], тем самым отвлечь их внимание от себя. Сведения Х.Кеннеди и Э.Дэниела о том, что среди переселенцев имелись и такие заядлые враги руководящей арабской элиты, как ал-Ашас ибн Гейс, один из главных врагов халифа Абу Бекра в период войн вероотступничества, которому было поручено управление Азербайджаном, и политические диссиденты с семьями, в частности хариджиты из Джазиры, доказывает то, что Азербайджан служил своего рода местом «ссылки» недоброжелателей центрального правительства [224, 212; 269, 73].

Э.Дэниел отмечает, что прибежищем для хариджитов служил Бейлаган [224, 212]. Это обстоятельство проливает свет на истоки хариджитского движения в Азербайджане, активизировавшегося во II половине VIII – I половине IX вв. [подробнее об этом см.: 199, 227; 224, 212; 197, 358].

Первоначально ввиду шаткости положения арабских завоевателей в Азербайджане речи о колонизации не было. Как утверждает Х.Кеннеди, заселение земель Азербайджана арабскими племенами на постоянной основе происходило постепенно [269, 71]. Как известно, до полного подчинения арабы на новых завоеванных местах оставляли лишь небольшие гарнизоны, а основная часть войск продолжала продвижение дальше [см.: 111, 6; 81, 170; 45, 38-39]. Э.Дэниел отмечает, что после битвы при Нихавенде (642) куфинские отряды рассыпались по всему Азербайджану. Продвигаясь далее в другие кавказские области, позади они оставляли небольшие колонии из своих вооруженных сил, а также несколько сотен чиновников налогового ведомства [224, 211-212]. Так, к примеру, М.Морони, ссылаясь на Табари, сообщает, что, начиная с 645-646 гг. куфинские отряды под командованием ал-Валида ибн Укбы участвовали в военных походах на две пограничные области Рей и Азербайджан. В Куфе находилось 40 тыс. воинов, из них 4 тыс. были сосредоточены в Рее, а 6 тыс. – в Азербайджане [301, 207]. Отметим, что из дислоцированного в Куфе 40-тысячного военного гарнизона ежегодно в походах на упомянутые области принимали участие лишь 10 тыс. воинов. По прошествии четырех лет участия в военных походах каждое соединение арабских войск возвращалось на родину, сменяясь новым соединением [81, 170; 31, 84]. Следовательно, поначалу процесс поселения арабских военных в Азербайджане не носил перманентного характера. В подтверждение этому М.Морони указывает, что лишь после усмирения Азербайджана ал-Ашас ибн Гейсом в Ардебиле был основан мусульманский гарнизон и сооружена мечеть [301, 207]. Следовательно, процесс переселения арабов и колонизации

покоренных стран начался лишь после окончательного завоевания и упрочения арабской власти на местах [81, 170].

Процесс заселения Азербайджана арабами находился в прямой зависимости от арабо-хазарских войн, длившихся на протяжении 642-799 гг. Первое переселение арабских племен в Азербайджан имело место в период правления халифа Османа (644-656), интенсивный же характер процесс переселения принял при халифе Али (656-661) [102, 133]. Тем не менее, как отмечает К.Босворт, в период Омейядов Азербайджан был негусто заселен и скорее являлся прифронтовой зоной [199, 226]. В результате второй арабо-хазарской войны (722-737), когда на пике экспансии хазарская армия, разгромив арабскую под предводительством Джарраха ибн Абдаллаха ал-Хаками в битве при Ардебиле (730), сумела проникнуть далеко вглубь владений халифата, достигнув Диярбекира и Джазиры [236, 69-73, 76; 197, 358; 199, 226; 238, 625; 79, 167; 31, 20-22; 384], Арабский халифат осознал необходимость укрепления своих позиций в Азербайджане и активизировал переселенческий процесс. Но уже в период правления халифа Харуна ар-Рашида (786-809) приток переселенцев в Азербайджан резко сократился [81, 176; 102, 135]. Информация о последнем переселении арабских племен относится ко времени правления халифа Мамуна (809-819), назначившего сына Йазида аш-Шайбани Халида правителем Аррана. Халид переселил с собой в Азербайджан рабиитов, осевших в районе Барды [81, 176; 96, 402]. Данный факт можно связать с тем, что последний крупный конфликт между арабами и хазарами был в 799/800 г., следовательно, мощь хазарской экспансии ослабла к этому времени [234, 835]. Значительную роль в приостановлении иммиграции арабских племен на Южный Кавказ сыграло также начавшееся при халифе Харуне ар-Рашиде и достигшее своего зенита при халифе Мамуне освободительное движение хуррамитов под предводительством Бабека, перетянувшее на себя все внимание арабской администрации [111, 13; 81, 176]. Хотя разгром Бабека не увенчался массовым поселением здесь

арабов, однако, согласно Х.Кеннеди, наличие арабского гарнизона по всей вероятности имело место быть, ибо ал-Афшин, вынужденный покинуть область ввиду анархии в Самаре, оставил здесь войска и поручил управление провинцией призванному из Усрушаны Абу Саджу Дивдаду [269, 253]. Кроме того, в источниках содержатся сведения о заселении арабами Базза – оплота Бабека [125, 59].

В Азербайджане селились как северные, так и южные племена. Установлено, что до воцарения династии Аббасидов переселялись главным образом северные племена – низариты племен раба и мудар [81, 171], очевидно, неслучайно, т.к. именно они являлись основной социальной опорой Омейядов в тот период, а Арран ввиду постоянных набегов хазар был подвержен опасности больше, чем Южный Азербайджан, и в любой момент мог выйти из-под власти халифата. Рабииты обосновались в Барде, Шеки и Ширване [93, 50]. Однако после прихода к власти династии Аббасидов ситуация изменилась. Последние в надежде предотвратить появление центробежных сил и ослабления своей власти отдавали предпочтение заселению азербайджанских земель своими сторонниками – арабскими колонистами из Басры. Уже при первом аббасидском правителе Азербайджана Йазиде ибн Хатиме ал-Мухаллаби были переселены южные племена – йемениты, составлявшие опору династии [322, 278]. В Тебризе осели раввадиты, в Майанидже – хамданиты, в Урмии – аздиты, в Барзе – авдиты, в Наризе – таиты, в Сарате (Сарабе) – киндиты [199, 226; 93, 50; 31, 124-125; 322, 227]. Попытки Аббасидов отправить прежних переселенцев обратно на родину неизбежно приводили к столкновению [подробнее см.: 111, 9; 81, 173-176]. Э.Дэниел утверждает, что в то время, пока эта политика Аббасидов не была успешна, неудивительно, что последние придавали особое значение развитию пасторализма в современном Северо-Западном Иране (т.е. в Азербайджане – Л.К.) [224, 212].

Тот факт, что дислоцированные в Дербенте сирийцы не были выселены, в результате чего Дербент отложился от хали-

фата и на его территории был создан независимый эмират Суламидов [111, 10-11], подтверждает правильность и необходимость смещения сторонников Омейядов аббасидскими. Б.Льюис отмечает, что в раннеисламский период самые опасные конфликты, представлявшие угрозу стабильности Арабского государства и сплоченности исламского сообщества, возникали не из различий между арабами и неарабами, мусульманами и немусульманами, а из вражды между арабами и арабами – между племенами северо- и южноаравийского происхождения, теми, кто пришел раньше и позже [280, 60]. «Со временем северный Азербайджан стал «Омейядским», а южный – «Аббасидским», а возникающие проблемы стали решаться при помощи оружия» [102, 136]. Даже после поселения на новых захваченных землях старая вражда между арабскими племенами не угасла [237, 85; 81, 175].

Процесс заселения арабами Южного Азербайджана по характеру отличался от заселения Аррана. Арабская администрация придавала большое значение стратегическому расположению и религиозному составу населения мест, куда планировалось переселять арабские племена [102, 135]. Следовательно, в стратегическом отношении Арран представлял для халифата большой интерес, ибо с севера Арран на протяжении почти полуторавековых арабо-хазарских войн постоянно подвергался набегам хазар – злейших врагов Арабского халифата. Поэтому обеспечить безопасность северных рубежей являлось неременной задачей Арабского халифата [198, 521]. Отметим, что еще при Сасанидах на пограничной линии были основаны военные поселения из стражников разных народностей [167, 284; 93, 51; 124, 15; 148, 11]. Арабы же, следуя примеру своих предшественников, продолжили данную традицию. Неслучайно, что после завоевания Дербента полководцем Масламой ибн Абд ал-Маликом только здесь были размещены арабские войска численностью в 24 тыс. человек [66, 57; 322, 227]. На горах Баб-ал-Абваба находилось четырнадцать крепостей с переселенцами из Мосула, Дияр-Раbia и Сирии, ос-

новой задачей которых было не допустить хазар в исламские земли [124, 31]. В период правления в Дербенте Йазида ибн Усайда, чтоб обезопаситься от хазар, были восстановлены многие укрепления, в деревнях были поселены 7 тыс. семейств из Сирии, Аравии и Мосула [66, 57-58].

Так, во всех стратегически важных городах и главных пограничных пунктах Аррана арабы создали укрепленные военные поселения с гарнизонами. Бейлаган, Шамкир, Габала и Барда использовались в качестве опорных пунктов для набегов на хазарские земли [239, 660; 198, 521; 322, 227; 357; 358; 203, 60; 48, 394]. Особая роль, как утверждает К.Босворт, отводилась Барде как бастиону ислама [198, 521]. Согласно Д.Данлопу, ввиду того, что еще со времен Сасанидов, а позже и арабов, Барда являлась приграничной крепостью и отражала вторжения врагов как с севера, так и с запада, захват Барды символизировал собой начало арабского господства в данном регионе [235, 1041]. Арабы не только заселяли стратегически важные города и населенные пункты Аррана, но и создавали новые. К примеру, Мерваном ибн Мухаммедом был сооружен город Касал (Казах) [9, 70], а Мухаммедом ибн Халидом был основан город Гянджа, заселенный арабами из Диярбекира. С падением Аббасидского халифата Гянджа превратилась в главный город Аррана вместо Барды в период Омейядов [360; 83, 175]. Также был отстроен город Шамкир, названный Мутаваккилия в честь халифа Мутаваккиля [148, 19].

Результатом переселенческой политики халифата стало заселение арабскими племенами таких городов и стратегических пунктов, в основном на торговых путях, как Ардебиль, Тебриз, Марага, Урмия, Сарат, Мийана, Варсан, Маранд, Барда, Шамахи, Ширван, Бейлаган, Габала, Дербент и др. [45, 51; 93, 50; 224, 212; 102, 133; 297, 499; 292, 190].

Миграция арабского населения целыми племенами привела к возникновению многочисленных арабских кварталов в городах на захваченных территориях. «Эмиграция арабов в завоеванные области выражалась, во-первых, в устройстве воен-

ных лагерей, где жили наместники халифа, во-вторых, в захвате определенных территорий бедуинскими племенами. Лагери быстро становились центрами городской жизни, местами, где по преимуществу вырабатывался тип общемусульманской культуры...» [71, 233-234]. Если учесть, что, согласно Дж.Хоутингу, основным принципом государства, образовавшегося в результате завоеваний, было отделение арабов от неарабов [256, 4], то желание Умара I – инициатора переселенческой политики – поселять арабских переселенцев не в больших городах, а изолированно в специально создававшихся городах-гарнизонах (*рабатах*), становится ясным [195, 60; 187, 31]. Арабская родоплеменная организация предохраняла свой народ от смешения с покоренным населением [169, 50], ибо численное превосходство последних могло «растворить» арабов в своей массе. Как утверждает Э.Лэмбтон, мусульмане и немусульмане постоянно оставались обособленными, даже если немусульманские сообщества географически совпадали с *дар уль-ислам*. В частности, на территориях бывшей Сасанидской империи, включая Азербайджан, вскоре после установления арабского господства возникла дихотомия между арабами и *аджам*¹, которая превзошла даже разграничение между мусульманами и немусульманами [270, 5-6]. Кроме того, согласно Х.Кеннеди, изоляция мусульманских гарнизонов препятствовала влиянию местных верований на недавно обращенных мусульман [269, 68]. Таким образом, как отмечает К.Армстронг, города-гарнизоны превратились в арабские анклавные на чужой земле, где были сохранены арабские традиции и придерживались коранические принципы [187, 31]. Так, согласно М.Ходжсону, арабизм был сохранен в новой форме [259, 245]. Содержание арабских гарнизонов легло на плечи местного населения Азербайджана. Данный принцип был заложен в свое время халифом Умаром I [195, 60]. В рабатах были размещены

¹ В данном случае под арабским словом «аджам» подразумевается неарабская часть населения покоренных арабами стран.

главным образом *мутатавви* – войска, не получавшие халифского жалования [83, 173-174]. Следовательно, обеспечение их всем необходимым для проживания являлось заботой местного населения. Более того, арабские переселенцы обеспечивались землями нередко за счет насильственной экспроприации земельных владений местного населения. Э.Дэниел отмечает, что помимо «официальной» формы колонизации существовала и «несанкционированная». Так, малоземельные арабские племена, мнимые богатством, плодородием и благоприятным климатом азербайджанских земель, с особым рвением переселялись в Азербайджан в надежде приобрести земельную собственность [224, 212; также см.: 394]. Одним из распространенных мнений о движущей силе переселения арабских племен на новые земли была именно перенаселенность Аравийской пустыни [280, 58]. По свидетельству ал-Балазури, «когда арабы поселились в Азербайджане, их родственники устремились к ним из Куфы, Басры и Сирии. Каждый из них захватил <земли> столько, сколько он смог, часть из них купили у неаравов их земли, деревни вступили в покровительство этих арабов с тем, чтобы они их защищали, и жители этих деревень стали издольщиками арабов» [170, 103-104]. Наделение прибывших арабских племен земельными участками, пригодными для ведения оседлого хозяйства, позволило халифату приостановить выплаты переселенцам казенных стипендий, тем самым, в лице переселенцев халифат создал себе социальную опору в завоеванной стране [102, 135; 111, 7; 81, 171].

Однако в дальнейшем результатом приобретения земельной собственности и перехода земель местного населения в руки арабов Э.Дэниел считает появление фактически автономных малых династий, основанных арабскими колонистами, к примеру, Раввадом ал-Азди в Тебризе, Абу Дулафом ал-Шайбани в Нахчеване, Баитом ибн Халбасом ал-Рабай в Маранде [224, 212].

Так, арабские «колонии» – опора Арабского халифата в Азербайджане – превратились в «...источник бедствий для народа» [83, 174].

Таким образом, в результате арабских завоеваний и последовавшим за ними процессом переселения арабских племен Азербайджан стал непосредственной частью арабо-мусульманской культуры, определившей путь дальнейшего развития азербайджанского народа. Многовековое арабское господство отразилось на социально-экономической, идеологической и культурной сферах общества.

Наряду с укреплением власти халифата в данном регионе, защитой границ, подавлением возможных выступлений местного населения против халифата, обеспечением сбора налогов [83, 174], одной из целей переселения арабских племен на новые территории было распространение ислама, ибо отличительной особенностью ислама было то, что «...ислам первоначально не знал индивидуального миссионерства и распространялся только путем завоеваний; границы мусульманских завоеваний совпадали с границами распространения ислама» [70, 45]. Следовательно, переселение арабов-мусульман на новые земли отвечало интересам арабской администрации. Однако следует непременно отметить, что исходя из прагматических мотивов, о которых будет повествоваться далее, исламизация не носила насильственного характера. «Тем не менее, – как утверждает Х.Кеннеди, – завоевание было прелюдией к обращению. Оно установило политические и социальные рамки, в которых происходил куда более медленный процесс перехода к исламу» [130, 457]. Известно, что поселив арабов в Азербайджане, ал-Ашас ибн Гейс приказал им призывать жителей к исламу [81, 171; 170, 103; 31, 122-123]. С целью исламизации покоренных народов в каждом городе-гарнизоне создавались мечети. К примеру, в одном лишь Дербенте для переселенцев было сооружено семь квартальных мечетей и одна соборная Джума-мечеть [346; 66, 55]. «...Центрами новой религии становились в первую очередь те области, в которых размещались арабские гарнизоны» [102, 135]. Так, согласно К.Босворту, наряду с переселением началась и исламизация Азербайджана [199, 226].

Освещение вопроса ассимиляции пришлых арабов с аборигенным населением Азербайджана является важным. Следует отметить, что арабы оставили свой след в этнокультурной истории азербайджанского народа. Вплоть до сегодняшнего дня на территории Азербайджана сохранились населенные пункты, в которых еще со времен переселенческой политики Арабского халифата осели арабские племена. Как известно, арабские переселенцы заняли в Азербайджане обширные территории. Однако возникает вопрос: почему же переселение не повлекло за собой дальнейшей арабизации местного населения Азербайджана? Фундаментальное изучение процесса формирования азербайджанского народа Г.А.Гейбуллаевым дает внятный ответ на данный вопрос. Согласно исследователю, преобладание местного населения в количественном соотношении над пришлыми арабами, сохранение ассимилируемыми родного языка, заключение браков по принципу конфессиональной общности значительно замедлило темп процесса ассимиляции азербайджанского народа арабами [96, 378-379].

На востоке халифата, в частности на территориях, ранее подвластных Сасанидам, местные народы сумели сохранить свою этническую самобытность [135, 20-21]. Так, в Азербайджане процесс ассимиляции не привел к арабизации местного населения. Пошел обратный процесс. По всей видимости, той силы, с которой происходили процессы аккультурации и конвергенции, не было достаточно для последующей ассимиляции арабами местного населения [21, 317-318]. Во-первых, одной из основных причин этого было то, что по отношению к аборигенному населению Азербайджана арабов в количественном соотношении было значительно меньше, причем, они были неравномерно рассеяны по всей территории Азербайджана. Согласно Э.Дэниелу, исключением в этом отношении был Дербент [224, 212]. Однако Д.Данлоп отрицает тот факт, что Дербент являлся «арабским» городом, за исключением названия города [234, 835]. Во-вторых, немаловажную роль сыграло сохранение местным населением своего языка. Сохранение же

в лагерях переселенцев арабского языка напрямую зависело от общей численности арабского элемента в данной области относительно прочего городского населения [71, 234]. Так, хотя после реформ халифа Абд ал-Малика во всех провинциях халифата, в том числе и в Азербайджане, канцелярским языком был арабский, со временем ставший среди различных этнических общностей халифата *lingua franca* [111, 14], источники свидетельствуют об использовании в Арране арранского (албанского) языка даже в IX – X вв. [124, 29; 68, 213; 71, 244; 81, 178; 137, 372; 9, 114]. Отметим, что К.Босворт предполагает, что язык аррани был иранской речью [199, 225], что в свою очередь не соответствует исторической действительности, ибо исторически территория Азербайджана (причем, как северные, так и южные земли) являлась местом обитания тюркских народов и испокон веков здесь преобладали тюркоязычные народы, а тюркский язык стал основным средством общения, сыграв объединяющую роль [23, 48; подробнее о языке азербайджанского населения в период Арабского халифата см.: 4]. В отечественной историографии научно доказано, что уже в VII – VIII вв. среди албан получил распространение тюркский язык, подтверждением чему являются тюркизмы, встречающиеся как в «Истории Албании» Моисея Каланкатуйского, так и в арабских источниках. С.Б.Ашурбейли, исходя из того, что слово «Аран» не использовалось в других восточных языках, кроме как древнетюркского, утверждает, что под арранским языком следует подразумевать именно возникший до X в. азербайджанский тюркский язык [65, 66-67].

В-третьих, даже несмотря на то, что арабы в 705 г. ликвидировали самостоятельность албанской церкви, подчинив ее армянской монофизитской церкви¹ [239, 660; 117, 239-245], и то, что к середине VIII в. ислам значительно укрепился в Арране, в некоторых западных областях население все еще исповедовало христианство (главным образом в горных местнос-

¹ Этот шаг был направлен на подрыв влияния Византии на Южном Кавказе.

тях) и зороастризм. Так, исследователи А.Триттон, К.Босворт и Т.Арнольд отмечают, что даже по прошествии трех веков после арабского завоевания как в Южном Азербайджане, так и в Арране (в основном в сельских и горных местностях [см.: 259, 308; 81, 90]) сохранилось большое количество зороастрийских храмов [336, 44; 188, 179; 356]. Отметим, что в горных районах Азербайджана арабы появились лишь 2-3 века спустя [130, 455]. Христианство в горных областях Аррана наблюдалось даже в X в. [70, 142; 137, 372; 357], что свидетельствует о том, что в Арране процесс исламизации был затяжным, чем в Южном Азербайджане. Тем не менее, массовый переход населения в ислам сократил число албанских епископств и монастырей [98, 55; 348]. Так, хотя средневековый автор Балазури утверждает, что при халифе Али (656-661) большинство населения Ардебилля приняло ислам и читало Коран [170, 103], окончательное укоренение ислама в Азербайджане произошло в XI в. при Сельджуках [183, 147]. Отметим, что ислам быстро распространился именно в тех областях Азербайджана, где население исповедовало *тенгрианство* (вера в бога тюрков – Танры), ибо, как известно, в некоторых западных областях Азербайджанской Албании, в частности, в горных местностях, сохранилось христианство, ибо по кораническим принципам арабские завоеватели обязаны были толерантно относиться к «людям Писания». К слову, именно в результате религиозного раскола страны (с одной стороны – тюрко-мусульманское население, составлявшее большинство страны, с другой – христианское население западных областей Албании, составлявшие меньшинство) начался период территориальных притязаний к Азербайджану со стороны армянских и грузинских феодалов, стремившихся сперва подчинить албан-христиан влиянию армянской и грузинской церквей, арменизировать и огрузинить, тем самым овладеть азербайджанскими землями.

Так, процесс арабизации азербайджанского населения не имел места быть. Наоборот, сами пришлые арабы ввиду выше-

указанных причин подверглись ассимиляции со стороны местного населения Азербайджана [183, 147]. Возможно, это произошло по причине культурной отсталости арабов [296, 183], а также «закрытого» образа жизни арабских переселенцев (особенно при Омейядах [см.: 135, 20]), размещенных в отдельных лагерях, недоступных для аборигенного населения. В лагерях арабы сохранили этническую и социо-культурную самобытность в «изолированном» состоянии. Неудивительно, что даже новообращенные мусульмане, несмотря на коранические принципы равенства всех мусульман независимо от происхождения, не были «ровней» мусульманам-арабам. Сохранялся строгий социальный барьер между арабами и неарабами, по крайней мере, до революционных изменений II в. хиджры; не поощрялись браки арабов с неарабами [280, 57].

Так, Х.Кеннеди утверждает, что уже к X в. в Мараге и Тебризе, некогда заселенных арабами, не осталось признаков арабского присутствия [269, 253]. К слову, К.Босворт сообщает об иранизации арабской династии Ширваншахов Йазидидов в Ширване [200, 469; 203, 60]. Однако позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, ибо исторически на территории Азербайджана преобладали именно тюркские племена. На протяжении IV – VIII вв. ряд тюркоязычных племен (гунны, савиры, тюркюты, хазары и др.) принимали активное участие в политической жизни Азербайджана, нередко и поселялись здесь, оставив явный отпечаток своего присутствия в процессе этногенеза азербайджанского народа [167; 164; 106; 76; 110; 58; 56; 5]. Отметим, что присутствие в местной топонимике тюркских элементов свидетельствует о преобладании тюркского элемента в данной области. К слову, именно на территории Азербайджана общей площадью в 60 км Хосров Анушираван расселил 50 тыс. плененных тюрков [65, 29; подробнее см.: 96; 61; 209, 229; 164, 76-91; 97, 129]. Уже к VI в. Ширван являлся одной из основных территорий расселения тюркских племен [65, 28-29], которые к IX – X вв., в период ослабления халифата в Ширване, стали играть главную роль, разговорный язык которых в дальнейшем

составил основу азербайджанского языка [171, 49, 51; 51, 178]. Следовательно, мнение англоязычных исследователей о том, что тюркизация Азербайджана началась лишь с приходом огузов в XI в. [например см.: 292, 190; 295, 504], ошибочно. Более того, арабский источник свидетельствует, что еще до арабского завоевания Азербайджан был тюркской землей [9, 57; 85, 5]. У.Аллен и Дж.Бучан также придерживаются данного мнения [185, 234; 209, 229]. Не исключено, что начавшийся процесс сближения между арабами и населением Азербайджана и Аррана был приостановлен вторжением Сельджуков и монголов [111, 16; 81, 178].

Уже к XIV в. арабы были ассимилированы тюркским населением Азербайджана, а частично и татами, в частности на северо-востоке [96, 402]. Родным языком арабских переселенцев считался тюркский с примесью арабских элементов [91, 46]. Тем не менее, свидетельством сохранения арабами определенной этнической самобытности являлись многочисленные населенные пункты в Азербайджане, в названиях которых присутствует этноним «араб», а также занятие верблюдоводством, свойственное жителям пустыни и чуждое коренному населению Азербайджана до переселения сюда арабов [91, 46; 96, 403; 150, 23-29].

Отметим, что так же как каждая медаль имеет две стороны, так и переселение арабских племен имело отрицательные последствия для судьбы халифата. Оно стало началом конца халифата, т.к. именно *мутагаллибы* – крупные феодалы из числа некогда осевших в Азербайджане арабских племен – стали стремиться к независимости от халифата [подробнее см.: 112, 178-179].

Как сообщает Б.Льюис, хотя период арабского политического и военного господства был очень короток, и халифат был вынужден уступить лидерство над созданной цивилизацией другим народам, но все же язык, религия и законы арабов надолго оставили свой след в политической и этнокультурной истории некогда покоренных ими народов [280, 58].

Переселение арабских племен сказалось как на религиозно-духовной жизни, так и на социально-правовом статусе населения Азербайджана. Так, с включением земель Азербайджана в состав Арабского халифата в I половине VII в. немусульманское население Азербайджана было причислено к разряду *зиммиев*, т.е. «людей договора», немусульманской части населения халифата. Как известно, среди населения Аррана были «люди Писания» (т.е. христиане и иудеи), а население Южного Азербайджана исповедовало зороастризм. Как сообщает Э.Лэмбтон, юридической основой взаимоотношений арабской администрации с покоренными народами являлись договора о защите и безопасности (*зимма*), заключенные между арабскими завоевателями и немусульманскими государствами, согласно которым покоренные народы обязывались повиноваться халифату и платить поземельную подать (*харадж*) и установленную для немусульман подушную подать (*джизья*), принимать на постой странствующих мусульман. Взамен арабы гарантировали им внутреннюю автономию, свободу вероисповедания, неприкосновенность личности и имущества [270, 5; также см.: 304, 84; 280, 210; 169, 101-102]. Как отмечает А.Триттон, по договору с Азербайджаном арабы обязались никого не убивать, не пленять, не разрушать храмы огня и предоставить народу Шиза свободу в отправлении религиозных обрядов [336, 44]. Этот факт свидетельствует о стратегической важности Азербайджана в борьбе халифата с Византией [81, 87-88].

Также за местной знатью, вскоре принявшей ислам ради сохранения своих прежних прав и привилегий, было признано право владения землей на условиях выплаты вышеуказанных податей. Отметим, что еще в начальный период арабских завоеваний халиф Абу Бекр (632-634) предписал арабским воинам относиться снисходительно к населению покоряемых стран [149, 139-140]. Так, можно констатировать, что широко распространенное мнение о том, что завоеванные арабами народы стояли перед выбором между исламом и мечом, не

соответствовало исторической действительности [208, 200-201].

Как ранее было отмечено, джизья взималась с мужчин-иноверцев раз в год соответственно их достатку. Наряду с детьми, женщинами, стариками, нищими, нетрудоспособной частью населения от джизьи были освобождены первоначально и монахи. Привилегии духовенству делались арабской администрацией для удержания населения в повиновении с помощью религии [81, 117]. Кроме того, исламизация покоренных народов не была главной целью халифата, по крайней мере, первоначально, ибо, согласно К.Ирвингу, несмотря на то, что боевым кличем арабских завоеваний были послания пророка Мухаммеда, в начале завоевания носили скорее военный характер, чем религиозный. Вторжения привели к установлению арабской власти, но не ислама [263, 98]. Э.Браун же утверждает, что пропаганда ислама превратилась в простые грабительские набеги, основной, если не единственной, целью которых был захват добычи [208, 232-233]. Мысль о прагматической цели, движущей арабскими завоеваниями, поддерживает и К.Армстронг [187, 29-30]. Как отмечает Б.Льюис, сначала ислам был арабской религией, а халифат – Арабским королевством, и лишь с VIII в. халифат постепенно трансформировался из «Арабского» в «Исламский», где вера была важнее происхождения, и ислам перестал быть «национальным культом» арабских завоевателей [279, 5-6]. Как повествует Ф.Хитти, арабы вторглись в страны как представители «национальной теократии». Арабизм, а не религия Мухаммеда, сперва одержал победу, и вплоть до II – III вв. хиджры народы Сирии, Месопотамии и Персии (в период арабских завоеваний земель Азербайджана последний входил в состав Сасанидской империи), не исповедовали ислам [258, 61]. Мнение Б.Льюиса о том, что во времена первых мусульман религиозная вера и политическая власть были неразрывно связаны: первая санкционировала вторую, а вторая поддерживала первую [278, 40], оправдывает «пассивность» арабской администрации в процессе

исламизации покоренных народов, по крайней мере, в I в. хиджры. Вероятно, что именно поэтому даже в последующие века *мавали* (новообращенные мусульмане), являвшиеся «инородным элементом» общества в понятии арабов, так и не сумели стать полноправными членами мусульманской уммы. Помимо вышеуказанных фактов для арабской администрации зиммии являлись источником обогащения государственной казны, ведь общеизвестно, что налоги с немусульман в первое время составляли основную часть доходов халифата [195, 84; 279, 57; 256, 37; 336, 2]. Поэтому арабская администрация была более заинтересована в финансовых поступлениях, нежели в обращении в ислам [298, 242]. Следовательно, установление арабского господства в Азербайджане не означало немедленной исламизации местного населения [подробнее см.: 220, 14-15].

Арабы оставили нетронутыми как социально-экономические отношения, так и административно-фискальный аппарат, и кроме ислама и своего языка ничего нового не привнесли [74, 141-142; 81, 90]. Управление населением выражалось главным образом во взимании налогов и подавлении вооруженных протестов местного населения. Так, религиозные общины зиммиев сохранили внутреннее самоуправление в гражданской и религиозной администрации и управлялись своими духовными главами [279, 57; 323, 89]. Но все же зиммии не избежали пренебрежительного отношения. Они не имели права владеть оружием, воздвигать новых религиозных сооружений, открыто проявлять свою религиозную принадлежность, свидетельствовать на суде против мусульман, ездить на лошади, жениться на мусульманке, служить в армии, занимать государственные посты, сидеть в присутствии мусульман. К ним применялись разные формы дискриминации, подчеркивающие их «второсортное» положение, особенно в период правления Умара II: запрет жить в домах выше одного этажа, обязанность носить отличительную одежду и свинцовую печать на шее. Унизителен был и сам процесс оплаты джизьи [280, 211; 195, 88-89; 259, 269; 336, 5-6; 100, 34-38; 169, 102; 250, 76].

Нередко единственным выходом из удручающего положения зиммии видели в принятии ислама, ибо, как указывают исследователи, налоги с мусульман были куда более легкими, нежели с немусульман [195, 85; 208, 233; 101, 246]. П.Кроун правильно подметила, что в хрониках редко встречается другой тип новообращенных в ислам [221, 52]. Как отмечает Т.Арнольд, число обращений в ислам увеличивалось пропорционально отягчению налогового бремени немусульман [188, 68-69]. Хотя от реформ Умара II, обязывающих неомусульман платить налоги в таком же размере, как мусульмане-арабы, казна и терпела убыток, но, согласно Дж.Глаббу, «...ислам от этого сильно выиграл» [101, 246-247]. Следовательно, со временем участвовавшие в принятии ислама покоренными народами представляло собою вынужденную меру, но никак не религиозное рвение. Согласно М.Ходжсону, ислам стал религией массы людей на волне «экономической экспансии» [259, 301]. В качестве ответной реакции арабская администрация стала препятствовать переходу зиммиев в ислам, примером чему являются меры правителя Ирака Хаджжаджа [256, 77]. Так, покоренные народы, даже те из них, кто принял ислам, так и остались в глазах арабов низшим слоем общества. Не зря У.Мьюир констатирует, что раса, язык, родовое происхождение и политические привилегии арабов играли первостепенную роль на протяжении многих поколений [302, 176].

Неомусульмане, приняв ислам, примыкали к определенному арабскому племени, переходя под его покровительство и становясь его «клиентами» - *мавали* [323, 90; 78, 177; 134, 195]. Но даже статус «мавали» не ставил новообращенных в равноправное положение с мусульманами-арабами, т.к. арабская родоплеменная аристократия, попирая принцип равенства всех мусульман независимо от происхождения, указанного в самом Коране [133, 423], предохраняла завоевателей от смешения с покоренным населением [71, 233]. Неслучайно арабы селились в изолированных от инородцев военных лагерях – *рабатах*. Об обособленности арабов свидетельствуют слова

М.Боннера: поселения мусульман-арабов разрослись до размеров малых островов, раскинутых в необъятном океане «людей Писания». Мусульмане-арабы, ревностно относившиеся к своим статусу и жалованиям (*ата*), предпочитали удерживать «посторонних» на берегу [195, 89]. Даже мусульмане-неарабы, служащие в рядах мусульманской армии, не получали жалования [259, 270; 101, 247], т.к. арабы боялись лишиться привилегированного положения в обществе [279, 58].

В социальной стратификации мусульманского общества Б.Льюис помещает мавали между свободными и рабами, указывая на их политическую несправедливость [281, 66]. Арабы причисляли мавали к второсортному классу. Мавали считались равными мусульманам-арабам, но лишь теоретически. Поговорка, бытовавшая среди националистически настроенных арабов, о том, что молитву делают недействительной трое – осел, собака и мавла, наглядно характеризует презрительное отношение мусульман-арабов к новообращенным [78, 178]. Как повествует Дж.Хоутинг, отделение арабов от неарабов являлось основным принципом государства, созданного в результате захватов [256, 4]. Этническая дискриминация была обычным явлением [311, 96]. Ислам в то время идентифицировался с «арабизмом» и считался «собственностью» завоевателей [256, 4; 279, 58; 323, 76]. Наряду с религией принадлежность к «арабской расе» была главным критерием дискриминации среди покоренных народов [323, 76]. Как отмечает Б.Льюис, Омейядское общество было основано на доминировании арабов, сформировавших не столько нацию, сколько наследственную социальную касту, в которую можно было войти лишь по праву рождения [280, 65-66; 279, 69; также см.: 169, 37]. Помимо арабского «шовинизма», как выразился Ф.Хитти [258, 96], основную роль в отстранении мавали от пользования всеми правами и привилегиями мусульман-арабов сыграл экономический фактор. Ведь, согласно Б.Льюису, вся структура Арабского государства была основана на том, что меньшинство арабов должно было управлять боль-

шинством налогоплательщих немусульман. Следовательно, экономическое уравнивание мавали с мусульманами-арабами одновременно означало бы уменьшение доходов государства, поэтому политика Умара II «уравнивать» мавали, в частности освобождение их от хараджа и джизьи, включение их в диван, была безуспешна. На этот счет примечательно мнение Б.Льюиса о том, что противоречия между завоевателями и мавали, хотя и совпадали в определенной мере с этническим различием между арабами и неарабами, но в значительной степени были экономическими и социальными [279, 72-73].

Хотя христианство и зороастризм быстро потеряли свое господствующее положение в обществе, т.к. местная знать, землевладельцы и купцы в большинстве своем приняли религию завоевателей, но все же пережитки этих двух религий сохранились, в частности, у крестьян [259, 308]. Вполне вероятно, что одной из причин сохранения вплоть до IV в. хиджры в Азербайджане многочисленных храмов огня [336, 44; 188, 179], а также христианства в Шабране, Шеки и Барде в конце X в. [70, 142; 357; 364] являлся не факт мирного и добровольного принятия ислама, как утверждает Т.Арнольд [188, 180], а преграды, чинимые арабской администрацией немусульманам в становлении полноправными мавали, во избежание утраты «источника» финансовых поступлений казны в лице зиммиев, ибо на деле арабская администрация руководствовалась материальной выгодой, но никак не кораническими предписаниями, в связи с чем хотелось бы отметить, что слова Б.Льюиса и К.Брокельманна об окончании исключительной гегемонии арабской аристократии с началом Аббасидского правления и создании равных возможностей для многих рас в новом социальном и политическом порядке [277, 222; 206, 106], не имеют места быть, по крайней мере, в Азербайджане точно, ибо одной из основных причин, вызвавших массовое освободительное движение хуррамитов, было недовольство местным населением экономическими, социальными и политическими условиями, в которых оно жило. Как указывает

П.Кроун, восстания против арабской администрации в Азербайджане свидетельствуют о том, что Арабский халифат так и остался в глазах местного населения «иностранным колонизатором» [221, 72].

Таким образом, проанализировав общественно-правовое положение населения Азербайджана в период господства Арабского халифата на основе материалов англоязычной историографии, можно смело сделать вывод, что, в целом, все завоеванные народы, будь то население Азербайджана, то других областей халифата, были не только политически бесправными, но и постоянно испытывали на себе как социальный, так и экономический гнет арабской аристократии. И даже статус мавали, считавшихся в Коране равными мусульманам-арабам, не облегчил их долю. Как отмечает Дж.Глабб, мавали «образовали социальный класс, тщетно пытающийся добиться равенства со своими господами...» [101, 158]. На протяжении многих веков покоренные народы так и остались в глазах арабской администрации представителями низшей ступени социальной лестницы. Р.Николсон отмечает, что к ним относились с презрением, они подвергались всем видам социальной деградации и, даже став мавали, они продолжали выплачивать постоянно увеличивавшиеся налоги, взимаемые с немусульман [303, 248]. На деле ни коранические предписания, ни заключенные между завоевателями и представителями местной власти договора не регулировали отношения арабов с инородцами. Как правильно констатировал сложившуюся ситуацию того периода А.Триттон, арабские завоеватели относились к покоренным народам как того сами желали [336, 223]. Нельзя не упомянуть слова П.Кроун о том, что отношения арабской администрации с завоеванными народами были исключительно «фискальными» [221, 54]. Неудивительно, почему политика Умара II объединения малочисленного класса арабов с неарабским большинством империи, в которой халиф видел единственную альтернативу назревающей «революции», была обречена на провал [101, 247-248]. В дальнейшем именно

отказ в социальном равенстве неарабам и «национальную» гордость арабов Дж.Глабб назовет одной из главных политических ошибок Омейядов, приведшей к падению династии [101, 301]. Следует отметить, что результатом безграничного «арабизма» в завоеванных странах стало культурно-политическое движение в Арабском халифате – *шуубия* [237, 86; 169, 113; 251, 137; 311, 104; 99, 41-42], зародившееся в VIII в. среди неарабских народов и отрицавшее претензии арабов на руководящую роль в культурной (иногда и в политической) жизни стран, где распространился ислам.

Хотя процесс переселения арабских племен в Азербайджан не привел к ассимиляции местного населения, он существенно повлиял как на хозяйственную структуру общества, мировоззрение, религиозно-политические институты, так и на культурную жизнь. Так, посредством анализа материалов англоязычной историографии были изучены переселенческая политика арабской администрации, ее причины, цели, основные направления и последствия. Особое внимание было уделено также религиозной политике арабов и социально-правовому положению азербайджанского населения. Было установлено, что хотя ислам широко распространился в Азербайджане к середине VIII в., пережитки местных верований не были искоренены даже спустя века. Местное население же, даже те, кто принял ислам, так и осталось бесправным в социально-правовом отношении. Тем не менее, завоевание Азербайджана и распространение здесь ислама явилось поворотным моментом, ускоряющим фактором этнолингвистической унификации, были созданы условия для завершения формирования единого этноса, в котором большую роль сыграли тюркские племена [182, 335-338].

2.4. Освободительное движение хуррамитов под предводительством Бабека

Одной из ярких страниц истории Азербайджана является освободительное движение хуррамитов под предводительст-

вом Бабека. Нашей целью является освещение и определение степени изученности данного движения в англоязычной историографии, в частности критический анализ её социально-экономических, политических и идеологических аспектов. Сразу хотелось бы отметить, что большинство англоязычных исследователей, освещавших данную проблему, главным образом опирались на труды арабских и персидских средневековых историков, пронизанных выраженной неприязнью к Бабеку, что в свою очередь делает их исследование необъективным. Так, англоязычные историки позиционируют Бабека с «разбойником и нигилистом» [186, 271], «главой религиозной секты» [354], «грозным еретиком, бесстрашным самозванцем и бунтарём» [320, 169], «кровожадным человеком» [370], «знаменитым грабителем и бандитом» [302, 504], «схизматиком и ересиархом» [208, 323], хотя некоторые и не отрицают исторической значимости руководимого им движения. Так, например, выдающийся британский историк и востоковед Б.Льюис, хотя и называет Бабека сектантом, но одновременно подчёркивает, что он был «человеком выдающейся военной и политической одарённости» [279, 111]. Следовательно, англоязычной научной литературе чужда характеристика Бабека как национального героя азербайджанского народа, боровшегося за независимость и благополучие своего народа.

Необходимо отметить, что, хотя движение хуррамитов и было освободительным, нельзя игнорировать экономические факторы, также сыгравшие существенную роль. Как известно, движение хуррамитов широко распространилось в период правления Аббасидских халифов. Хотя халифат претендовал на ознаменование собою новой эры справедливости, набожности и счастья [323, 104], на деле он проводил политику, мало чем отличающуюся от той, что велась в предшествующее правление Омейядов. С установлением арабского господства в Азербайджане и без того тяжёлое социально-экономическое положение местного населения ухудшилось, на чём сказался и процесс дальнейшей феодализации. Территория Азербайджана

стала объектом грабежа, эксплуатации и своеволия арабских наместников. Отметим, что податное сословие выплачивало огромные подати не только арабам, но и местным феодалам [10, 264, 266-267; 75, 21; 13, 119; 37, 16].

В работах англоязычных исследователей игнорируется историческое значение движения хуррамитов как освободительной борьбы. Не уделено достаточного внимания исследованию социально-экономической ситуации той эпохи, определившей социальный состав хуррамитов и явившейся одной из причин зарождения освободительной борьбы. Хотя в движении хуррамитов главным образом участвовало крестьянство, есть сведения и об участии дихканов [279, 111; 45, 54; 322, 507]. Как отмечает Б.Льюис, представители господствующего класса, особенно крупные феодалы, априори не могли играть существенной роли в крестьянском движении, которое, по сути, являлось антифеодальным [279, 109]. Единственной причиной, почему они могли «поддерживать» движение Бабека, была боязнь потерять свою жизнь и собственность и, конечно же, лишиться классовых привилегий [74, 253].

Увеличение размеров налогов при Аббасидах, расширение товарно-денежных отношений и, как следствие, приобретение рентой натуральной формы, беззаконие, творившееся в податной системе, являются доказательствами тяжелой социально-экономической ситуации того периода, что в свою очередь подтверждает тот факт, что движение хуррамитов было направлено не только на освобождение от арабского ига, но и являлось выражением социального недовольства, а не религиозной борьбой, как оно характеризуется в большинстве трудов англоязычных исследователей [114, 40; 166, 13-14]. Положение усугублялось также и тем, что Азербайджан был прифронтовой зоной, базой арабских наместников в военных походах против кавказских народов. На протяжении всего VIII в. Азербайджан был театром военных действий арабо-хазарских войн. Население же в свою очередь, как отмечает К.Босворт, испытало на себе все тяготы вторжений и опустошений, выз-

ванных этими войнами [199, 226]. Кроме того, немаловажную роль сыграли последствия переселения арабских племён в регион и захват ими азербайджанских земель. Нередко крестьяне передавали целые деревни арабам под протекцию, тем самым последние превращались в крупных землевладельцев, а сами крестьяне становились их издольщиками [298, 243; 370; 45, 52; 166, 26-28]. Именно поэтому, согласно М.Уиттоу, сильная поддержка хуррамитов в Азербайджане отражала местное негодование, вызванное возрастающим притоком арабов в восточную часть Южного Кавказа [340, 215].

Естественно, вышеперечисленные факты лишь ухудшили вопиющее положение широких народных масс, в частности же крестьянства, что в свою очередь привело к их массовому исходу в города в надежде на лучшую жизнь. Наплыв в города масс людей, которые традиционно работали на земле и не имели никаких других навыков, содействовал формированию непокорной силы, готовой при первом же вызове восстать [323, 88-89]. Неудивительно, что даже смена на Южном Кавказе с 788 г. до конца VIII в. 15 наместников не смогла сдержать поднимающегося движения крестьян [45, 53]. М.Уиттоу и Б.Льюис отмечают, что Азербайджан был центром мятежа и несогласия, ареной частых антихалифатских и антиарабских восстаний на протяжении VIII – IX вв. [340, 195; 279, 111].

Практически все социальные движения на Востоке протекали в религиозной форме [166, 22]. Однако религиозные идеи в народных движениях были лишь внешним обликом социально-политического протеста. Как отмечает Б.Льюис, в теократическом обществе еретические движения были единственно возможным выражением внутреннего и материального несогласия с существующим порядком [276, 19].

Историческое значение движения хуррамитов под предводительством Бабека заключается в выдвинутых ими социально-политических вопросах [113, 207]. Следовательно, разрушение установленных арабской администрацией религиозных догматов не являлось их основной целью. Как повествует

Б.Льюис, вера была основой установленного арабами порядка, ортодоксальность означала признание существующего порядка, являлась символом подчинения, залогом верности, а ересь и отступничество – его неприятием; религия была органическим выражением недовольств, вызвавших движение [279, 107-108]. Так, социальный протест нашёл своё выражение в идеологии движения хуррамитов, направленного против Аббасидского халифата в целом.

П.Кроун отмечает, что движение хуррамитов было не только антиарабским, но и антиисламским, объясняя данный факт тем, что ислам был религией арабских и арабизированных «тиранов»¹, т.к. местные жители не знали ислама в другом проявлении. Исследователь классифицирует движение Бабека нативистским движением, движением людей, испытывающих на себе наступление арабской захватнической власти, что выражалось в подрыве их религии и традиционного образа жизни, и прежде всего, в захвате их земель, на что они реагировали попытками изгнать иноземцев во имя обновлённой версии их родных верований, в надежде на возрождение того, что они представляли себе «старыми добрыми временами», или блестящего будущего [370]. В отечественной историографии научно доказано, что движение хуррамитов было направлено именно против гнета управлявшей на тот момент Аббасидской династии [13, 119; 81, 230; 45, 54], а не против ислама. В руках сперва Омейядов, а затем и Аббасидов ислам превратился в средство наживы и грабежа [11, 159]. Кроме того, в ходе последних научных исследований движения хуррамитов в лице Дж.М.Байрамлы на основе тщательного изучения широкого круга средневековых источников было установлено, что хуррамиты и сам Бабек являлись мусульманами. Исследователь указывает на принадлежность населения Азербайджана, в том числе хуррамитов, к *Ахль аль-Бейт*. В качестве подтверждения

¹ Вероятно, под арабизированными «тиранами» исследователь подразумевает местных феодалов, принявших ислам.

Дж.М.Байрамлы указывает на то, что в самих арабских источниках часто встречаются такие очевидные факты, как чтение хуррами́тами Корана, постройка мечети, управление ими имамами, уважительное отношение к азану, участие на их стороне многочисленных мусульман, в том числе и мусульман-арабов, вера в пришествие имама Махди, мусульманские имена его, его отца и брата (Хасан, Абдулла, Муавия) и т.д. Более того, как отмечает исследователь, отождествление в источниках Бабека с *зиндиками* (теми, кто первоначально принадлежали к исламской религии, а впоследствии приступившие к изменениям в ней) и *батинитами* (сторонники «тайного» смысла Корана и сунны) как результат проявления им открытого неприятия политики и идеологии Аббасидского двора, проводившейся под именем ислама, лишний раз подтверждает, что Бабек исповедовал ислам. Соответственно, Бабек не был огнепоклонником и атеистом, как часто его идентифицируют в англоязычной научной литературе. Дж.М.Байрамлы пришел к заключению, что хуррамита́ты выступали не против ислама, а политики, проводимой Аббасидами, и идеологии мутазилитов, широко поддерживаемых в Аббасидском дворе [11, 51-86, 88, 118-121, 141, 164-166, 261]. Следовательно, борьба хуррамитов никак не могла иметь антиисламский характер. Тем не менее, необходимо отметить, что до сих пор в отечественной историографии (З.Бунятов, Н.Велиханлы, Э.Азизов, Г.Вали, Х.Шамыева, Дж.Байрамлы и др.) вопрос определения истоков идеологических взглядов хуррамитов остается открытым и довольно противоречивым, т.к. нет единого мнения по этому поводу, идеологию хуррамитов относят к маздакизму, зороастризму, древнетюркским верованиям (шаманизму) и к исламу.

Не всегда критическое отношение к средневековым арабским и персидским источникам относится к недостаткам англоязычных исследователей в трактовке идеологии хуррамитов. Среди англоязычных востоковедов немало приверженцев тенденциозного отношения арабских и персидских историков

к хуррамитах как к «людям разгульного образа жизни», ведь согласно источникам пьянство и развратность – основные черты хуррамитов. Отсюда и сложилась противоречивая трактовка самого термина «хуррам». Как отмечает Э.Райт, питье вина и беспорядочность в половой жизни стали среди критиков хуррамитов орудием насмешки и презрения [343, 49]. Так, У.Мьюир, Дж.Сейл, Л.Грей и У.Маделунг, основываясь на «либертинистском» и «гедонистическом» мировоззрении хуррамитов (всё то, что доставляет душе наслаждение, считается дозволенным), склонны характеризовать хуррамитов «сладостлюбцами», а саму идеологию – «весёлой», «эпикурейской» [252, 508; 285, 63; 302, 504; 309, 130]. Однако, это «не более как выходка школьного остроумия» [152, 196]. Уместно привести в пример на этот счёт точку зрения академика З.М.Бунятова: «Считать хуррамитов, в течение двадцати с лишним лет ведших суровую и мужественную освободительную борьбу против халифата, какой-то развесёлой толпой, людьми «весёлой и разгульной жизни» нельзя. ...Любое освободительное движение, сопровождавшееся пьянством, разгулом и развратом, заранее было бы обречено на скорый провал» [81, 233].

Сообщения арабских источников о развратности, общности женщин и кровосмесительных браках хуррамитов не более чем клевета, ответная реакция правоверных мусульман на раскрепощение женщин, уравнивание их в правах наряду с мужчинами, что казалось им неприемлемым [166, 97; 74, 258-259]. О феминистской тенденции в этом движении говорится и в «Кембриджской истории Ирана» [322, 508]. Л.Грей также отрицает возможность оргий хуррамитов, утверждая, что это было лишь частью распространённой клеветнической сплетни [252, 508]. Отметим, что в отечественной историографии в лице Х.Р.Шамыевой было научно доказано, что женщины хуррамитов отличались доблестью (к примеру, жена Джавидана) и пользовались большим уважением у мужчин, тем более, что, как указывает исследователь, женщины в Азербайджане, как оно было свойственно тюркскому миру, занимали высокое со-

циальное положение в обществе и обладали общественно-политическими правами [36, 30]. Англоязычный исследователь иранского происхождения К.Фаррох также подчеркивает храбрость жены Бабека Бану, проводшей долгие 23 года плечом к плечу с мужем в освободительном движении [374].

Известно, что при Аббасидах в общественно-политической жизни халифата значительное влияние получил иранский элемент [63, 104, 122; 298, 243; 302, 433]. Сильное влияние зороастризма на общественно-политическую жизнь халифата, поддержка влиятельными персидскими семьями Аббасидских халифов, справление при дворе халифа зороастрийского праздника огня, соседство мусульманской мечети с зороастрийским храмом огня являлись тому свидетельством [114, 41]. Однако невольно может возникнуть вопрос, почему иранский элемент, а не тюркский? Дело в том, что персы сохраняли сильные позиции в администрации Аббасидов, тюрки же – в военном деле. В свете новейших научных изысканий в лице Н.Ч.Ахундовой и Ф.М.Асадова была изучена роль тюрков в Арабском халифате [63; 59]. Так, членом-корреспондентом НАНА, д.и.н., профессором Н.Ч.Ахундовой было установлено, что «с правления халифа ал-Мутасима (833-842)... тюрки проникают на влиятельные административные должности. В итоге они включались в принятие решений не только в военной сфере, но и в политической, в том числе на уровне самих халифов. Эту прослойку уже можно характеризовать как военно-гражданскую или военно-чиновничью, а в дальнейшем она становится «чисто» гражданско-чиновничьей» [63, 261]. Как отмечает М.Уиттоу, Южный Кавказ издавна находился под большим влиянием Персии, сам же Азербайджан был традиционным центром зороастрийской религии [340, 203]. Практически все англоязычные исследователи связывают движение хурамитов с доисламскими религиозными пережитками. Так, К.Босворт указывает о возможном влиянии бывших приверженцев зороастризма и маздакизма на неортодоксальную особенность Азербайджана в ранние исламские века, проявив-

шуюся в социально-религиозных движениях протеста и «революционных» подъёмах, главным образом хуррамитов во главе с Бабеком [199, 225]. Возможно, поэтому другие версии трактовки термина «хуррам» производят его как от названия города Хуррам, древнего центра маздакитского учения, недалеко от Ардебилля [152, 196; 252, 508; 81, 230], так и от имени жены Маздака Хуррамы, которая, по сообщению Э.Брауна, после смерти мужа бежала в Рей, где стала проповедовать маздакизм уже под названием Хуррамдин [208, 313]. Поэтому хуррамитизм часто идентифицируют и как форму маздакизма [74, 252-253; 370; 208, 247, 312-313, 328; 252, 508; 113, 205, 207; 285, 63-65; 30, 13; 371; 354; 44, 92-94], ибо, согласно Б.Льюису, религиозные вдохновения всех восстаний брали начало из иранских «ересей», которые в доисламские времена были связаны с протестами угнетённых классов против Сасанидской монархии, самым сильным из которых был протест Маздака [279, 109]. Неслучайно, как отмечает М.Ходжсон, со временем халифат сменил милость по отношению к домусульманским религиозным культам на гнев. Согласно исследователю, иранизированное восстание (не восстание, а движение! – Л.К.) Бабека в Азербайджане дало повод арабским властям ужесточить меры против людей, сочувствующих явным «персидским» традициям [259, 482]. П.Кроун же утверждает, что «хуррамитизм» был засвидетельствован в слишком многих местах Сасанидской империи, чтобы быть просто остатком и возрождением маздакизма. Хуррамиты широко распространились к северу от Азербайджана и до Фарса на юге, к востоку от Азербайджана, через Рей, Дейлам, Джурджан, Хорасан и Трансоксиану вплоть до Центральной Азии. Согласно исследователю, они представляли собою основание, субстрат, на основе которого возник сам маздакизм, народная форма зороастризма или форма дозороастрийской «иранской» религии [370].

Возможно, М.Ходжсон называет движение Бабека «иранизированным» ввиду схожести идеологии хуррамитов с идеологией маздакизма, социального движения, широко распрост-

раненного в Сасанидской империи в конце IV – начале V вв. Кроме того, одной из главных причин, почему в западной историографии (например, У.Маделунг, Э.Венетис, П.Кроун, Э.Райт) движение хуррамитов характеризуется «иранским» восстанием, а истоки идеологии сводятся к «иранским ересям», является тот факт, что история Азербайджана рассматривается большинством западных исследователей сквозь призму иранской истории. Так, некоторые англоязычные исследователи иранского происхождения, к примеру, Г.Юсефи, Ф.Дафтари, К.Фаррох, Х.Бахрами причисляют хуррамитов к персам, а Бабека называют «персидским» героем, боровшимся за сохранение персидского языка и культуры [396; 223; 374; 355]. Однако Бабек являлся тюрком, родившимся в с. Билалабад в Ардебиле. Более того, источник сообщает, что первое слово, мужественно произнесенное Бабеком после того, как ему отрубили руку на смертном одре, было тюркское слово «*Asan ya!*», означающее «Легко!» [43, 88; 11, 153-155].

В отечественной историографии, в частности благодаря исследованиям З.М.Буниятова, актуален анализ термина «хуррам» на основе древнеперсидских компонентов «хур», «хвар» и «харена», что в переводе означает «солнце», «огонь», «невидимый, неведимый огонь» [81, 236; подробнее о трактовке термина см.: 153, 65; 173, 29]. Однако в результате последних научных изысканий Дж.М.Байрамлы были выдвинуты еще две возможные версии трактовки термина «хуррам». Так, Дж.М.Байрамлы предполагает, что трактовка данного термина, выдвинутая в свое время академиком З.М.Буниятовым, находившимся под давлением советской исламофобии, не оправдана. Дж.М.Байрамлы предполагает возможным происхождение названия хуррамитов от арабского слова «*HÜRR*», означающего «свободный», и воспринимает хуррамитов как «свободных людей», что, в свою очередь, по мнению исследователя, и дало повод арабам позиционировать хуррамитов с людьми, ведущими развратный образ жизни, анархистами и теми, для которых не существовало понятий халал-харам. Вто-

рую новую версию Дж.М.Байрамлы (напомним, что исследователь относит хуррамитов к мусульманам) сводит к имени отважного последователя третьего имама Хусейна, которого звали *Hürr*, павшего шахидом в битве у Кербелы [11, 358-365].

Кроме того, хуррамитов также называли «*мухаммира*», что означало «одетые в красное», и «*сурхалем*», т.е. «краснознаменные» [252, 508; 208, 323, 328-329; 13, 119]. Данный факт, по мнению Дж.М.Байрамлы, можно связать с тем, что алый цвет имел большое значение в тюркской мифологии и системе религиозных верований. Исследователь также говорит о возможной связи между алым флагом хуррамитов и флагом (тоже алым!), под которым воевал сам имам Хусейн в битве у Кербелы. Кроме того, Дж.М.Байрамлы свидетельствует, что алый цвет был избран хуррамидами неслучайно: известно, что движение хуррамитов началось 21 марта, в день, когда созвездие Овна находится под влиянием планеты Марс (в древнеримской мифологии Марс – бог войны), цвет которой тоже красный [11, 366-367, 374-375, 377].

Также нередко в англоязычной научной литературе хуррамитов отождествляют с ультрашиитами, а самого Бабека изображают реинкарнацией организатора низвержения династии Омейядов Абу-Муслима и даже его потомком, внуком его дочери Фатимы [208, 328; 285, 63-64; 250, 81; 259, 314]. П.Кроун же считает, что именно убийство «архитектора Аббасидской революции» Абу-Муслима привело в действие хуррамитов по всей Сасанидской империи, в том числе и в Азербайджане [370]. Э.Дэниел, в свою очередь, вообще утверждает, что Абу Муслим сформировал «ядро» хуррамитов [225, 131].

В идеологии хуррамитов-бабекитов отражалась борьба народа не только против порабощения халифата, но и социального гнёта в целом. Хуррамнты призывали к активным действиям против эксплуатирующего класса. Государство, частная и государственная собственность на землю, налоги считались ими проявлениями злого духа. Основным пунктом социальной программы было требование общинной собственности на зем-

лю, с установлением которой воцарилось бы справедливое общество и добро победило бы зло [115, 39; 45, 53-54]. Проповедь общности имущества и женщин, хотя этот факт так и не доказан, дала повод Дж.Бьюри позиционировать хуррамитов приверженцами «уравнительного коммунизма» [211, 251]. Бабек считался воплощением божества. Хуррамиты отрицали насильственные методы борьбы, за исключением крайних ситуаций [о схожести идеологии хуррамитов с маздакитами см.: 222, 449-450]. Община хуррамитов управлялась имамами, которые занимались правовыми вопросами, и Фириштех (посланники или ангелы), основной задачей которых было религиозное вдохновение и обучение хуррамитов [285, 65; 343, 49]. Основываясь на средневековых арабских источниках, англоязычные исследователи сообщают, что хуррамитах присущи были отрицание предписаний шариата и понятий халал-харам, философия дуализма, вера в инкарнацию, реинкарнацию (метемпсихоз), чуждые исламу [370; 252, 508; 208, 327-328; 285, 65; 371; 383]. Однако в отечественной историографии в свете новейших научных исследований движения хуррамитов в лице Дж.М.Байрамлы было доказано, что в идеологии хуррамитов не было ничего чуждого исламу, все положения были свойственны исламу. Так, основываясь на Коране, шариате, хадисах и исследованиях исламских богословов, исследователь наглядно показал, что такие положения идеологии хуррамитов, как равное распределение даров Аллаха между всеми людьми, не нарушая принцип равенства всех перед Аллахом, ожидание пришествия имама Махди, реинкарнация (доказано на основе 56-го аята суры Ал-Багара: «Потом Мы воздвигли вас после вашей смерти, - может быть, вы будете благодарны!» [133, 32]), наличие духовной частички Аллаха в каждом человеке (доказано на основе 29-го аята суры Ал-Хиджр: «А когда Я выровняю и вдуну от Моего духа, то падите, ему поклоняясь» [133, 218] и 9-го аята суры Ал-Саджда: «Потом выровнял его и вдунул в него от Своего духа и устроил вам слух, зрение и сердце. Мало вы благодарны!» [133, 341]), воплоще-

ние некоторых черт Аллаха в человеке, идентичны тем же в исламе. Кроме того, Дж.М.Байрамлы затронул и коллективные празднества хуррамитов на горах, отметив, что «привычная» трактовка их развратом и беспечным весельем, как часто это можно встретить в исследованиях англоязычных историков и востоковедов, не соответствует исторической действительности, ибо они несли в себе иной смысл, а именно – торжество сотворения Вселенной [11, 247-284]. Так, под влиянием необъективных сведений средневековых арабских и персидских авторов англоязычные исследователи не разглядели за идеологией хуррамитов не только ее основной сущности, но также политических и социальных чаяний.

Бабек сам был выходцем из народных низов. Мать Бабека Баруманд трудилась у Ваджны ибн ар-Раввада [43, 87]. Сам же он прислуживал Мухаммеду ибн ар-Равваду ал-Азди [370; 343, 46].

В некоторых источниках есть сведения о том, что некогда Бабек исповедовал ислам и звали его Хасан. Отметим, что «*Бабек*» было про-звисье, корень которого составляла арабская частичка «*баб*», широко распространившаяся в указанный период в мусульманском мире и означающая «ворота». Нередко в арабских источниках Бабека называют именно *Баб* или *Бабан*. Под «Бабеком» Дж.М.Байрамлы подразумевает следующее – «открывающий дверь исламской истины» или «слуга «двери науки» исламских пророков» [11, 125-126]. Существует и другая версия имени Бабека, согласно которой после того, как Хасан в 816 г. возглавил хуррамитов, он взял себе имя «Бабак», в корне которого лежит азербайджанское слово «*baba*» (от азербайджанского слова «*ata*» - отец), якобы тем самым Бабек отождествлял себя с отцом, главой народа [42, 15].

Исследователи П.Кроун и Э.Райт считают, что с момента сотрудничества с Джавиданом, одним из лидеров движения, Хасан принял хуррамитизм и сменил своё имя на «Бабек» [370; 343, 47]. Всю свою жизнь он посвятил борьбе против халифа-

та, стремясь покончить с гнетом в Азербайджане. Бабек возглавил хуррамитов сразу после смерти в 816 г. Джавидана, заявив, что душа последнего переселилась в него. С этого момента борьба хуррамитов приняла строго антихалифатскую направленность [81, 239; 35, 417]. Центром движения хуррамитов был азербайджанский город-крепость Базз [подробнее см.: 88], расположенный к северо-западу от Ардебилля, в Гарадаге. Однако движение хуррамитов возникло не спонтанно. Если не считать того, что хуррамиты активно участвовали в восстании Сумбата в 755 г. в Нишапуре [371], то первое упоминание об «одетых в красное» относится к восставшим в 778 и 798 гг. в Джурджане, возглавленных Абу ал-Гарра и Амр ибн Мухаммед ал-Амраки соответственно. Подробно об участии хуррамитов в этих восстаниях рассказывается в произведении Э.Дэниела [225, 147]. На территории же самого Азербайджана движение хуррамитов началось в 808 г. [9, 78]. Но все они потерпели крах. Если ранее движение носило спорадический характер, то с момента прихода к руководству Бабека оно приняло перманентный характер. Движение не просто охватило Азербайджан, Армению, Джибаль, Хорасан, Хамадан, Исфаган, Табаристан, Джурджан, Дейлем, курдские области, но даже пользовалось поддержкой Византии, политического противника Арабского халифата [259, 314; 302, 514-515; 279, 112], что свидетельствует о мощи движения. «Союз вождя крестьянского восстания (освободительного движения! – Л.К.) с самым могущественным монархом тогдашнего мира, с главой Римской империи, является фактом беспримерным в истории...» [166, 164].

Перед Бабеком стояла завещанная Джавиданом задача изгнать арабских узурпаторов из Азербайджана. Как отмечает Э.Райт, главной целью Бабека являлось восстановить независимость Азербайджана [343, 50]. Без всякого сопротивления он сумел распространить свою власть по всему Азербайджану. Насколько сильна была вера в Бабека и, какие надежды возлагались на него, видно уже по количеству его сторонников. В

целом, количество сторонников Бабека уже в 30-е годы VIII в. доходило до 300 тыс. человек. Со всего Азербайджана к нему стекались тысячи людей, недовольных арабской политикой. Как отмечает Э.Райт, Бабек фанатично поддерживало все население Азербайджана [343, 47-48]. Так, движение хуррамитов получило широкий размах.

Победа над Бабеком досталась арабам с трудом. Как сообщает У.Мьюир, вслед за военной славой халифата настала черед неудач, чинимых простолюдином Бабеком [302, 504]. В течение 816-833 гг. Бабек разгромил все посланные против него отряды халифата [186, 272; 208, 323]. Первое же генеральное сражение в 829 г. у горы Хаштадсар было проиграно арабами, а командующий арабскими войсками Мухаммед ибн Хумайд погиб, что, согласно Х.Кеннеди, стало последней попыткой халифа ал-Мамуна (813-833) подчинить Бабека и, как следствие, на территории Азербайджана воцарилась анархия [268, 173]. Э.Райт отмечает, что арабские летописи 816-836 гг. перечисляют ряд военачальников, назначенных для борьбы с Бабеком, и столько же поражений [343, 50]. Неудачи арабов в борьбе с хуррамитами Х.Кеннеди связывает со слабостью арабской власти в горных районах Азербайджана, а также автономностью последних [268, 173].

Насколько опасным для халифата было освободительное движение под главенством Бабека, видно из посмертного завещания халифа ал-Мамуна, тщетно боровшегося с Бабеком в течение 20 лет. Одним из его главных наставлений наследнику престола ал-Мутасиму (833-842) был указ любыми средствами покончить с ним. Для этого ал-Мутасим приложил максимум усилий, результатом чего стала первая победа над хуррамитами у Хамадана в 833 г., уничтожившая свыше 60 тыс. хуррамитов. Дж.Сейл отмечает, что для борьбы с Бабеком были мобилизованы практически все силы халифата [309, 130]. Была реорганизована армия и создано наёмное войско из тюрок, столица халифата была перенесена из Багдада в Самарру, были приостановлены военные действия с Византией в

833-837 гг. В 835 г. для борьбы с хуррамидами назначили главнокомандующим войсками талантливого полководца-тюрка Афшина Хайдара ибн Кавуса, который щедро одарялся халифом [подробнее см.: 9, 106; 31, 89; 37, 16]. Именно с помощью его хитрых уловок, как сообщает Э.Браун, Бабек был схвачен [208, 323]. 26 августа 837 г. под натиском арабских войск пала цитадель хуррамитов – крепость Базз. В результате предательства владетеля Шеки Сахля ибн Сунбата Бабек и его брат Абдулла были схвачены и четвертованы в Самарре в 838 г. За свою «услугу» Сахль ибн Сунбат был назначен главой всех батриков и получил один миллион дирхемов, Афшин же был одарён одеждой, вышитой драгоценными камнями, и 20 млн. дирхемов [343, 55; 9, 66, 106; 31, 83, 89].

По словам П.Кроун, для средневековых мусульман имя Бабека было столь же грозным, как и имя Усамы бен Ладена для американцев сегодня [370]. Хотя Бабек не являлся террористом и боролся он, как известно, лишь за восстановление независимости Азербайджана, именно он стал главной угрозой всему халифату. Согласно источникам, хуррамиды за всю свою деятельность уничтожили свыше 500 тыс. человек [см.: 123, 36], именно на борьбу с ними были мобилизованы самые искусные полководцы арабской армии, именно движение хуррамитов во главе с Бабеком поставило под угрозу существование самого Арабского халифата. Влияние движения хуррамитов на политическую, идеологическую и экономическую жизнь халифата было столь велико, что даже оставило свой след в арабской поэзии. Так, арабский поэт IX века Абу Таммам в одном из своих диванов указал, что убийство Бабека считалось столь же священным делом, как и совершение намаза [18, 71].

Хотелось бы уделить особое внимание личности Сахля ибн Сунбата. В отечественной историографии благодаря исследованию академика З.М.Буниятова уже давно твердо доказано, что он был албанским князем [81, 266], но никак не армянским, что часто можно встретить как в некоторых арабских источниках, так и в ряде работ англоязычных историков,

опиравшихся на них [186, 283-284; 370; 320, 169; 302, 514; 309, 130; 322, 506; 315, 844].

Большой интерес представляют взаимоотношения Бабека с Византией, у которых был общий политический враг в лице Арабского халифата. Есть сведения, что после Хамаданского сражения (833 г.) остатки разбитых халифатскими войсками хуррамитов (14 тыс. чел.) во главе с военачальником Феофобом (до крещения его звали Наср) бежали в Византию, где были зачислены на военную службу [324, 390-391; 340, 195; 211, 252; 207, 128; 82, 614; 90, 104; 265, 253; 395; 312, 39] и принимали активное участие в военных действиях против халифата [90, 84; 335, 180-181]. Осаждённый в 837 г. в Баззе Бабек был вынужден обратиться за помощью к императору Феофилу, прося его начать военное наступление на арабов, что, согласно М.Сикеру, частично отвлекло бы их внимание от него [314, 33]. В источниках можно встретить ложную информацию о том, что, побуждая Феофила к активизации действий, Бабек выдавал себя за христианина и обещал впоследствии обратить своих сторонников в христианство. Император со 100-тысячной армией совместно с хуррамитами, что нашли у него приют, атаковал Зибатру [90, 114; 285, 64]. Хотя Феофил и выступил против арабов, по-видимому, в 838 г. [335, 180], поход оказался запоздалым, т.к. как полагает академик З.М.Бунятов, основываясь на сведениях Табари, войска Бабека были разгромлены уже 26 августа 837 г. [82, 615], хотя в ряде работ как отечественных, так и англоязычных исследователей часто встречается ошибочная датировка похода 837 годом [211, 260; 207, 129; 314, 33]. Как отмечает Э.Райт, Феофил своим походом не смог ни отвлечь атакующих Бабека арабов, ни послать ему подкрепления и в результате ничего плодотворного из этих переговоров не вышло [343, 52]. Это, в свою очередь, наглядно подтверждает тот факт, что Бабек не был христианином и его движение не имело антиисламскую направленность, ибо в противном случае Византия не замедлила бы выступить с хуррамитами одним блоком против своего злейшего врага – Арабского халифата.

Разгром движения хуррамитов и казнь наряду с Бабеком других видных его сподвижников вовсе не означали, что существованию Арабского халифата больше ничего не угрожает. Движение хуррамитов заложило основу национально-освободительного движения в Азербайджане [35, 418]. Сторонники Бабека продолжали участвовать в антихалифатских восстаниях. Так, У.Маделунг, К.Босворт и П.Кроун свидетельствуют о продолжении движения хуррамитов в ряде областей вплоть до X–XII вв. [199, 227; 285, 64-65; 371], хотя Дж.Сейл ошибочно утверждает о полном исчезновении приверженцев Бабека [309, 130]. В отечественной историографии истоки социальных взглядов Низами Гянджеви связывают с идеологией бабекитов, предполагается возможная связь хуррамитов с суфиями, хуруфитами, кызылбашами [179, 50; 11, 244-284]. Идеология хуррамитов проявилась и в восстании шейха Гейдара из династии Сефевидов в 1488 г. [174, 73]. П.Кроун свидетельствует, что, хотя хуррамитизм не «пережил» период монгольских завоеваний, но в Западном Иране и Анатолии вера в инкарнацию и реинкарнацию наравне с определенной степенью пантеизма проявилась в ересь Хуруфитов, Ноктавитов, Бекташей, Кызылбашей, Йазидов, Ахл-е Хакк и др. [371].

Отметим, что движение хуррамитов-бабекитов явилось одной из основных политических сил, приведших к распаду державы Аббасидов на отдельные независимые государства [183, 147], т.к. именно после освободительного движения хуррамитов под предводительством Бабека усилился сепаратизм местных владетелей и наместников окраин халифата, в самом же Азербайджане были созданы независимые феодальные государства. Основы халифата были расшатаны [38, 38-39; 1, 103].

На основе изученного материала можно сделать вывод, что во избежание необъективной оценки движения хуррамитов, следует несколько критически относиться к работам англоязычных историков и востоковедов. Они подвержены традициям средневековых арабских и персидских источников

чернить освободительную борьбу хуррамитов под руководством Бабека, не отличаются масштабностью восприятия общих закономерностей процесса, а также не дают возможности воссоздать полную картину социально-экономической и общественно-политической истории Азербайджана в рассматриваемый период. Неправильно интерпретированы и идеологические аспекты движения. Как следствие, в англоязычной научной литературе хуррамиты ошибочно характеризуются членами религиозно-мистической секты антиисламской направленности, а само движение нередко представлено как антифеодальное, на самом же деле хуррамиты являлись поборниками государственной независимости Азербайджана. Имя Бабека – руководителя данной освободительной борьбы – даже спустя 12 столетий не сходит с уст и памяти азербайджанского народа, и, несмотря на запрет иранских властей, азербайджанцы, совершая ежегодные восхождения на крепость Базз, воздают почести национальному герою азербайджанского народа – Бабеку [351].

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА ВО II ПОЛОВИНЕ IX – XI ВЕКАХ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Общественно-политическая ситуация в Азербайджане во II половине IX – X веках. Образование и деятельность независимых феодальных государств

Социальные и народно-освободительные движения VIII – IX вв. сильно поколебали былое могущество одной из великих империй средневековья – Арабского халифата. Как известно, Арабский халифат по своей природе являлся полиэтническим созданием и удержать под единым контролем территории, отличные друг от друга как в социально-экономическом, так и в этнокультурном отношении, было довольно сложно. Соответственно, процесс постепенной дезинтеграции империи был неизбежен. Так, начиная со II половины IX в. по всему халифату наблюдается тенденция к созданию независимых государств, в частности в восточных провинциях, чему способствовал ряд причин. Во-первых, военное могущество халифата было подорвано. Как отмечает Б.Льюис, в период правления Аббасидов не велось практически никаких военных действий, если только с Византией, да и то скорее показного характера. Если ранее халифы опирались на хорасанскую армию, то начиная с I половины IX в. руководящая роль в армии принадлежала тюркам [276, 18-19; подробнее о роли тюрков в Арабском халифате см.: 63]. Численность новой преторианской гвардии при халифе Мутасиме составляла 70 тыс. чел. [323, 125]. Однако впоследствии именно своеволие тюркской военщины, значительно укрепившей свое положение в халифате, стало одной из причин подрыва авторитета халифской власти во II полови-

не IX в. Кроме того, как сообщает Б.Льюис, истребление в 803 г. халифом Харуном ар-Рашидом рода Бармакидов, из которых происходили первые персидские визири халифата и которые служили связующим звеном между персидской аристократией и Аббасидами, также отрицательно сказалось на сложной общественно-политической ситуации в халифате [276, 18].

Как отмечает Р.Николсон, авторитет халифа в тот период стал если не номинальным, то достаточно шатким. По мнению исследователя, правление халифа ал-Мутаваккиля (847-861) и его последующих преемников отражало черты преторианского правления. Огромные суммы денег тратились на содержание тюркской военищины. С этого времени реальная власть была сконцентрирована в руках верховного главнокомандующего — *амира ал-умара*, возглавлявшего армию, в то время как некогда могущественный халиф был вынужден довольствоваться честью гравировки своего имени на монетах и упоминанием в общественных молитвах [303, 263-264]. Согласно Б.Льюису, появление поста амира ал-умара служило формальным подтверждением существования высшей власти, осуществлявшей фактический политический и военный контроль над всей империей. Халиф же стал формальной главой государства. Власть халифа в провинциях постепенно была сведена лишь к выдаче свидетельства об инвеституре *de facto* правителям. Окончательный упадок халифата, как сообщает исследователь, наступил в 945 г., когда в Багдаде политическая власть перешла в руки представителей шиитской династии Буидов [276, 18-19].

Более того, как утверждает Б.Льюис, расточительный двор и раздутый бюрократический аппарат стали причиной финансовых проблем, потеря же провинциальных доходов лишь усугубляла ситуацию. Выход из сложившегося положения был найден в отдаче сбора государственных доходов на откуп местным правителям, со временем превратившихся в реальных правителей империи, особенно если откуп и управление провинции находились в руках командующего армией. Так,

начиная с ал-Мутасима (833-842) и ал-Васика (842-847) халифы стали марионетками в руках собственных же военачальников, которые нередко назначали и смещали их по собственному желанию. Б.Льюис сообщает, что после смерти халифа ал-Мутаваккиля (861) только в течение 9 лет сменилось 4 халифа, каждый из которых был беспомощен перед тюркскими гвардейцами, в то время как в провинциях царила анархия, а в лучшем случае – автономия [276, 18].

Дестабилизирующий эффект имели и продолжительные династийные войны, начавшиеся еще со времен борьбы ал-Мамуна с ал-Амином, мятежи и народные движения VIII – IX вв. по всему халифату, а также острая борьба за власть в халифате между военачальниками и гражданскими чиновниками, в частности визирами, которые, по словам К.Босворта, в период ослабления халифской власти в конце VIII – X вв. стали реальными правителями в государстве [356]. Более того, ослаблению халифской власти способствовало появление крупных земельных собственников, а также традиция, укоренившаяся при халифе ал-Муктадире (908-929, 929-932) и его преемниках, вместо денежного жалования награждать преторианцев земельными участками, что впоследствии привело к отпадению целых областей [178, 41-43].

С появлением же института условного землевладения – *икта*, со временем превратившегося в наследственный военный лен, ситуация более осложнилась. После смерти ал-Мамуна в 833 г. баланс между гражданской администрацией и военными силами, будь то на уровне центрального или провинциального управления, был нарушен. В связи с тем, что доходы, поступающие в бейт ал-мал от откупной системы, не покрывали расходы на оплату наемных войск и гражданских чиновников, стала практиковаться переуступка сбора налогов не откупщикам, а непосредственно самим военным, что, в свою очередь, привело к захвату земель, их полунезависимости и милитаризации государства [273, 45]. Институт *икта* позднего типа, как утверждает Э.Лэмбтон, в результате привел к анар-

хии [272, 53], что и неудивительно, ибо наместники провинций, получавшие часто вместо причитавшегося жалования икта в свое распоряжение, сочетали экономическую мощь в качестве *мукта* (держатель икта) с функциями наместника. Впоследствии объединение функций наместника провинции, сборщика налогов, откупщика и мукта в одном лице привело к появлению больших владений, фактически независимых от центрального правительства. Ярким примером может служить образование государства Саджидов в Азербайджане. Отметим, что в качестве особого икта после разгрома освободительного движения Бабека полководец Афшин был наделен Азербайджаном, Арраном и Арменией. В 851 г. халиф ал-Мутаваккиль также выделил Мухаммеду ибн Йазиду ибн Мазйаду в качестве икта Баб ал-Абваб с прилегающими областями, ему же была пожалована Гянджа вместе с окружающими имениями. Х.Кеннеди предполагает появление института икта в Азербайджане еще в период правления халифа ал-Мамуна в качестве «вознаграждения» тем, кто участвовал в подавлении продолжительного восстания [269, 190], под которым, вероятно, исследователь подразумевает освободительное движение хуррамитов, в результате которого контроль халифата над Азербайджаном ослаб [см.: 292, 190].

Одним из источников будущих сепаратистских тенденций стало также приобретение на новых территориях переселенными арабскими семьями обширных земельных угодий, будь это путем насильственного захвата, покупки или передачи местными крестьянами своих земель им под протекцию. Относительно Азербайджана Э.Дэниел отмечает, что результатом этого стало появление массы фактически автономных малых династий, например, во главе с Раввадом ал-Азди в Тебризе, Баитом ибн Халбаса ал-Рабаи в Маранде и Абу Дулафом ал-Шайбани в Нахчиване [224, 212].

Отметим, что в Азербайджане стремление к независимости от халифата проявилось гораздо раньше, чем в остальных провинциях халифата. Оно было начато центробежной поли-

тикой мутагаллибов, не замедливших воспользоваться возникшей сложной общественно-политической ситуацией в Арабском халифате. Сепаратистские настроения мутагаллибов стали проявляться еще при первом аббасидском халифе, а с началом освободительного движения хуррамитов под предводительством Бабека мутагаллибы активизировались.

Несмотря на то, что в указанный период на территории Азербайджана существовали княжества, зависимые от багдадских властей (Шеки, Кабала, Сюник, Байлакан, Варсан, Ктиш, Ути, Хачен, Гирдыман и др.), стремление к отделению от центра среди их владетелей также существовало со времен хуррамитского движения [81, 184], что выражалось в поддержке ими Бабека – лидера освободительной борьбы азербайджанского народа. К примеру, как о том сообщает К.Босворт, можно назвать местного принца Бейлагана [358]. Помимо вышеуказанных княжеств в 869 г., провозгласив свою независимость, от халифата отложился и Дербентский эмират во главе с представителем арабского рода Хашимом ас-Сулами. Также существовал Тифлисский мусульманский эмират. Так, в Азербайджане, являвшемся одним из главных центров освободительной борьбы против Аббасидской империи, стремления к независимости были наиболее сильны [25, 6].

Как отмечает К.Босворт, в середине IX в. по мере ослабления аббасидского контроля над отдаленными областями халифата, власть Аббасидов на Кавказе также ослабла, что привело к усилению стремлений к независимости ряда армянских и албанских местных князей, которые в 853 г. с целью обеспечения их повиновения халифату были сосланы халифским полководцем Бугой ал-Кабиром в Багдад и Самарру [198, 522; подробнее об этом см.: 40, 25-34].

Р.Фрай и К.Босворт отмечают, что последний представитель дома Михранидов, правящий Арраном, Вараз-Трдат был убит в 821/2 г. Вскоре после этого владетель Шеки Сахль ибн Сумбат распространил свою власть над всем Арраном, провозгласив независимость от халифата [198, 522; 239, 660]. Отме-

тим, что в отечественной историографии академиком З.М.Бунятовым было предположено, что антихалифатская деятельность Сахля ибн Сумбата имела место и ранее, в 820 г., когда правителю Азербайджана, Аррана и Арминии Халиду ибн Йазиду ибн Мазйаду по пути в Барду пришлось подавить восстание населения Шеки. Кроме того, он выступал на стороне Бабека в освободительной борьбе азербайджанского народа против халифата. В 835 г., находясь еще в союзнических отношениях с Бабеком и используя сложную внутривосточную ситуацию в Арабском халифате, Сахль ибн Сумбат, стремившийся к возрождению албанской государственности, захватил Арран [81, 184-186]. Однако Р.Фрай отмечает, что он уладил отношения с арабами, сдав им мятежника Бабека, который нашел у него прибежище. Исследователь указывает, что позже в 854 г. Сахль был в числе местных князей, ставших жертвами карательных мер Буги ал-Кабира и высланных в Самарру [239, 660].

В отношении определения этнической принадлежности Сахля ибн Сумбата сведения К.Босворта довольно противоречивые. Если в одной из своих статей исследователь сообщает, что даже спустя несколько столетий арабская власть не была сильна в восточной части Южного Кавказа, а власть на местах была сохранена в руках местных правителей и в середине IX в. Шеки и Арран управлялись местным правителем Сахлем ибн Сумбатом [364], то в другой, наоборот, К.Босворт называет Сахля «армянским» принцем Шеки [198, 522], что идет вразрез со свидетельствами источников о том, что Сахль ибн Сумбат происходил из албанского царского рода Зармирх, представитель которого был единственным выжившим из 60 членов этой династии, перебитых михранидом Варданом [117, 136; 231, 460, 462; 148, 68]. Кроме того, и К.Босворт, и Р.Фрай ошибочно локализируют владение Сахля ибн Сумбата – Шеки – к северу от р. Куры [198, 522; 239, 660]. Академиком З.М.Бунятовым было научно доказано, что данный Шеки был расположен на правобережье р. Куры, ближе к левому берегу р. Араз, и надо отличать его от сегодняшнего Шеки [84, 869-872; 89, 92-93].

Одним из государств Азербайджана, вступивших на тропу независимой от Багдада политики в период ослабления Арабского халифата, было Ширваншахское государство, известное в качестве независимого государственного образования еще в VI в. [171, 51; 38, 41; 65, 28]. Сведения о ранних Ширваншахах достаточно скудны. В некоторых источниках род Ширваншахов сводится к сасанидскому полководцу Бахраму Чубину, в других – к сасанидским шахам Бахраму Гуру и Хосрову I Ануширвану. В отечественной историографии данный вопрос был изучен С.Б.Ашурбейли, пришедшей к выводу, что Ширваншахи, существовавшие до Мазйадилов, не являлись местной династией, а, скорее всего, имели родственные связи с сасанидскими шахами и находились по отношению к последним в подчиненном положении. Сасаниды поручили охрану северных рубежей от кочевников именно ранним Ширваншахам [65, 46-49]. Отечественный исследователь М.Х.Шарифли считает, что вне зависимости от их происхождения со временем Ширваншахи полностью подверглись ассимиляции местным населением Азербайджана [171, 58]. В Ширване арабы впервые появились в 642/3 г., когда между арабскими полководцами Букайром ибн Абдаллахом, Абд ар-Рахманом ар-Раbia и владельцем Дербента Шахрийаром был установлен мир при условии, что последний не будет выплачивать дани взамен на охрану северных границ от кочевников. Основываясь на том, что средневековые авторы Табари и Хаджи-Халифа называют Шахрийара правителем то Дербента, то Ширвана, С.Б.Ашурбейли пришла к выводу, что ко времени появления здесь арабов владения Ширвана простирались до Дербента [65, 49-50]. Отметим, что с момента установления арабской власти вплоть до I половины IX в. Ширваншахи сохранили свою власть, став вассалами арабов, обязанными выплачивать им дань и участвовать в походах на хазар. Примечательно, что в англоязычной историографии отсутствуют какие-либо сведения о первых Ширваншахах, лишь вскользь упоми-

нается, что титул «*Ширваншах*» мог относиться еще к доисламскому, в частности, сасанидскому периоду.

К.Босворт отмечает, что начиная с конца VIII в. Ширваном, частью обширного управления Азербайджана, Аррана, Арминии и Восточнокавказского региона, правили члены арабской семьи Йазид ибн Мазйад ал-Шайбани [190, 488; 203, 60]. Отметим, что в 799-800 гг. Йазид ибн Мазйад, основатель династии Ширваншахов, был назначен Харуном ар-Рашидом наместником Азербайджана и Арминии [171, 62-63; 65, 55]. После него наместниками здесь были его сыновья Асад, Мухаммед, Халид и внук Мухаммед. К.Босворт указывает, что его правнук Хайсам ибн Мухаммед, воспользовавшись беспорядками в Ираке после убийства халифа ал-Мутаваккиля в 861 г., принял древний титул «Ширваншах», положив начало правлению шахов из линии Мазйадидов. Ширваншахи Мазйадиды сразу приступили к расширению сферы своего влияния. Так, К.Босворт сообщает, что Ширваншахи присоединили малые княжества к северу от р. Куры, соседствующие с их столицей Йезидийа, и тем самым приняли дополнительные титулы Лайзаншах и Хурсаншах [190, 488].

Вопрос датировки присоединения Лайджана является довольно дискуссионным. Однако в отечественной историографии принято относить присоединение Лайджана к периоду правления Йазид II ибн Мухаммеда (917-948). Отметим, что уже в 80-е гг. X в. и Лайджан, и Хурсан находились в составе Ширваншахского государства [171, 67, 69-70]. К.Босворт и В.Бартольд предполагают, что Лайзан мог входить в состав Ширвана и в доисламский период [189, 487].

Кроме того, К.Босворт и Д.Данлоп сообщают, что Ширваншахи путем брачной дипломатии были тесно связаны с арабской династией Хашимидов, правившей в Дербенте [190, 488; 234, 835]. К тому же, К.Босворт отмечает, что временами Ширваншахи, приглашенные в Дербент мятежными элементами, даже управляли городом [365; подробнее об этом см.: 350]. Дербент, действительно, был захвачен в период правления Йа-

зида II ибн Мухаммеда и вплоть до 1064 г. находился в политической зависимости от Мазйадидов [171, 77-78].

Ссылаясь на тот факт, что нефтяные и соляные промыслы Ширвана облагались налогом, К.Босворт подчеркивает важное значение Ширвана для халифата [190, 488]. К.Босворт и В.Бартольд сообщают также о границах Ширвана. Так, территория Ширвана охватывала область самых восточных отрогов Кавказского хребта вплоть до берегов р. Куры. На севере граничила с Дербентом, а на западе доходила до Шеки. По их мнению, территория Ширвана оставалась неизменной даже при Ильханидах [189, 487]. Однако необходимо отметить, что при Ширваншахах Мазйадидах южная граница Ширвана простиралась вплоть до р. Араз, т.к. Барда при Мухаммеде ибн Ахмеде (981-991) и Бейлаган при Саларе ибн Йазиде (1049-1063) соответственно подчинялись Ширваншахам [171, 44]. К.Босворт, хотя и не сообщает о политической зависимости указанных областей от Ширваншахов, но указывает, что в X – XI вв. Ширваншахи Йазидиды стремились установить свою власть над Бейлаганом, а среди причин упадка Барды во II половине X в. К.Босворт указывает и на возможные набеги Ширваншахов [357; 358].

Кроме того, по сообщению К.Босворта и В.Бартольда, равнины и низменности Ширвана были подвержены набегам со стороны агрессивных соседей: аланов и дербентских Хашимидов с севера, русов со стороны Каспия и главных противников в лице Мусафиридов и Шаддадидов с юга. Среди городов Ширвана исследователь называет Баку, Шабран, Шамахи [189, 487].

Одним из независимых феодальных государств, возникших в Азербайджане в конце IX – начале X вв. в результате антихалифатской борьбы, было государство Саджидов, основателем которого был Абу Садж Дивдад, первое упоминание о котором встречается еще в военных действиях халифата против Бабека в 837 г. [201, 745; 386]. Отметим, что арабские халифы с целью упрочения своих позиций на окраинах, особенно после подавления в 853 г. военачальником Бугой ал-Каби-

ром общекавказского освободительного движения, назначали в подвластные провинции доверенных наместников, прославленных в боях, таких как Саджиды, которые, согласно М.Ходжсону, были назначены халифом правителями обширных территорий [259, 475]. К.Босворт утверждает, что Саджиды являлись иранской династией [199, 227; 198, 522; 363]. У.Маделунг, хотя и отмечает, что род Саджидов происходил из Усрушаны, но, ссылаясь на имя основателя династии Абу Саджа, указывает, что по происхождению они скорее были согдийцами, нежели тюрками [386]. Однако в отечественной и турецкой историографии научно доказано, что Саджиды являлись потомками тюркских эмиров Средней Азии, а именно Усрушаны [171, 112; 40, 24-25; 47, 364; 25, 9].

К.Босворт сообщает, что в 892 г. халиф ал-Мутаид (892-902) назначил одного из своих военачальников Мухаммеда ибн Абу Саджа правителем Азербайджана и «Армении» (Арминии! – Л.К.), при котором в период упадка центральной власти в Багдаде род Саджидов возвысился до уровня автономных провинциальных правителей [199, 227]. Однако в отечественной историографии принято считать началом правления Мухаммеда 889 г. [171, 152]. Возможно, датировка К.Босворта оправдана тем фактом, что Мухаммед сумел стать полновластным наместником Азербайджана лишь после усмирения восстания правителя Мараги Абдуллаха ибн ал-Хасана ал-Хамадани в 893-894 гг. [171, 115; 297, 499; 201, 745]. С.Лэн-Пуль также сообщает, что Мухаммед был назначен в Азербайджан в 889 г. [274, 126]. У.Маделунг предполагает, что Мухаммед не мог править Азербайджаном раньше 892 г., т.к. в 889 г. он даже не приступил к своей деятельности в Азербайджане и не посылал туда своего представителя. По сообщению исследователя, захватив Марагу, Мухаммед сделал ее своей столицей [386].

Прежде чем продолжить излагать дальнейшие события истории государства Саджидов считаем необходимым обратить внимание читателей на тот факт, что, как ранее мы отмечали, в указанный период англоязычные исследователи вследствие ис-

пользования трудов армянских «исследователей», пронизанных идеей абсурдной мифологемы о «Великой Армении», ошибочно называют Арминию Арменией, т.е. подразумевают под ней государственное образование. Следовательно, дабы не исказить историческую действительность, при ссылании на сведения, приведенные в трудах англоязычных исследователей, мы будем использовать наименование административно-территориальной единицы Арминии, т.к. «Армении» как государственного образования не существовало, свидетельством чему являются средневековые источники. Так, к примеру, Ибн ал-Асир свидетельствует: «...В 898 г. Мутаид назначил Мухаммеда ибн-абу-с-Саджа правителем провинций Азербайджана и *Арминии* (курсив наш – Л.К.)» [148, 77].

Мухаммед ибн Абу Садж (889-901) вел независимую от багдадских властей политику. Хотя Мухаммед, по всей видимости, и желал создать в Азербайджане суверенное государство, но все же он не стремился к окончательному разрыву с Багдадом, т.к., по сообщению У.Маделунга, в 898 г. в знак своей лояльности халифу он послал своего сына к халифу в качестве заложника, сам же позже тоже направился к нему с богатыми подношениями [386]. К слову, К.Босворт и М.Ходжсон отмечают, что независимые династии, прибравшие к своим рукам власть в провинциях, все же старались сохранить определенную связь с халифатом [203, 53; 259, 475].

Особый научный интерес представляет освещение вопроса взаимоотношений представителей династии Саджидов с армянскими феодалами. Сразу отметим, что англоязычным исследователям свойственно ошибочно характеризовать Саджидов «экспансионистами» по отношению к армянским феодалам, хотя общеизвестно, что Саджиды лишь пресекали попытки армяно-грузинских феодалов захватить азербайджанские земли по подстрекательству Византии, стремившейся установить на Южном Кавказе свою гегемонию. Так, согласно М.Канарду, воцарившийся в Арминии после смерти армянского царя Ашота (862-890) Смбат I (890-914) не мог успешно про-

тивостоять своим внешним врагам Шайбанидам и Саджидам. Как отмечает исследователь, Мухаммед своим желанием распространить свое влияние дальше на север и запад постоянно угрожал целостности Арминии [216, 637]. С.Лэн-Пуль сообщает, что в 898 г. к Азербайджану была присоединена Арминия [274, 126]. Так, Смбат I был вынужден признать вассалитет от Мухаммеда, а в 898 г. халиф ал-Мутаид переназначил Мухаммеда ибн Абу-Саджа наместником Азербайджана и Арминии [171, 116-117]. Однако М.Канард умалчивает об активной деятельности царя Смбата I, утвержденного в 892 г. в царском звании самим халифом Мутаидом, направленной на налаживание союзнических отношений с главным врагом Арабского халифата – Византией, а также не говорит об активизации им экспансионистской политики, в том числе и по отношению к Аррану и частично грузинским землям [подробнее об этом см.: 286, 228-229; 171, 116-117; 81, 209-210]. Более того, К.Босворт сообщает, что около 900 г. армянские Багратуни временно захватили Нахчиван, но в скором времени Мухаммед ибн Абу Садж сумел вернуть Нахчиван под власть халифата. Так, Саджиды, как отмечает К.Босворт, много сделавшие во имя распространения арабской власти в Арране и Арминии, контролировали Нахчиван следующие 30 лет [362]. Однако необходимо отметить, что сведения К.Босворта относительно датировки попытки Багратуни захватить Нахчиван 900 годом противоречивы, ибо в другой статье исследователь предполагает, что именно после одержанной над Смбатом I победы и захвата Нахчивана с Двином позиции Мухаммеда столь укрепились, что он решил больше не подчиняться Аббасидам и принял древний титул Афшин, который начиная с 898 г. появился на дирхемах, чеканенных в Барде [201, 745], что в свою очередь не соответствует дате, указанной К.Босвортом ранее. А тот факт, что уже в 898 г. халиф ал-Мутаид вновь назначил Мухаммеда ибн Абу Саджа наместником Азербайджана и Арминии [171, 116-117], лишний раз подтверждает вышесказанное. В том же 898 году, по сообщению К.Босворта,

Мухаммед возобновил военные действия против Смбата I, проникнув в Карс, Тифлис, а также в Васпуракан. Однако в 901 г. он умер от чумы [201, 745].

К.Босворт также сообщает интересные сведения о сложной внутривластной ситуации в государстве Саджидов, сложившейся после смерти Мухаммеда, в частности о борьбе за власть между сыном последнего – Дивдадом, назначенным управлять Азербайджаном в 901 г., и его дядей Юсифом, в итоге узурпировавшем власть в государстве [201, 745].

Столкновения Саджидов с армянскими феодалами продолжались и в период правления Юсифа ибн Абу Саджа (901-927). Как сообщает У.Маделунг, при Юсифе царь Арминии Смбат I стремился избежать установления сюзеренитета Саджидов, признав над собою сюзеренитет непосредственно халифа ал-Муктафи (902-908). Так, получив отказ на ультиматум о подчинении, Юсиф, стремившийся к расширению своего влияния, вторгся в Арминию. Однако в 903 г. было достигнуто соглашение, по которому Юсиф короновал Смбата I, что символизировало признание последним сюзеренитета Юсифа. Но мир длился недолго. Как сообщает У.Маделунг, сразу после укрепления оборонительных стен Дербента около 908 г. Юсиф был вынужден возобновить войну с Смбатом I, которого сам халиф подталкивал на войну с Саджидами [386]. М.Канард отмечает, что в борьбе с Смбатом I Юсиф стремился заручиться поддержкой влиятельного царского рода Арцрунидов – соперников царского рода Багратидов, из которого происходил Смбат I. Так, по сообщению исследователя, в 909 г. Юсиф короновал Гагика царем Васпуракана [216, 637].

Начиная с 910 г., Юсиф продолжил военную кампанию против Смбата I, в результате которой последний, оставшись без помощи, был блокирован в крепости Капоит. В 913 г. Смбат I был вынужден сдаться, а в 914 г. после подвержения жестоким пыткам в течение целого года был убит [286, 230], что в свою очередь, как отмечает М.Канард, впоследствии привело к анархии в Арминии. В 915 г. при посредничестве

Византии на армянском троне воцарился сын Смбата I Ашот II (915-929). Согласно исследователю, к 917 г. Юсиф перед угрозой союза Византии и Армии был вынужден признать Ашота II и послать ему царскую корону [216, 637]. Однако данный факт можно связать и со сложной общественно-политической ситуацией государства Саджидов, ибо в это время Юсиф заявил об открытом неподчинении халифу и восстал, отказавшись выплачивать халифатской казне обещанные 120 тыс. динар и провозгласив самостоятельность Саджидского государства, в результате чего был вынужден вести военные действия с халифской армией, присланной в Азербайджан усмирить мятежника [171, 126-128; 38, 44]. Отметим, что после военной кампании против армянских правителей Юсиф обратил свое внимание на Северную Персию и захватил Зенджан, Абхар, Казвин, Рей от Саманидов. Однако своеволие Юсифа, как отмечает К.Босворт, настроило против него халифа ал-Муктадира (908-929), в результате чего халиф послал против него полководца Муниса, который в 919 г. разгромил Юсифа [201, 745]. М.Канард указывает, что после захвата в 919 г. восставшего Юсифа, его преемник Собук, оставшись в безвыходном положении и с целью выдворения халифских войск совместными усилиями, вступил в союз с Ашотом II, наградив последнего титулом шаханшаха, в результате чего его сюзеренитет распространился на Васпуракан, Иберию и другие районы. Последние же саджидские эмиры Азербайджана, по сообщению исследователя, практически не имели никакого влияния на армянских правителей [216, 637].

Тот факт, что, даже находясь в опале у халифа и подвергаясь преследованиям халифской армии, Юсиф в 919 г. приютил хашимидского правителя Дербента – Абд ал-Малика ибн Хашими, низверженного своим племянником, и утвердил его в правлении, дав ему армию, с помощью которой он вновь сел на престол [386], говорит о независимости от халифата и политической мощи Юсифа. Так, граница независимого государства Саджидов на севере доходила до Дербента [70, 35; 38, 45;

40, 52]. Кроме того, именно в конце IX – начале X вв. Маз-йаиды были вытеснены из Аррана Саджидами. Неслучайно, что именно Юсифа халиф послал на войну с карматами, в результате которой он и погиб [171, 134-136].

К.Босворт сообщает, что Саджиды периодически вели независимую от центра политику, а временами даже отказывались выплачивать дань [199, 227], как в случае с Мухаммедом ибн Абу Саджем и Юсифом, что в свою очередь, подрывало не только политический авторитет Багдада, но и наносило экономический удар по бейт ал-мал. Более того, независимость Азербайджана могла иметь «эффект домино» и повлечь за собой провозглашение независимости и отделение от халифата остальных восточных провинций [40, 48]. Поэтому халифат всячески пресекал попытки Саджидов вести независимую от Багдада политику, как и в случае с желанием Юсифа включить в сферу своего влияния и Рей, попытка захвата которого, по сообщению С.Лэн-Пуля, была предпринята им в 918 г., что в итоге привело к заключению его халифом в багдадскую тюрьму в 919 г. Тем не менее, после освобождения из заточения и повторного назначения правителем Азербайджана в 922 г., как указывает С.Лэн-Пуль, Рей все же был им аннексирован в 923 г. [274, 126]. Однако в 925 г. Юсифу из-за поднятого местным населением мятежа и изгнания назначенного им наместника Муфлиха вновь пришлось захватывать Рей, ставшего с тех пор южной окраиной государства Саджидов [171, 133].

Р.Фрай отмечает, что Саджиды были наиболее могущественными правителями Аррана [239, 660], что действительно подтверждает тот факт, что власть Саджидов распространялась не только на Южный Азербайджан, но и Арран, ведь именно в период правления Юсифа Арран был присоединен к государству Саджидов, а правлению Хамама пришел конец [171, 122-123; 117, 278-279]. Как сообщает К.Босворт, власть Саджидов распространялась на Северо-Западный Иран (под Северо-Западным Ираном исследователь подразумевает Южный Азербайджан – *Л.К.*), прилегающие к Аррану территории

и восточной Арминии [361]. Уже к началу X в. границы государства простирались на севере до Дербента, на юге – до Зенджана, на востоке – до Каспийского моря, а на западе – до Ани и Двина. Следовательно, Саджиды являлись первыми, кто сумел объединить воедино как северные, так и южные земли Азербайджана [40, 63; 25, 11; 33, 52; 3, 295]. Консолидирующая роль Саджидов в этом отношении несомненна. Поэтому утверждение К.Босворта о том, что Саджиды не сумели сформировать столь же независимую линию правителей, как это сделали Тахириды в Хорасане, даже несмотря на то, что с 908 г. ввиду усиливающегося ослабления Аббасидской власти любые попытки правителей на местах обрести независимость были вполне реализуемы [201, 746], ошибочно и не соответствует исторической действительности. Кроме того, в одной из своих статей К.Босворт сообщает интересные сведения о том, что после смерти Юсифа в 926 г. его тюркские войска перешли на службу к халифу в Багдаде и составили особый воинский полк *Sadjjiyya*. Однако исследователь указывает, что в арабских источниках встречаются свидетельства о том, что и ранее в Багдаде существовали отряды *al-adjnad al-Sadjjiyya*, названные так в честь Абу Саджа Дивдада, что в свою очередь доказывает, насколько Саджиды были необходимы халифату в военно-политическом отношении [201, 745-746].

Хотя материалы англоязычной научной литературы скудны информацией о территориальных границах государства Саджидов, тем не менее, из них можно почерпнуть интересные исторические сведения относительно ареала влияния династии Саджидов. Так, к примеру, К.Босворт и В.Минорский сообщают, что территория, охватывающая Тебриз, Джабраван и Ушну, носила название ведущего племени Бану Рудайни, исчезнувшего к последней четверти X в., исходя из чего исследователи предполагают, что эти земли пользовались фактической независимостью, т.к. и в истории Саджидов не содержится никаких упоминаний об их вмешательстве в дела Тебриза [293, 42]. Однако если учесть, что в отечественной исто-

риографии Тебриз числится среди городов, находящихся под властью Саджидов [171, 125], то можно предположить, что, возможно, Тебриз находился в вассальной зависимости от Саджидов.

По всей видимости, власть Саджидов начала слабеть с I четверти X в., т.к. Р.Фрай утверждает, что Ардебиль, являвшийся в то время столицей государства, не только подвергся нашествию русов в I половине X в., но и страдал от междоусобных войн местных правителей [238, 625]. Тот факт, что, согласно М.Канарду, последние саджидские эмиры едва ли сохранили какое-либо влияние на армянских правителей, еще раз подтверждает начало упадка государства Саджидов в I половине X в. [216, 637].

Последующая история государства Саджидов после наиболее талантливого и независимого представителя династии Юсифа не освещается в англоязычной литературе. Примечателен тот факт, что относительное большинство англоязычных исследователей конец правления династии Саджидов относят к 929 г. – году гибели последнего представителя этой династии Абуль Мусафира Фатха ибн Мухаммеда, ошибочно отождествляя его с концом государства Саджидов, не учитывая того, что впоследствии государством правили эмиры, доказательством чему являются монеты, чеканенные с именами эмиров Муфлиха и Дайсама [168, 44-45]. Так, в частности, К.Босворт отмечает, что вскоре после его смерти большая часть Азербайджана, включая Ардебиль, перешла под контроль Саларидов [197, 358]. В двух других статьях К.Босворт также игнорирует факт продолжения существования государства Саджидов при эмирах, указывая, что после конца династии Саджидов в 929 г. Северо-Западный Иран (Южный Азербайджан – *Л.К.*) перешел под контроль «местных персидских властителей, включая курдов и дейлемитов» [356; 201, 746]. Также К.Босворт сообщает, что после исчезновения Саджидов Азербайджан стал ареной многочисленных войн. В целом, по свидетельству исследователя, в середине X в. в Азербайджане царил атмосфе-

ра беспорядков, а прямой халифский контроль больше никогда не был восстановлен в Северо-Западном Иране (т.е. в Южном Азербайджане – Л.К.) [293, 42; 199, 227; 200, 469]. Так, как сообщает К.Босворт, бывший наместник одной из провинций Зийаридов – Лашкари ибн Марди в 938 г. захватил провинцию, но он был изгнан курдом Дайсамом, который в течение 938-957 гг. боролся за установление своего верховенства в Азербайджане, и из Ардебилля он вторгся в Арминию, впоследствии захватив Нахчиван с Двином [293, 42; 197, 358-359; 200, 469; 361]. Однако К.Босворт не указывает, что Дайсам был эмиром Саджидов и последним правителем государства. Лишь С.Лэн-Пуль сообщает, что в 931 г. управление Азербайджаном перешло в руки Муфлиха – освобожденного раба Юсифа [274, 126].

К.Босворт свидетельствует, что вплоть до прихода Сельджуков история Азербайджана являлась частью так называемой «*дейлемитской интерлюдии*» иранской истории. Отметим, что термин «*иранское интермеццо*» введен в историографию В.Минорским и характеризует период истории Ирана с момента возвышения династии Саларидов вплоть до появления Сельджуков и подразумевает под собой период правления местных «иранских» династий [300, 110]. К.Босворт отмечает, что курдский военачальник Дайсам, пытавшийся сразу после падения Саджидов установить свою власть в Азербайджане, был вынужден в 941-942 гг. уступить саларидскому правителю Тарома Марзубану ибн Мухаммеду, сумевшему распространить свою власть вплоть до Двина [199, 227; подробнее о противостоянии Дайсама и Марзубана см.: 41]. Так, несмотря на то, что народ Тебриза сам призвал в город Дайсама, он был вынужден оставить город перед лицом угрозы, исходящей от саларида Марзубана, овладевшего и Тебризом, и Ардебилем, ставшим столицей созданного им государства Саларидов (иначе их звали Мусафиридами или Кенгеридами) [197, 358-359]. Как отмечает К.Босворт в совместной статье с В.Минорским, в 942 г. власть Марзубана была провозглашена во всех городах Азербайджана [293, 42].

Кроме того, К.Босворт сообщает и о происхождении Саларидов. Так, исследователь свидетельствует, что Салариды родом были из Дейлема. Мухаммед ибн Мусафир владел там стратегическими крепостями Таром и Самиран. После же смерти Мухаммеда в 941 г. династия Саларидов раскололась на две ветви, одна из которых во главе с Вахсуданом продолжила существование в Дейлеме, в то время как вторая, возглавляемая Марзубаном, переместилась в Южный Азербайджан и Арран, дойдя вплоть до Дербента [204, 86-87]. Как отмечает К.Босворт, власть Саларидов распространялась на Азербайджан, Арран и восточную Армению. Северная граница их государства, как и прежде при Саджидах, доходила до Дербента [198, 522; 361]. Территории Азербайджана, Аррана и Армении находились под единой властью Саларидов. Так, Салариды, также как и Саджиды, сумели воссоединить воедино северные и южные области Азербайджана, Арран и Ширван включительно [41, 23]. Государство Саларидов, не-смотря на то, что они были выходцами из Дейлема, по праву можно назвать «национальным» в средневековом понятии этого термина. На севере границы достигали Дербента, на юге – Ирака и Месопотамии, на востоке государство простиралось до Каспийского моря и Гиляна, а на западе – до Армении. Столицей же, как и при Саджидах, остался Ардебиль [171, 223-224].

Одним из главных событий в период правления Саларидов было разорительное нашествие русов на Барду, нашедшее свое отражение в работах англоязычных исследователей. Как известно, в Азербайджане перекрещивались магистральные торговые пути, протянувшиеся из Европы, с одной стороны, и из Китая, Индии и Средней Азии – с другой. Особое военно-стратегическое значение в общемировых геополитических и геоэкономических процессах приобрела пролежавшая по западному побережью Каспия прикаспийская ветвь Великого Шелкового Пути. Отметим, что большинство городов Азербайджана находились на магистральных путях международной торговли, являясь зоной транзита товаров из Индии и Китая к

берегам Атлантики. Именно столица Азербайджанской Албании – Барда в силу своей экономической значимости в международной торговле, природных богатств, выгодного географического расположения на перекрестке важных мировых торговых путей считалась «вторым Багдадом» [68, 213-214; 83, 176-177, 179; 171, 174-175]. Д.Данлоп и К.Босворт особо подчеркивают плодородие и изобилие земель Барды [235, 1041; 198, 522]. Неудивительно, что объектом каспийского похода в 944 г. русы выбрали именно Барду. Необходимо отметить, что русов с Азербайджаном связывали давние торговые отношения. Именно благодаря развитию в указанный период торговых операций городов Азербайджана, в том числе Барды, с югом Руси торговля Азербайджана процветала ускоренным темпом, был обеспечен экономический расцвет Барды [38, 47-48]. Кроме того, именно торговые рынки Азербайджанской Албании сыграли большую роль в установлении и дальнейшем развитии торговых отношений между Арабским халифатом и Русью [83, 177]. Однако русы оставили свой след в истории Азербайджана не только торговыми взаимоотношениями. Русы также предпринимали ряд набегов на прикаспийские земли Азербайджана, самым знаменательным из которых был поход 944 года.

Еще в 914 г. на 500 ладьях численностью в 50 тыс. человек русы предприняли набег на прикаспийские области Азербайджана. Хотя они и ограбили местное население, но в результате поход обернулся для них самих же неудачей [72, 599; 70, 39; 38, 48-49]. Однако в отличие от вторжения 944 г., во время прикаспийского похода 914 г. русы так и не сумели проникнуть вглубь азербайджанских земель [176, 92]. Поход русов в 944 г. не только являлся наиболее крупным из всех морских походов русов на Каспий, но и кардинально отличался от прежних. Если ранее русы совершали набеги лишь с целью грабежа местного населения и захвата добычи, не проникая вглубь прикаспийских областей Азербайджана, то в 944 г. они преследовали совершенно иную цель – завоевать Барду и укре-

питься здесь, о чем свидетельствует ряд фактов. Во-первых, момент для вторжения в Барду был выбран русами не случайно. Как отмечает Д.Марголиус, русы выбрали наиболее удобный момент для реализации своих целей – сложную общественно-политическую ситуацию в Арабском халифате, когда халифат раздирали внутривластные противоречия, а отдаленные области халифата были наиболее уязвимы перед атакой внешних врагов [288, 87]. К тому же, следует отметить, что момент, выбранный русами для совершения похода, совпал с первыми годами государственного строительства недавно возникшего государства Саларидов, ибо, как отмечают К.Босворт и В.Минорский, в 942 г., т.е. за два года до нашествия русов, власть Марзубана была провозглашена во всех городах Азербайджана [293, 42]. К тому же, Н.Чедвик предполагает, что во время нашествия на Барду русы были хорошо осведомлены хазарами о сложной внутривластной ситуации в государстве Саларидов. Как отмечает исследователь, нашествие русов на Барду в значительной степени было облегчено как существующими противоречиями между курдскими и дейлемитскими правителями, так и семейными разногласиями между членами самой Дейлемитской (Саларидской) династии [217, 60]. Следовательно, в политическом отношении Саларидское государство только стало укреплять свои позиции в Азербайджане и уже было вынуждено столкнуться с угрозой в лице русов.

Во-вторых, русы умело воспользовались существующими на тот момент сложными политическими хитросплетениями на международной арене. Большой интерес вызывает анализ русско-хазаро-мусульманских отношений накануне завоевательного похода русов на Барду в 944 г. Как ранее было отмечено, Н.Чедвик предполагает, что русы были хорошо осведомлены о местной политике этого богатого и очень плодородного региона именно хазарами, которые, очевидно, по мнению исследователя, также являлись соучастниками этого похода и, несомненно, надеялись извлечь выгоду при удачном

его завершении [217, 60]. Необходимо отметить, что ключевую роль в реализации этого похода русами, действительно, сыграли именно хазары. П.Миртс указывает, что с возвышением Киевской Руси у хазар в конце X в. появился новый враг. Однако автор отмечает, что первоначально хазары были вынуждены действовать сообща с русами в борьбе с мусульманами вокруг Каспия [291, 15]. Причин, побудивших хазар к участию в каспийском походе русов 944 года, причем, как политического, так и экономического характера, было достаточно. Как известно, продолжительные арабо-хазарские войны являлись результатом геополитических амбиций обеих сторон, каждая из которых стремилась установить свою гегемонию в Западном Прикаспии. К тому же, «Хазария являлась державой транзитной и хищнически пользовалась выгодами своего географического положения. Русские, пробивающиеся на Каспий с торговыми или с грабительскими целями, должны были платить пошлину и отдавать половину награбленной добычи. ...Хазария уже привыкла видеть в этом один из источников государственных доходов и одно из средств борьбы с мусульманским продвижением на север» [161, 98]. К тому же, как отмечает П.Гольден, во время грабительского похода в 914 г. именно с хазарами русы заключили соглашение о разрешении переправиться через их земли взамен на $\frac{1}{2}$ награбленной русами добычи [248, 625]. Итак, накануне завоевательного похода на Барду сложилась довольно выгодная для русов в военно-политическом отношении ситуация как на международной арене, так и в самом государстве Саларидов.

В-третьих, сведения, имеющиеся в средневековых источниках, подтверждают, что поход русов на Барду в 944 г. качественно отличался от всех прежних набегов на Каспий. Если прежде русы предпринимали набеги исключительно с целью грабежа, то в 944 г. они преследовали цель завоевать Барду. Так, к примеру, Ибн-Мискавейх, предоставивший наиболее полные сведения о данном походе русов, сообщает, что «...люди эти (русы) вошли в город, сделали в нем объявление,

успокаивали жителей его и говорили им так: “Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас – хорошо повиноваться нам”» [176, 65]. Следовательно, русами двигало не желание обогатиться за счет грабежа местного населения Барды, а стремление покорить его, установив над ними свою власть.

Так, в 944 г. ладьи русов, численность которых, как сообщает Д.Данлоп, хотя точно и не установлена (в источниках численность русов колеблется от 3 до 5 тыс. человек – *Л.К.*), но могла достигать нескольких тысяч человек [1, 1041], переправившись через Каспий и р. Куру, достигли местности Мубареки недалеко от самой Барды и, полностью разгромив военные силы правителя Барды, представителя Марзубана – правителя азербайджанского государства Саларидов, которые состояли из 300 дейлемитов, 300 бродяг и курдов и более 5 тыс. добровольцев, завладели городом [288, 87-89; 148, 96]. Наступление русов с моря, как и во время каспийского похода в 914 г., было для населения Барды явлением беспрецедентным, ибо, как сообщает Масуди, «народы, живущие на побережьях этого моря, пришли в смятение, так как в прежние времена не видали, чтобы враг наступал на них с моря, а по нему ходили лишь суда купцов и рыбаков» [см.: 65, 76]. К тому же, ни одно из существующих в тот период феодальных государств Азербайджана не обладало морским флотом. Как отмечает Ф.Каплан, поход русов показал беспомощность прибрежного населения Азербайджана перед угрозой с моря [267, 7].

Дальнейшее поведение русов в Барде говорит о том, что они имели долгосрочные планы на город. Так, как уже было отмечено, в отличие от прежних набегов на Каспии, русы не стали грабить город. Разворачивалась совсем иная картина событий. Местным жителям взамен на подчинение была предложена гарантия безопасности и свободы вероисповедания. Однако население Барды, кроме знати, недружелюбно встретило

русов. Тогда русы дали им три дня, чтобы те покинули город. Но город смогли покинуть лишь те немногие, которые имели выючных животных. Большинство оставшихся в городе были преданы мечу, больше 10 тыс. человек были взяты русами в плен, но, в итоге не сумев выкупиться, они также были убиты. Некоторые источники сообщают о 20 тыс. убитых. Даже саларидский правитель Азербайджана Марзубан, несмотря на наличие превосходящей русов по численности армии в 30 тыс. человек, не смог выдворить их из Барды. «...Несмотря на большое число собранных им сил, не мог произвести на них (русов – *Л.К.*) даже сильного впечатления. Утром и вечером он начинал сражение и возвращался разбитым. Продолжалась война таким способом много дней и всегда мусульмане были побеждены» [248, 67]. Как видно из вышеизложенного, желание русов закрепиться в Барде было столь сильным, что даже численно превышающие их саларидские войска не могли сперва ни остановить вторжения русов в Барду, ни затем изгнать их из города. Лишь, как отмечает Дж.Шепард, по трагикомической причине, а именно в результате дизентерии, возникшей у русов после употребления местных фруктов, приведшей к болезням и к резкому сокращению численности русов, пребывающих в Барде, русы были вынуждены покинуть город [313, 14; также см.: 288, 90-92; 148, 97-98]. Кроме того, Д.Марголиус сообщает и о сложной внутривосточной ситуации в указанный период, в которой оказался Азербайджан в результате захвата Салмаса владетелем Мосула – Абу Абдуллахом ибн Саидом ибн Хамданом, что, в свою очередь, осложнило борьбу Марзубана с русами [288, 90-91], т.к. последний не смог сконцентрировать все свое внимание и военные силы лишь на Барде.

Особый научный интерес представляет определение характера и основной цели каспийского похода русов на Барду в 944 г. Исходя из того, что сразу после вторжения в Барду русы пытались достичь соглашения с населением города и обложить их данью, разрешив им свободно исповедовать свою религию при условии признания их своими правителями,

П.Гольден, Дж.Шепард, Д.Диксон и Д.Логан пришли к выводу, что, по всей видимости, русы преследовали цель постоянного здесь поселения по «киевскому образцу» [248, 625; 313, 14; 228, 153; 283, 201]. Польский исследователь В.Душко отмечает, что поведение агрессоров указывало на то, что они готовились остаться здесь если не для хороших времен, то, по крайней мере, надолго [232, 117]. Тот факт, что совместно с русами в Барду пришли их семьи, подтверждает вышесказанное [38, 51]. Г.Кларк также отмечает, что, если в 912 г. (поход был совершен в 914 г. – *Л.К.*) русы лишь разграбили земли Дагестана и Ширвана, то в 944 г. речь уже шла о захвате Барды – столицы Аррана [219, 70]. Н.Чедвик утверждает, что, несомненно, приход русов в Барду не был из числа обычных набегов, а носил характер военного вторжения, преследующего цель постоянного здесь поселения, доказательством чему являются примиренческая политика русов по отношению к местному населению города, а также укрепления, сооруженные здесь русами, и их сложная организация. Более того, Н.Чедвик проводит параллель между нашествием русов на Барду и великим нашествием викингов на Англию в 866 г. [217, 52, 60]. Д.Марголиус же сравнивает нашествие русов с первым историческим появлением тевтонов на римской территории в период консулата Гая Мария [288, 87].

Очевидно, русы стремились создать в Барде свое независимое княжество – «Каспийскую Русь», о чем свидетельствуют изменения в организации походов, состав русов, примиренческая политика, проводимая по отношению к местному населению и т.д. Сравнивая норманнов и русов, выдающийся российский востоковед В.В.Бартольд отмечает, что взятие Барды было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем во время набегов норманнов на христианские и мусульманские города Европы, и, в отличие от норманнских войск, уничтожавших все в Западной Европе огнем и мечом, русы стремились восстановить порядок в занятом городе, воспользоваться его доходами, но не уничтожить его [67, 34;

70, 40-41]. Кроме того, в отличие от прежних каспийских походов, когда русы грабили местное население и сразу возвращались в свои земли, на этот раз они даже перезимовали в Барде. Хотя длительность пребывания русов на территории Барды дискуссионна (в одних источниках указывается, что русы находились здесь в течение 6 месяцев, в других – в течение целого года), тем не менее, сам факт их длительного нахождения здесь свидетельствует об их желании закрепиться здесь. К тому же, большой интерес вызывает личность предводителя русов. Сами источники не сообщают конкретных сведений о том, кто именно был предводителем русов во время военного вторжения в Барду в 944 г. Однако отсутствие упоминания в «Повести временных лет» имени Улеба, сына князя Игоря Рюриковича, наследника великокняжеского престола, в договоре Руси с греками, заключенном в 944 г. в Киеве (договор был подписан именно женой князя Улеба – Сфандрой), дает нам возможность предположить, что умерший в рассказе ибн-Мискавейха знатный юноша из среды русов, был не кто-то, а именно князь Улеб. К тому же, В. Душко отмечает, что единственной силой способной организовать походы, требующие дисциплины и сильных предводителей, были Рюриковичи I половины X в. [232, 118].

Стремление русов создать свое независимое княжество на Каспии, а именно в Барде, являвшейся, как отмечает К. Босворт, бастионом мусульманских войск против хазар [357], отразилось и на конфигурации политических сил на международной арене, в частности на русско-арабо-хазарских отношениях. Наметился крутой поворот в геополитике всего Прикаспия. Если ранее хазарам было выгодно пропускать каспийские флоты русов в мусульманские области (пошлина с товаров, $\frac{1}{2}$ награбленной добычи, разрушительные набеги русов сдерживали арабскую экспансию на север), то отныне новая завоевательная политика русов, пришедшая на смену их традиционной политике грабежа мусульманских земель Каспия, некогда крайне выгодная хазарам, могла обернуться гибелью

самого Хазарского каганата. Как отмечают С.Блэндал и Б.Бенедикз, русы использовали Барду как базу для совершения набегов на окружающие страны [194, 36]. Создание русами государства на Каспии не входило в планы хазар, ведь теперь русы совместно с покоренными мусульманами могли пойти против самих же хазар. Именно после вторжения русов в Барду в 944 г., продемонстрировавшего возросшую мощь Русского государства, хазары перестали пропускать их на Каспий [подробнее см.: 131].

Отметим, что поход русов на Барду не прошел бесследно для самого города. Наряду с такими главными причинами упадка Барды во II половине X в., как угнетение местного населения и вымогательства со стороны Саларидов, а также возможные набеги Ширваншахов и Шаддаидов, К.Босворт указывает и на нашествие русов [357]. Кроме того, К.Босворт отмечает, что после вторжения русов Барда больше никогда не восстановилась от тяжелых последствий, уступив свое место в качестве столицы Аррана Бейлагану [198, 522]. Однако Д.Данлоп, в отличие от К.Босворта, даже несмотря на то, что в его статье приведены сведения Ибн Хаукаля о том, что после нашествия русов в Барде осталось всего лишь пять пекарей, в то время как до этого события их численность превышала 1200 человек, отказывается причислять губительное нашествие русов к разряду главных факторов катастрофического упадка города, отмечая, что основными причинами, спровоцировавшими его, стали именно непомерные налоги и плохое управление Саларидов [235, 1041].

Проблема датировки нашествия русов на Барду по сей день остается довольно дискуссионной в англоязычной научной литературе. Так, к примеру, Д.Диксон, Д.Данлоп и Д.Марголиус захват Барды русами относят к 943 г. [228, 153; 235, 1041; 288, 86], в то время как Н.Чедвик, Дж.Шепард, К.Босворт и П.Гольден – к 943-944 гг. [217, 61; 313, 14; 198, 522; 197, 359; 199, 227; 248, 625]. Однако необходимо отметить, что в отечественной и российской историографии было доказано,

что о нашествии и захвате Барды русами не могло быть и речи раньше, чем летом 944 г. [171, 183-184; 107, 519]. Лишь Г.Кларк объективно датирует вторжение русов в Барду 944 годом [219, 70].

Сложность внутривнутриполитической ситуации в Азербайджане, где установилась власть династии Саларидов, подтверждается не только тем фактом, что Марзубану, как сообщает К.Босворт, пришлось противостоять попыткам арабских Хамданидов из Мосула, пытавшихся вторгнуться в Азербайджан, но и тем, что после смерти Марзубана в 957 г. его брату и преемнику Вахсудану пришлось бороться со своими племянниками Джустаном и Ибрагимом, претендующими на власть, в результате чего большая часть Азербайджана была разрушена. Ко времени смерти Вахсудана в 983 г. саларидский контроль над Азербайджаном был, видимо, столь слаб, что впоследствии власть в области главным образом захватили Раввадида из Тебриза [199, 227].

К.Босворт также сообщает о сложном внешнеполитическом положении государства Саларидов в 50-х гг. X в. Так, по сообщению исследователя, наибольшую угрозу независимости Саларидов в тот период, в частности юго-восточным землям, и правлению самого Марзубана представляла династия Бувейхидов в лице Рукн-ал-Давла, разгромившего и пленившего Марзубана в битве при Казвине в 949-950 гг., что позволило ему продвинуться в Южный Азербайджан. Кроме того, 50-е гг. X в. запомнились феодальными междоусобицами, примером чему можно привести воцарение бывшего саджидского эмира Дайсама в 952 г., который, однако, был вынужден вновь бежать из Азербайджана и обратиться за помощью к Хамданидам. Как отмечает К.Босворт, Дайсам, воспользовавшись тем, что в 955-956 гг. Вахсудан ибн Мухаммед был занят подавлением мятежа в Дербенте, появился в Азербайджане и захватил Салмас, но в очередной раз с появлением Марзубана был вынужден бежать к армянским феодалам, но армянский принц

Дераник из рода Арцруни выдал его, в результате чего Дайсам был пленен и ослеплен [359; 361].

Как сообщает К.Босворт, в период правления Ибрагима ибн Марзубана начался упадок саларидской власти. Большинство саларидских земель в Азербайджане были завоеваны раввадидом Абуль-Хиджа [361].

Помимо политической ситуации в указанный период К.Босворт сообщает и о тяжелом социально-экономическом положении азербайджанского населения в период правления Саларидов, а именно о восстании народа в Дербенте в 955 г. [359]. Причиной восстанию послужило установление податей, от которых ранее население города взамен на оборону границ было освобождено.

Касательно взаимоотношений Саларидов с армянскими правителями М.Канард отмечает, что Салариды добились признания армянскими принцами их сюзеренитета, а также наложили на них дань, став владетелями Двина. М.Канард также сообщает, что иногда армянские цари сами использовали мусульманских эмиров в своей вражде. Так, в частности, Багратиды Карса призвали на помощь мусафиридского эмира против армянского царя Смбата II (977-989) [216, 637-638].

Политической нестабильностью в Азербайджане в середине X в., последовавшей за упадком государства Саджидов, поспешила воспользоваться династия Раввадидов из Тебриза, в частности Абуль Хиджа (955-988), отказавшийся признать власть саларидского правителя Ибрагима и свергший его в 981 г. К.Босворт сообщает, что уже к 984 г. Азербайджан оказался в руках династии Раввадидов, а вскоре и саларидские владения в восточной Армии перешли под контроль Раввадидов [204, 88; 361].

Как отмечает К.Босворт, Абуль Хиджа, его сын Мамлан и их потомки оттеснили Мусафиридов обратно в Дейлем, тем самым положив начало правлению Раввадидов над всем Азербайджаном со столицей в Тебризе. К.Босворт также указывает, что Раввадиды являлись потомками арабского племени Азди,

которые в период правления первых Аббасидов были переселены в Тебриз. По сообщению исследователя, в 758-759 гг. наместник халифа Ал-Мансура в Азербайджане Йазид ибн Хатим ал-Мухаллаби назначил ал-Раввада ибн ал-Мусанна охранять район между Тебризом и Баззом [204, 88; 200, 469; 199, 227].

Отметим, что первые попытки Раввадидов основать независимое государство относятся еще ко времени самого Раввада ал-Азди и трех его сыновей Ваджны, Мухаммеда и Яхьи. Кроме того, Мухаммед ибн Раввад, при котором власть Раввадидов распространилась на значительную часть Южного Азербайджана, в период активизации освободительного движения хуррамитов в Азербайджане также вел активную борьбу за создание независимого государства [171, 285-287; 39, 29].

К.Босворт утверждает, что вплоть до прихода к власти Абу Мансура Вахсудана ибн Мамлана (1025-1059) Раввадиды большую часть своего времени уделяли борьбе с восставшими армянскими и грузинскими феодалами [199, 227]. Действительно, отношения Раввадидов, особенно в период правления Мамлана, с армянскими феодалами складывались недружественные. Известно, что, когда между 992 и 994 гг. Куролапат Давид, захватив Маназкерт, изгнал оттуда местных мусульман, Мамлан вызвался стать их «защитником» и вторгся в Арминию вплоть до Валашгирда [286, 237]. М.Канард сообщает, что армянский принц Гагик, находясь в конфликте с Мамланом из-за других эмиратов южной Арминии, вступил в союз с грузинским правителем Давидом. Хотя исследователь сообщает о двух поражениях Мамлана, но сведения дает лишь о втором поражении. Так, в 998 г. недалеко от Арджиша Мамлан был разгромлен и был вынужден здесь искать убежища [216, 638].

Государство Шаддадидов также являлось одним из независимых феодальных государств Азербайджана. Воспользовавшись занятостью салирида Марзубана войной за Рей с Бувейхидами, в результате которой он был пленен, и возникшими впоследствии в государстве Салиридов феодальными между-

усобицами в конце 40-х – начале 50-х гг. X в., в ходе которых правление Азербайджаном переходило из рук в руки, курдский авантюрист Мухаммед ибн Шаддад, основатель династии Шаддадидов [306, 217], в 951 г. обосновался в Двине, который в тот период еще находился под властью Саларидов [подробнее см.: 345]. Однако вскоре, как сообщает Э.Пикок, в 954 г. Марзубан вынудил его оставить Двин и бежать в Васпуракан [388]. Тем не менее, уже в 971 г. старший сын Мухаммеда Лашкари захватил Гянджу, сделав Шаддадидов независимой силой, положив тем самым конец саларидскому влиянию в Арране [38, 58; 345]. Как указывает К.Босворт, власть Шаддадидов распространялась не только на Гянджу, но и на Шамкир, Барду и Бейлаган. Кроме того, К.Босворт сообщает, что Шаддадидады претендовали и на Нахчиван [202, 169; 357; 358; 362].

Хотелось бы уделить отдельное внимание вопросу этнического происхождения государства Шаддадидов. Как указывает отечественный исследователь А.Н.Наджаф, даже несмотря на то, что у средневекового арабского историка Ибн ал-Асира династия Шаддадидов представлена как курдская, не правильно под словом «*курд*» понимать этническую принадлежность и смешивать средневековых курдов с сегодняшними, т.к. в тот период под «*курдами*» арабы подразумевали все кочевые народы, даже кочевые арабские племена. К тому же, территория Азербайджана еще задолго до миграции Сельджуков являлась территорией расселения тюрков [29, 11, сноска 5]. Кроме того, В.З.Пириев отмечает, что, даже несмотря на различные этнические происхождения династий, стоявших во главе феодальных государств Азербайджана, их по праву можно назвать азербайджанскими, т.к. они не только образовались на азербайджанской земле, столицами их были азербайджанские города, служили они национальным интересам, но и подверглись скорой ассимиляции местным тюркским населением Азербайджана [33, 55]. Профессор Я.М.Махмудов, говоря о феодальных государствах Азербайджана, называет их тюркскими [подробнее см.: 23].

Э.Пикок сообщает, что Лашкари правил в Гяндже 8 лет и в 978 г., несмотря на предпочтение им в качестве преемника своего брата Фазла, преемником стал другой его брат Марзубан. Однако его некомпетентное управление привело к большой поддержке Фазла недовольными им массами в деле его свержения. Фазл, убив Марзубана и заключив в тюрьму его сына, стал эмиром в 985 г. Именно в период его 47-летнего правления, как свидетельствует Э.Пикок, Арран был включен во владения Шаддадидов, захвативших в 993 г. Барду и Бейлаган. Фазл I был энергичным политиком и вел активную деятельность по расширению влияния Шаддадидов. Так, Э.Пикок сообщает, что Фазл отобрал Сюник от династии армянских князей Пахлавуни, а также переустановил власть Шаддадидов в Двине, обложив Арминию данью в 300 тыс. драм. Установление же шаддадидской гегемонии на восточно-грузинских территориях Кахетии и Эрети спровоцировало военный поход во главе с грузинским царем Баграта IV, который около 990 г. окружил Шамкир в Арране. Однако ввиду противоречивых сведений источников исследователь указывает, что неизвестно, чем именно закончилась осада города: подчинением Фазла I и признанием им сюзеренитета от Баграта или потерей Баграта 10 тыс. людей и вынужденным побегом [388]. Как отмечает К.Босворт, очередное столкновение Фазла I в 1030 г. с грузинским царем Липаритом и армянским царем Давидом I Безземельным из Ташира окончилось сокрушительным поражением Фазла I. Именно при Фазле I в 1027 г. был сооружен мост для переправы через р. Араз, который, по предположению К.Босворта, был построен в предвкушении вторжения на территории Раввадидов [202, 169].

К.Босворт свидетельствует, что в конце X – начале XI вв. местные принцы Аррана находились в затруднительном положении из-за Шаддадидов, обосновавшихся в Гяндже. Некоторые из принцев Аррана даже пытались путем брачной дипломатии с Раввадидами сохранить свои позиции перед возникшей угрозой в лице Шаддадидов [198, 522].

Последующая история государств Раввадидов, Шаддадидов и Ширваншахов будет подробно рассмотрена далее в контексте с общественно-политической ситуацией в Азербайджане накануне миграции сюда Сельджуков.

Так, изучив и проанализировав труды англоязычных исследователей, было установлено, что процесс постепенной дезинтеграции Арабского халифата, в который в указанный период входили земли Азербайджана, не прошел бесследно для последнего. Ослаблением мощи халифата и халифского авторитета поспешили воспользоваться и арабские наместники в Азербайджане. Однако было установлено, что стремления местных князей к отложению и обретению политической самостоятельности от багдадских властей проявлялись и ранее, в частности в поддержке ими главы освободительного движения азербайджанского народа – Бабека. Англоязычными исследователями были предприняты попытки очертить территориальные границы созданных на территории Азербайджана независимых феодальных государств, а также определить этническое происхождение правящих династий. Было выяснено, что феодальные государства Азербайджана вели активные действия по расширению своего влияния, что естественно приводило к столкновению с соседними государствами и нередко мешало реализации восточной политики Византии. В результате проведенного исследования также было установлено, что внутриполитическую ситуацию в государствах осложняли междоусобные войны. Таким образом, несмотря на некоторые недостатки, материалы англоязычной научной историографии позволяют проследить историю создания, расширения территориальных границ, изучить особенности межгосударственных отношений, внутриполитической ситуации и падения феодальных государств Азербайджана.

3.2. Общественно-политическая ситуация в Азербайджане в XI веке. Сельджукское миграционное движение и Азербайджан

XI век в судьбе азербайджанского народа запомнился таким исторически важным событием, как новый миграционный поток тюркских племен огузов. Накануне Сельджукского миграционного движения общественно-политическая ситуация в Арабском халифате, в который, хотя уже и номинально, но все же входили земли Азербайджана, была довольно сложной. Так, С.Лэн-Пуль отмечает, что халифат, некогда объединявший множество земель под единой властью мусульманских правителей, теперь был совокупностью отдельных династий, ни одна из которых не была способна к имперскому правлению. Распространение же ереси лишь усилило распадение халифата [274, 149-150]. Ситуация в Азербайджане также была неблагоприятной для багдадских властей. Отметим, что в указанный период на территории Азербайджана существовали такие крупные независимые феодальные государства, как Раввадидское, Шаддадидское и Ширваншахское. Однако, несмотря на это, междоусобные войны, постоянное соперничество между ними, а также отсутствие политической консолидации благоприятствовали относительно быстрому и легкому продвижению Сельджуков в Азербайджан. В целом, идентичная ситуация была характерна для всего Кавказа в указанный период. Практически повсеместно царил как социально-экономический, так и политический кризис [103, 69; 38, 60].

У.Аллен указывает, что травянистые степи и высокогорные пастбища восточной части Южного Кавказа сильно привлекали кочевников Центральной Азии. Муганская степь в южной излучине Араза еще с античных времен была известна как коневодческая местность. В средние века местность к югу от устья реки Куры стала опорным пунктом и главной базой пополнения лошадей для кавалерии тюрков-сельджуков и монголов [185, 235]. Кроме того, Э.Пикок отмечает, что кампании Сельджуков на Кавказе были продиктованы необходи-

мостью кочевого общества – нуждой в пастбищах, а Мугань и прилегающие территории Аррана были важными гышлагами для Сельджуков. Он указывает на тесную связь между военными кампаниями Сельджуков и местоположением пастбищ. Главной обязанностью главы племени было именно обеспечение соплеменников трофеями и пастбищами [305, 213, 223-225]. К сожалению, данная точка зрения англоязычных исследователей преследует цель доказать, что Азербайджан «тюркизировався» лишь с приходом сюда тюрков-сельджуков. Однако необходимо отметить, что эта концепция устарела и сегодня неактуальна, ибо научно доказано, что Азербайджан испокон веков являлся местом обитания тюркских племен, а с наплывом новых племенных групп тюрков-сельджуков азербайджанские тюрки лишь увеличились в количественном соотношении. Кроме того, отметим, что Сельджуки преобладали на других территориях и первоначально в XI в. местом своего обитания они избрали именно Хорасан, где в 1038 г. и создали свое государство со столицей в Нишапуре [25, 26-27].

Тем не менее, Э.Пикок отмечает, что интерес Сельджуков на Кавказе не ограничивался желанием найти земли вне дар ал-Ислама для разграбления их соплеменниками, т.к. большинство земель, подвергшихся нападению Сельджуков, не только формировали часть мусульманского мира, но и пользовались славой центра джихада. Так, в частности, исследователь характеризует столицу Шаддадидов Гянджу местом притяжения религиозных борцов против византийской угрозы. Э.Пикок отмечает, что ввиду изображения сельджукских султанов в исламских источниках защитниками суннитского толка ислама и строителями медресе, в научной литературе вторжения сельджукских султанов в Анатолию и Кавказ трактуются их попытками установить контроль над их соплеменниками, нежели желанием захвата новых земель и разрушения Византийской империи [305, 207-208, 210-211, 223-225]. К слову, К.Босворт отмечает, что соседство Азербайджана с христианскими государствами обусловило наличие давних

традиций священной войны. Шаддадидский же правитель Абуль Асвар (1049-1067), вторгнувшись в княжество Ани, завоевал славу «борца за веру» [205, 35, 43].

Сельджуки придавали большое значение геостратегическому расположению Азербайджана. Как отмечает П.Гольден, одной из главных целей кавказских кампаний Сельджуков было обеспечение безопасности именно Азербайджана, являвшегося платформой для их дальнейших военных действий, направленных главным образом против их противников в христианском мире [249, 56]. Территория Азербайджана выполняла функцию тыла в военных действиях тюрков-сельджуков по завоеванию Анатолии и Сирии [25, 29-30; 29, 514]. Так, как отмечает Э.Пикок, именно территория Раввадидов, использовалась ими как база для дальнейшего продвижения в Армению и восточную Анатолию, непосредственно в Урмии базировались тюркманы¹ [подробнее об определении слова «тюркман» см.: 6] во время атаки на Армению в 1029 г. [305, 212].

Отметим, что накануне появления Сельджуков в Азербайджане шаддадидский правитель Фазл I (978-1031), по сообщению К.Босворта, был занят активной деятельностью по расширению границ своего государства. Так, в 1022 г. он сумел отвоевать у соседних армянских принцев Двин. Также были захвачены территории к западу от Шамкира. К.Босворт также отмечает военные действия Фазла I с армянскими Багратидами Ташира и грузинскими феодалами. Несмотря на успешное вторжение в грузинские земли в 1030 г., его продвижение далее было пресечено объединенными силами грузинского и армянского царей – Липарита и Давида Безземельного соответственно. Кроме того, в I половине XI в. южнокавказский регион постоянно являлся объектом нападений Византии [202, 169].

К.Босворт и П.Гольден отмечают, что в период правления раввадида Вахсудана (1020-1059) в 1029 г. в Азербайджан прибыла первая волна тюрков-огузов, изгнанных из Хорасана в

¹ После принятия ислама огузы стали называться тюркманами.

1028 г. газневидским султаном Махмудом [199, 228; 249, 54]. Первая группа прибывших огузов под предводительством Буки, Кокташа, Мансура и Даны насчитывала около 2 тыс. шатров [322, 238; 148, 111]. Однако в отечественной историографии установлено, что первые набеги огузов датировались 1015-1016 и 1018-1021 гг. и носили разведывательный характер. В первом случае они коснулись южных земель Азербайджана, а во втором северных – Аррана [103, 67; 8, 214]. Политическая фрагментированность области, по сообщению К.Босворта, создала большие возможности для прибывших тюрок быть нанятыми на службу местными правителями [205, 42-43]. Вторая волна огузов, численно намного превосходившая первую, хлынула в 1038 г. [322, 238]. К.Босворт сообщает интересные сведения о том, что Вахсудан зачислил тюрок-ских конных лучников в разряд иностранных наемных войск с целью использовать их против армянских и грузинских феодалов, а также враждующего мусульманского рода Шаддадидов¹. Вахсудан даже женился на дочери одного из глав огузских племен [205, 32]. Средневековый автор Ибн-ал-Асир сообщает, что Вахсудан доброжелательно их принял и породнился с ними, чтобы избежать дальнейших разорений своих владений [148, 111]. Однако, как отмечает К.Босворт, из-за их недисциплинированности они стали неконтролируемы, а мародерство причиняло вред аграрной системе Азербайджана, вследствие чего вскоре после разграбления огузами Мараги в 1038 г. Вахсудан в союзе с главой курдских племен Абул-Хайджа ибн Рабиб-ал-Давла лишил жизни многих из них. В результате часть огузов переселилась в Мосул и Джазиру. Отметим, что К.Босворт непоследователен в вопросе датировки разграбления Мараги огузами: в одной из своих статей исследователь указывает 1038 г. [199, 228], в другой же (в соавторстве с В.Минорским) – 1029 г. [293, 42]. У.Маделунг указывает 1039

¹Известно, что Вахсудан направил группу огузских племен против шаддадида Лашкари с целью захвата Аррана.

г. [286, 238]. Э.Пикок и вовсе датирует это событие 1040-ым годом [305, 227]. Возможно, причина такой неточности кроется в отсутствии единой даты в самих источниках [подробнее см.: 105, 104; 148, 112]. Тем не менее, по сообщению К.Босворта, группы «тюркских мародеров» продолжали прибывать в Азербайджан [199, 228; 293, 42]. Э.Пикок же указывает, что именно эта резня спровоцировала главную волну наплыва огузов в 40-х гг. XI в. [305, 212].

Кроме того, немалую угрозу местным феодальным государствам в указанный период, впрочем, как и в X в., представляли разрушительные набеги русов. Так, в 1030 г. Ширван подвергся нападению русов, приплывших на 38 судах по Каспию и затем поднявшихся вверх по течению р. Куры. Как указывает К.Босворт, русы нанесли тяжелое поражение ширваншаху Манучехру недалеко от Баку, затем вторглись в Арран, а после ушли в византийские земли, предварительно разгромив Бейлаган [365]. Однако, как отмечают Э.Пикок и П.Гольден, за большие деньги русы были задействованы в усмирении мятежа сына шаддадидского правителя Фазла I – Аскуйи, поднятого в Бейлагане в 1030 г. В итоге, Аскуйа был захвачен и убит, а порядок в Бейлагане был восстановлен [388; 248, 626]. Как сообщает К.Босворт, в указанный период Бейлаган в силу своего приграничного расположения являлся беспокойным местом, где часто вспыхивали беспорядки и восстания против правивших в Гяндже Шаддадидов [358].

Походы русов имели место и в последующие годы. Так, П.Гольден отмечает, что в 1031 г. шаддадидский правитель Муса отразил второе нашествие русов у Баку, выдворив их за пределы своих владений. Очередной раз русы совершили набег на Ширван в 1032 г., но в этот раз уже совместно с аланами и сарирами, которые также были разгромлены в 1033 г. местными мусульманами [248, 626].

Одним из отрицательных факторов, сказавшихся на неспособности правившего в тот период равадидского правителя Вахсудана оборониться от нашествия Сельджуков, было зем-

летрясение 1042 г., унесшее жизни 40 тыс. человек [38, 64]. Разрушения были столь значительны, что, по сообщению К.Босворта и В.Минорского, Вахсудан, испугавшись, что Сельджуки воспользуются его бедственным положением, был вынужден укрыться в другой крепости [293, 42; 205, 33].

Кроме того, активная внешняя политика азербайджанских правителей по расширению сферы своего влияния также отвлекала их внимание от Сельджуков. Так, К.Босворт отмечает, что активные военные действия государства Шаддадидов против армянских и грузинских царей продолжались и в период правления Абуль Гасана Али Лашкари ибн Муса (1034-1049) [202, 169].

Основываясь на сведениях Э.Пикока, можно заключить, что в указанный период царил не только сложная внешнеполитическая ситуация, но и отношения между местными феодальными государствами были довольно напряженными и часто зависели от международной ситуации. Так, Э.Пикок сообщает, что шаддадидский правитель Абуль Гасан находился во враждебных отношениях с раввадидским правителем Вахсуданом, по всей видимости, из-за благожелательного отношения последнего к огузам. Хотя позже исследователь отмечает, что, вероятно, вследствие разлада в отношениях с огузами в 1040 г., Вахсудан лично прибыл в Гянджу и заключил союз с Шаддадидами [388].

Однако, как утверждает Э.Пикок, власть Абуль Гасана не являлась абсолютной, т.к. в Двине с 1022 г. правил его дядя Абуль Асвар Шавур, который вел фактически независимую от Гянджи политику. Так, около 1040 г. он, хотя и безуспешно, пытался установить свою власть над армянскими феодалами, напав на армянского царя Ташира Давида Безземельного, несмотря на родственные связи с ним [388]. Кроме того, во взаимоотношениях Шаддадидов, в частности Абуль Асвара, с армянскими феодалами активную роль играла Византия. Как утверждает Э.Пикок, Византия, проводившая активную восточную политику, подстрекала Шаддадидов на войну с армян-

скими феодалами, рассчитывая, что продвижение Абуль Асвара приведет к сдаче Ани, который в итоге в 1044 г. и был захвачен Византией. Однако византийский император Константин Мономах (1042-1055) не намеревался сдержать свое обещание сохранить за Абуль Асваром все крепости, захваченные им у армянского царя Гагика, и уже в 1045 г. приступил к атаке Двина, что обернулось катастрофой для имперских войск. Дальнейшие попытки Византии покорить Двин в 1046-1047 гг. также оказались безрезультатными [388]. Однако Сельджуки не остались равнодушны к попыткам Византии включить Двин в сферу своего влияния. Э.Пикок отмечает, что сельджукский полководец Кутулмуш в течение года отражал нападения Византии на Двин [305, 213]. Отметим, что феодальные государства Азербайджана и ранее представляли угрозу для Византии в реализации ее восточной политики. Так, К.Холмс отмечает, что сразу после того, как византийский император Василий II Болгаробойца (976-1025) покинул грузинское царство Тао в 1022 г., он направился к востоку от оз. Урмия, где находилось государство Раввадидов, представлявшее для него главную на тот период угрозу [380; подробнее о восточной политике Византии в I половине XI в. см.: 216, 638]. Более того, К.Босворт сообщает, что Абуль Асвар восстановил шаддадидское правление в Арране и Шамкире, именно при нем Шаддадиды достигли былой славы [202, 169].

Отметим, что накануне установления сюзеренитета Сельджуков над азербайджанскими государствами внутривосточная ситуация в государствах не была стабильна. Так, как отмечает Э.Пикок, в 1049 г. Абуль Асвар, совершив государственный переворот в Гяндже, узурпировал власть у правившего там Ануширвана. В 60-х гг. XI в., по сообщению исследователя, ситуацию осложнило нашествие с севера алан, в результате чего Абуль Асвар был вынужден укрепить Гянджу. Межгосударственные же войны за расширение сферы влияния также не прекращались. Так, в 1063-1064 гг. он возглавил ряд военных кампаний в Ширван [388].

Особое внимание следует уделить характеристике К.Босвортом генеалогического древа Шаддадидов. К сожалению, исследователь допустил ряд грубых ошибок в восстановлении родословной Шаддадидов. Так, К.Босворт ошибочно называет Абуль Гасана сыном Фазла I, в то время как он был его внуком, сыном Мусы. Также К.Босворт утверждает, что Абуль Асвар Шавур являлся братом Абуль Гасана [202, 169], на самом же деле он был его дядей, сыном Фазла I [подробнее смотри генеалогическую таблицу Шаддадидов: 306, 222; 171, 280].

Более того, К.Босворт отмечает, что Абуль Асвар был последним независимым правителем Шаддадидов [202, 169], что не соответствует исторической действительности, ибо конец правлению Шаддадидов в Гяндже был положен лишь в 1075 г., а до этого после смерти Абуль Асвара, сменяя друг друга, правили Фазл II, Ашот и Фазлун. Однако в одной из своих монографий в приведенной генеалогической таблице династии Шаддадидов после Абуль Асвара он указал Фазла II и Фазлуна, пропустив короткое правление Ашота [204, 90].

К.Босворт сообщает, что, несмотря на то, что уже в I трети XI в. тюрки-огузы заволокли территорию Азербайджана, сельджукский султан Тогрул-бек (1038-1063) лишь в 1054 г. решил установить свой контроль над Азербайджаном и Арраном, а также поставить мелких правителей Северо-Западной Персии и восточной части Южного Кавказа (причем, Арран, Азербайджан, Северо-Западная Персия и восточная часть Южного Кавказа у исследователя приведены как абсолютно отдельные области, но не как азербайджанские земли – Л.К.) в положение вассалов [200, 470]. П.Гольден отмечает, что продолжительные набеги Сельджуков в регион до этого носили разведывательный характер и показали, насколько были государства уязвимы в плане обороноспособности [249, 56]. Кроме того, лишь после разгрома газневидских сил при Данданакане в 1040 г. Сельджуки приступили к активной экспансионистской политике на западе, а также последовало массовое пересе-

ление тюркских племен в Переднюю Азию, на Кавказ включительно [105, 105; 103, 69; 50, 368-370; 28, 22], а в 1055 г. политически ослабевший аббасидский халиф ал-Каим (1031-1075) был вынужден даровать Тогрул-беку титул «царя Востока и Запада» [341, 44]. Так, раввадидский правитель Вахсудан в 1054 г. был вынужден признать сюзеренитет Тогрул-бека и направить к нему в качестве заложника своего сына [199, 228; 148, 117]. К.Босворт сообщает, что даже несмотря на то, что старший сын Вахсудана Мамлан был утвержден самим Тогрул-беком на территориях своего отца в 1058 г., дни династии как автономной власти были сочтены [200, 470]. Так, уже в 1062 г. Мамлан II также был вынужден признать сюзеренитет Тогрул-бека, а после победы над Византией при Манцикерте в 1071 г. султан Алп Арслан (1063-1072) низложил Мамлана, однако следующий член раввадидского рода Ахмадиль ибн Ибрагим ибн Вахсудан удерживал Марагу в качестве феодального владения Сельджуков. Он также принимал участие в войне против крестоносцев в Сирии. После смерти Ахмадила в 1116 г. его имя было увековечено родом его тюркских гуламов – Ахмадилидами, правившими в Мараге в качестве атабеков на протяжении XIII в. К.Босворт указывает, что династия Раввадидов просуществовала вплоть до времен Ильханидов в начале XIV в. [200, 470; 205, 33-34; 199, 228].

В планы Сельджуков входило также установить свой сюзеренитет и над Шаддадидами. Так, в 1047-1048 гг., как сообщает Э.Пикок, даже недавно установленные союзнические отношения между раввадидом Вахсуданом и шаддадидом Абуль Гасаном не смогли предупредить осады Гянджи сельджукским полководцем Кутулмушем, хотя он и был вынужден отступить спустя 18 месяцев [388]. Отметим, что К.Босворт датирует осаду Гянджи огузами 1045-1046 или 1046-1047 годами [202, 169]. К тому же, К.Босворт сообщает, что лишь приближение византийской и грузинской армий облегчило положение Абуль Гасана (1034-1049). Также К.Босворт указывает, что сразу после того, как султан Тогрул-бек сделал Рав-

вадидов своими данниками в Тебризе, он прибыл в Гянджу в 1054 г., и Абуль Асвар также стал его вассалом. В последующем Абуль Асвар принимал участие в продвижении Сельджуков в Арминию и Восточную Анатолию [202, 169]. Однако Э.Пикок отмечает, что признание Абуль Асваром суверенитета султана Тогрул-бека незначительно сказалось на Гяндже, т.к. ни имя Тогрул-бека, ни его преемника Алп Арслана не упоминалось на монетах Абуль Асвара. Тем не менее, исследователь указывает, что положение Шаддадидов очевидно было слишком слабым, т.к. Абуль Асвар не сумел оказать помощь обратившемуся к нему населению Тифлиса – основного мусульманского оплота на Кавказе [388].

Тогрул-бек назначил своего племянника Йагути управлять Азербайджаном, хотя местные государства, находившиеся в вассальном положении от Сельджуков, сохранили свою внутреннюю самостоятельность [29, 519]. К.Босворт, хотя и отмечает, что передача Аррана и Азербайджана под управление приближенного к самому султану человеку, свидетельствует о большой значимости региона, тем не менее, допускает неточности, указав вместо Тогрул-бека Мелик-шаха и назвав Йагути двоюродным братом Мелик-шаха [205, 94-95], в то время как он являлся племянником Тогрул-бека, сыном Чагры-бека. Необходимо отметить, что тот факт, что поначалу Сельджуки довольствовались принятием вассалитета местными правителями и сохраняли их на престоле, отчасти связано с культурной отсталостью Сельджуков, даже их визиры были из числа других народов, к примеру, перс Низам ал-Мульк [105, 109-112]. Кроме того, эта практика позволяла Сельджукам концентрировать все свое внимание на дальнейшем завоевательном процессе [103, 70].

П.Гольден отмечает, что установление султаном Тогрул-беком в 1054 г. своего сюзеренитета над государствами Раввадидов и Шаддадидов являлось подготовкой к вторжению в христианские государства Южного Кавказа. Уже в 1055-1056 гг. Абуль Асвар, на положении вассала султана, атаковал ар-

мянских правителей. Грузинский же царь Баграт IV (1027-1072) вошел в союз с аланами с целью нанести удар шаддадидскому Аррану в 1062 и 1065 гг., однако большого успеха он не имел. П.Гольден указывает, что на грузинских землях шаддадидский правитель Фазлун¹ часто действовал в интересах султана Алп Арслана [249, 55-56].

В 1064 г. Алп Арслан начал большую кавказскую кампанию, завершившуюся захватом Ани. Однако Э.Пикок указывает, что Сельджуки не преследовали цели установить постоянный контроль над захваченными крепостями и городами Кавказа, приводя в качестве доказательства факт передачи Алп Арсланом управления Ани Абуль Асвару [388]. Кроме того, в 1068 г., захватив Тифлис, Алп Арслан также передал его шаддадиду Фазлу II (1067-1073) [294, 29], бывшему правителю Гянджи. Столь благосклонное отношение Сельджуков к Шаддадидам объясняется активной борьбой последних с Византией за Кавказ, что было лишь на руку Сельджукам, проводившим политику расширения сферы своего влияния в западном направлении, а также обладанием Шаддадидами значимыми торгово-транзитными и военно-стратегическими путями [103, 77-78].

Кроме того, Э.Пикок указывает на сложную внутривосточную ситуацию в государстве Шаддадидов накануне вхождения их земель в состав Сельджукской империи. Исследователь отмечает, что правление Фазла II было прервано ненадолго его пленением грузинской стороной, в результате чего на троне временно воцарился его брат Ашот. Лишь спустя 8 месяцев, в течение которых Арран был разорен тюрками и Ширваншахами, Фазл II был восстановлен на троне. Однако Э.Пикок отмечает, что за этот период положение Ашота столь укрепилось, что на монетах рядом с именем Алп

¹ По всей видимости, Э.Пикок под Фазлуном подразумевает Фазла II (1067-1073), т.к. временные рамки правления Фазлуна (1073-1075) не совпадают с указанными автором событиями.

Арслана указывалось и его имя, что указывает на то, что Ашот чувствовал себя более чем регентом [388].

К.Босворт отмечает, что разногласия в правящей семье Шаддадидов были очевидны сельджукскому военачальнику Савтегину, прибывшему в Арран в 1068 г. Уже во время второго появления Савтегина в 1075 г. правлению Фазлуна был положен конец, а территории Шаддадидов были присоединены к Империи Великих Сельджуков [202, 169-170; 199, 228]. В качестве компенсации Фазлун был наделен Астрабадом [388]. Однако в англоязычной научной литературе, за исключением Э.Росса, К.Босворта и П.Гольдена, ничего не сообщается о том, что лишенный престола Фазлун не смирился с отстранением от власти и продолжил борьбу с Сельджуками, что сделало необходимым появление султана Мелик-шаха на Кавказе в 1086 г. К.Босворт указывает, что Мелик-шах не хотел упустить из-под своего влияния Азербайджан, ибо осознавал, насколько выгоден был он Сельджукам в геостратегическом плане, ведь именно Азербайджан являлся базой пополнения запасов сельджукских эмиров, воюющих в Анатолии. В итоге Гянджа вторично была захвачена Сельджуками в 1088 г., а сам Фазлун был пленен сельджукским полководцем Бузаном, проведя в заточении в Багдаде вплоть до самой своей смерти в 1091 г. Так, наступил конец правлению Шаддадидов в Гяндже [205, 95; также см.: 306, 225; 249, 57].

Однако, как утверждает К.Босворт, на этом династия Шаддадидов не прекратила своего существования. Другая ветвь Шаддадидов, установленная Сельджуками в Ани, продолжалась еще около века. Основателем анийской ветви стал Абу Шудджа Манучехр ибн Абуль Асвар, начавший, по утверждению К.Босворта, править в Ани около 1072 г., если не ранее [202, 170]. Э.Росс, основываясь на средневековых источниках, отмечает, что Шаддадиды купили Ани у Сельджуков. Так, Алп Арслан, захвативший Ани в 1064 г., продал город в 1072 г. эмиру Двина Фазлуну, который доверил управление городом своему внуку Манучехру [306, 216]. Последнее упоминание

анийской ветви Шаддадидов, согласно Э.Пикоку, относится к 1198-1199 гг., уже к 1200 г. город был передан грузинской царицей Тамар христианской семье Мхаргрздели. Необходимо отметить утверждение Э.Пикок, указывающего, что, несмотря на прославленные богатства Ани, анийская ветвь Шаддадидов так и не сумела достичь былого превосходства своих предшественников в Гяндже. Лишь в период правления первого правителя Манучехра чеканились какие-либо монеты, да и то медные, с простой надписью имен Манучехра и Меликшаха, подчеркивая подчинение Шаддадидов Сельджукам, что являлось совершенной противоположностью серебряных монет, чеканенных в Гяндже при Фазле I, Абуль Асваре I и др. [388].

Кроме того, Сельджуки не обошли стороной и Ширваншахов. К.Босворт и Э.Пикок отмечают, что именно с угрозой, исходящей от Сельджуков, было связано возведение ширваншахом Губадом ибн Йазидом (1043-1049) в 1045 г. каменной стены с железными воротами вокруг Йазидийи, а также работы по строительству фортификационных сооружений в других городах [205, 33; 305, 223-224]. До этого за оказанное Сельджукам сопротивление Шемаха была жестоко разграблена, последствия разрушений были ликвидированы лишь при ширваншахе Кубаде (1043-1049) [162, 40]. Также К.Босворт указывает, что к 1066 г. ширваншах Фарибурз ибн Саллар (1063-1096) был вынужден выплатить контрибуцию Сельджукам, чтобы удержать тюркманов под главенством Каратегина, разграбившего Йазидийу, Маскат и Баку. Уже в 1067 г. Фарибурз подчинился султану Алп Арслану, обязавшись выплачивать ежегодную дань в 70 тыс. динаров, впоследствии сниженную до 40 тыс. Уменьшение суммы годового налога, взимаемого Сельджуками с Ширваншахов, объясняется особым отношением первых к последним, обусловленным их геостратегическим расположением. Сельджуки даже оказывали Ширваншахам помощь в феодальных войнах, что в свою очередь привело к ослаблению их вассального положения от Сельджуков

[54, 18-19]. Монеты, чеканенные Фарибурзом, свидетельствуют о том, что последний наряду с аббасидским халифом призывал и Мелик-шаха [365; 190, 488]. Более того, Фарибурз участвовал в кампании Алп Арслана на грузинских землях [249, 56].

Так, Дербент и Арран на правах икты были дарованы сельджукскому полководцу Савтегину [388; 239, 660; 305, 223-224]. При Мелик-шахе в Азербайджане был создан Сельджукский эмират со столицей в Гяндже, где обосновался сын султана Мухаммед Тапар [48, 395]. Кроме того, начиная со времени правления Мелик-шаха Азербайджан и Арран были объявлены «страной наследника престола» или «санджаком» сельджукских принцев, готовящихся стать великими султанами [29, 514, 519].

Ввиду большого научного интереса особое внимание хотелось бы уделить характеру миграции тюрков-сельджуков на территорию Азербайджана. Так, как отмечает К.Босворт, несмотря на то, что уже в I трети XI в. тюрки-огузы в большом количестве наводнили Азербайджан, к установлению своей власти, да и то в форме сюзеренитета, они приступили лишь во II половине XI в. [200, 470]. Причину этого Э.Пикок видит в кочевом образе жизни, сказавшемся как на характере завоеваний Сельджуков, так и на форме их управления. Кроме того, по сообщению исследователя, немаловажную роль в этом сыграли и внутрдинастийные противоречия правящей клики Сельджуков, в частности борьба за власть. Так, Э.Пикок сообщает, что ко времени восхождения на трон султана Тогрулбека (1038-1063) в Азербайджане уже насчитывалось около 40 тыс. переселенных тюркманов *Iraqiyu'ah* – сторонников сына Сельджука Арслана Исраиля, которые как и Кутулмуш, которому в 1038 г. было поручено управление Кавказом, находились в недоброжелательных отношениях с султаном, сумевшим возвыситься пока Арслан находился в заточении у газневидского султана Махмуда. Долгую осаду Гянджи Кутулмушем и экспедицию против Угайлидов, завершившихся неудач-

но, Э.Пикок связывает именно с тем, что султан не вызывал у Кутулмуша энтузиазма. Как отмечает Э.Пикок, верность Кутулмуша султану была лишь делом целесообразности. Поддержка Кутулмуша осевшими на Кавказе тюркманами была столь сильна, что было бы невозможно с легкостью пресечь здесь его влияние. Со смертью султана Тогрул-бека в 1063 г. ситуация обострилась. Несмотря на то, что в итоге новым султаном стал Алп Арслан, Кутулмуш, поддерживаемый 50 тыс. тюркманов, также провозгласил себя султаном, но был разгромлен и умер в бегах. Э.Пикок указывает, что, хотя тюркманы *Iraqiyyah* номинально и были подчинены Тогрул-беку, они всегда сопротивлялись любым попыткам султана распространить свою власть на них. Вот почему, как утверждает Э.Пикок, Алп Арслан во время кампании 1064 г. проявлял мало интереса в приобретении территорий на постоянной основе, в качестве примера можно привести факт передачи одного из важнейших городов региона Ани Шаддадидам, т.к. в приоритете для султана было добиться лояльности тюркманов *Iraqiyyah*, ранее поселившихся на Кавказе. Сопровождение же султана ключевой фигурой государства визирем Низам ал-Мюльком лишний раз доказывает, что основной целью этой кампании было не мародерство, а установление султанской власти над соплеменниками [305, 208, 216-221, 225]. Кроме того, причиной побега огузов, являвшихся подданными Тогрул-бека и Дауда, из Рея в Азербайджан в 1042 г. было именно приближение Ибрагима Инала [105, 113].

Одними из главных последствий нового потока тюркских племен огузов из Средней Азии в Азербайджан и включения последнего в состав империи Великих Сельджуков были, как отмечает П.Гольден, стремительные изменения этнолингвистического характера, в частности «тюркизация» Азербайджана [249, 45]. Однако, как известно, Азербайджан издревле являлся тюркской землей [51, 166-174, 178; 2; 4; 16]. Следовательно, утверждение П.Гольдена, Л.Джохансена и К.Босворта о том, что этническая тюркизация Азербайджана началась в XI в. с

прибытием сюда Сельджуков [199, 225; 198, 522; 249, 45; 264, 166] в корне ошибочно и не соответствует исторической действительности, причем, Э.Лэмбтон утверждает, что численность участвовавших в сельджукской миграции ограничивалась несколькими десятками тысяч человек [142, 130]. Даже если предположить, что местное население Азербайджана преимущественно было не тюркского происхождения, то этот факт не подтверждает того, что поселение тюрков-огузов здесь привело к тюркизации, т.к. пришельцы в количественном соотношении сильно уступали местному населению, что в свою очередь никоим образом не могло нарушить принцип этногенетической непрерывности на территории Азербайджана [180, 38]. На протяжении многих веков земли Азербайджана испытывали на себе влияние миграционных процессов и подвергались нашествию тюркоязычных племен, которые в свою очередь принимали активное участие в этногенезе азербайджанцев. Появление же тюрков-сельджуков лишь внесло свою лепту в многовековой процесс формирования азербайджанского тюркского народа и азербайджанского тюркского языка и еще более усилило тюркскую доминанту [29, 514; 103, 172-173]. Так, Дж.Бучан объективно отмечает, что с нашествием и обоснованием в Азербайджане в XI в. Сельджуков тюркское население Ширвана, Аррана и Мугани лишь увеличилось в количественном соотношении [209, 229]. К тому же, тюркский компонент был столь силен, что проводимая сперва сасанидскими, затем и арабскими властями в течение долгих шести столетий политика насильственной этнокультурной ассимиляции азербайджанского населения провалилась. В отечественной историографии было научно доказано, что среди киммеров, скифов, саков, игравших большую роль в военно-политической истории Азербайджана начиная с конца VIII – начала VII вв. до н.э., присутствовал сильный тюркский компонент [24, 10-11], который в дальнейшем при булгарах, сабирах, хазарах и огузах лишь усилился [103, 172]. Кроме того, еще в начальные века нашей эры тюркские этносы, среди которых

преобладали огузы, играли главную роль в процессе формирования единого народа. Тюркские племена преобладали как на севере, так и на юге страны. Поэтому начиная с первых столетий нашей эры тюркский язык превратился в главное средство общения между малочисленными не тюркскими народами и этническими группами, населявшими территорию Азербайджана, тем самым он сыграл консолидирующую роль между севером и югом страны, что соответственно повлияло на формирование единого азербайджанского народа, т.к. в указанный период в Азербайджане, отличающемся своей полиэтничностью, не было единой религии. Так, Р.Фрай отмечает, что как следствие массового заселения азербайджанских земель тюрками со временем тюркский язык вытеснил все остальные [239, 660]. Отдельную признательность следует выразить тюркскому государству Саджидов, в период существования которого впервые удалось объединить все азербайджанские земли под единым управлением. Так, тюрки являлись главными носителями азербайджанской государственности. Именно тюркство стало основным фактором, приведшим к этнополитической и культурной унификации всех областей доисламского Азербайджана. С нашествием же Сельджуков тюрки-огузы превратились в главный этнополитический фактор на всем Южном Кавказе и Передней Азии. Отныне тюрко-исламский фактор стал играть определяющую роль по всему Ближнему и Среднему Востоку. Таким образом, процесс формирования азербайджанского народа, в котором главную роль сыграли тюрки-огузы, был завершен, а азербайджанский тюркский язык, вытеснив арабский и персидский языки, превратился в общенародный язык во всем Азербайджане [24, 17, 19-20, 22-23, 25-26; 8, 216]. К тому же, азербайджанские огузы сыграли большую роль не только в захвате Сельджуками Анатолии и Сирии, но и в их дальнейшей тюркизации, т.к. большая часть огузов-тюркманов осела именно в Азербайджане [28, 27-28; 29, 514]. Следовательно, ДНК-исследования, проводимые в последние годы как западными, так и иранскими

исследователями, показавшие, что якобы азербайджанцы генетически более близки соседним кавказским народам, чем иным представителям тюркской языковой семьи, а также якобы азербайджанский язык привнесен извне в результате лингвистической «миграции» в XI в., не отражают историческую действительность. К тому же, именно на территории Азербайджана сформировался и распространился шедевр не только азербайджанской, но и общетюркской литературы героический эпос «Китаби Деде Горгуд».

Кроме того, П.Гольден свидетельствует и об отрицательных последствиях сельджукского правления, в частности, в области экономического развития. Самих вторжений было достаточно для серьезного подрыва местной экономики. Поселение же тюркских племен *en masse* на захваченных территориях, по мнению исследователя, привело к превращению сельскохозяйственных земель на местах в кочевые пастбища. Огромным владениям пришел конец, т.к. тюркская экономика была мало заинтересована в крупном хозяйстве, и земли дарились в качестве икта местным бекам и слугам династии. Система икта невольно способствовала активизации центробежных сил, которые главным образом впоследствии привели к падению империи Сельджуков [249, 57-58]. Турецкий исследователь О.Г.Озгюденли, ссылаясь на сведения поэта того периода Амак-и Бухари, сообщает, что вторжения тюрков-огузов нанесли большой вред сельской и городской жизни и именно поэтому сельджукские султаны дабы не допустить дальнейших разрушений старались удерживать тюркманские племена на востоке Хорасана или направлять их на Византию, миновав территорию Азербайджана и тем самым причинив минимальный ущерб его городской культуре [49, 372].

Отметим, что отрицательной стороной англоязычных исследователей является то, что им свойственен пессимистический настрой относительно дальнейшего социально-экономического развития покоренных Сельджуками земель, в том числе Азербайджана. Они, исходя из кочевого образа жизни и нату-

рального хозяйства Сельджуков, склонны игнорировать позитивные изменения как в хозяйственной жизни подчиненных народов, так и самих Сельджуков под влиянием обществ, стоящих на более высоком уровне развития как в экономическом, так и в культурном отношении. Лишь Э.Лэмбтон объективно оценила ситуацию, подчеркнув, что миграция Сельджуков не привела к упадку в социально-экономической сфере. Касаясь непосредственно Азербайджана, она отмечает, что в целом страна процветала при Сельджуках, в качестве подтверждения Э.Лэмбтон указывает на значительное увеличение доходов по сравнению с предыдущим и последующим периодом: если при Сельджуках и атабеках доход с Азербайджана составлял около 2 млн. динаров, а с Аррана и Мугани (при Мелик-шахе) – 3 млн. динаров, то уже в 1335 г. он снизился до 303 тыс. новых динаров. Ссылаясь на сведения Ибн Хаукаля, Э.Лэмбтон указывает и на расцвет таких городов, как Тебриз, Хой и Салмас [142, 136-137]. Действительно, даже в самих средневековых арабских источниках, в частности у Ибн ал-Асира, отмечается, что в указанный период Азербайджан являлся страной богатой деньгами и людьми [цитирую Ибн ал-Асира по: 12, 226]. Именно в этот период Азербайджан превратился в один из значимых культурных центров Ближнего и Среднего Востока [22, 106].

Динамика прогрессивного развития покоренных земель, а именно развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли, науки и культуры, товарно-денежных отношений, рост и расцвет городов Азербайджана во II половине XI – XIII вв., являвшихся признаками развитого восточного феодализма, лишний раз подтверждают вышесказанное [подробнее см.: 103, 104-107; 151, 34-49; 55, 25-61; 25, 54-117; 17, 39-43; 163; 12, 208-227, 248-261; 22, 106-145].

Итак, комплексное изучение произведений англоязычных исследователей позволило определить исключительную роль Азербайджана в планах Сельджуков по реализации своей экспансионистской политики в западном направлении, в частнос-

ти, была акцентирована роль выгодного геостратегического положения Азербайджана. Кроме того, была установлена прямая зависимость характера сельджукского продвижения на территории Азербайджана от внешних и внутренних факторов, а именно от угрозы внешних врагов в лице Газневидов и христианского блока, а также от противоречий в среде самой правящей элиты Сельджуков. Среди основных последствий сельджукской миграции англоязычными исследователями был выделен именно процесс тюркизации Азербайджана, что, в свою очередь, не соответствует исторической действительности, ибо исторически Азербайджан был родиной тюркских племен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Азербайджанский народ обладает богатым историческим прошлым. Исследуемый нами период раннего средневековья в истории Азербайджана запомнился такими судьбоносными событиями, как вхождение земель Азербайджана в состав Сасанидской империи в III в., а в VII в. – в состав Арабского халифата и, как следствие, установление почти 600-летнего периода сперва сасанидского, а впоследствии арабского господства, освободительная борьба хуррамитов под предводительством Бабека, создание независимых феодальных государств и Сельджукское миграционное движение. Необходимо отметить, что, несмотря на политику культурно-идеологической ассимиляции как со стороны Сасанидов, так и арабов, длившуюся на протяжении достаточно длительного времени, боевой дух и традиции государственности азербайджанского народа остались непоколебимы. Появление независимых феодальных государств на территории Азербайджана служит тому явным доказательством. Напротив, объединение земель Азербайджана в пределах одного государства способствовало дальнейшему социально-экономическому развитию, а также внесло свою лепту в процесс формирования как единого азербайджанского народа, завершившегося с появлением Великих Сельджуков, так и азербайджанского тюркского языка. Распространение же со временем ислама лишь ускорило процесс этнолингвистической и культурной унификации как различных областей, так и этнических групп Азербайджана. Именно под знаменем ислама государства Азербайджана вели борьбу с христианским блоком в лице Византии, армянских и грузинских феодалов, посягавших на территориальную целостность азербайджанских земель.

Следовательно, освещение столь важных исторических реалий средневекового Азербайджана, являющегося в настоя-

щее время не только одним из крупных, но и ведущих тюркских государств на международной арене, в англоязычной научной литературе представляет большую научную важность и актуальность.

На основе критического исследования и анализа материалов англоязычной историографии было установлено, что религиозная политика сасанидского шаха Йездигерда II, пытавшегося насадить государственную религию Сасанидской империи – зороастризм – среди подвластных народов Южного Кавказа, носила политизированный характер. Такие англоязычные исследователи, как Р.Гиршман, Р.Фрай, С.МакДонаф и Р.Уотерфильд, сумели дать объективную оценку событиям и указать, что зороастризм являлся «инструментом» в руках шаха для дальнейшего социально-экономического и политического закабаления южнокавказских народов, составной частью геополитической стратегии сасанидских шахов, основной целью которых было не допустить установления на Кавказе гегемонии своего главного врага – Византии. Тем не менее, отсутствие надлежащего научного анализа социально-экономических предпосылок антисасанидской борьбы умаляет научную ценность материалов англоязычной историографии в освещении данной проблемы. Отрицательной стороной англоязычных исследователей является также игнорирование ими значительной роли азербайджанского населения в антисасанидской борьбе кавказских народов II половины V в., основной причиной чему является то, что англоязычные исследования главным образом опираются на армянские источники и недостаточно используют информацию, содержащуюся в албанских источниках.

Изучение материалов англоязычной научной литературы показало, что с вхождением в состав Сасанидской империи земли Азербайджана стали неотъемлемой частью сперва римско-сасанидской, а затем и византийско-сасанидской борьбы за сферы влияния на Кавказе, представлявшим для обеих противоборствующих сторон большую важность как в экономическом, так и в геостратегическом отношении.

Освещение в англоязычной историографии особенностей захвата арабами земель Азербайджана показало, что заключение арабскими завоевателями мирного договора с Азербайджаном не привело к непосредственному установлению здесь безраздельного арабского господства, среди основных причин чего можно перечислить восстание местного населения против арабской власти, сделавшее необходимым вторичное завоевание, и постоянные вторжения хазар. Как и в византийско-сасанидском противостоянии, так и в реализации арабами экспансионистской политики в восточном направлении, ввиду выгодного геостратегического положения англоязычные историки придают Азербайджану исключительное значение, хотя датировка захвата Азербайджана довольно противоречива ввиду отсутствия единой даты в самих средневековых арабоязычных и персоязычных источниках, на которые они ссылаются. Изучение материалов англоязычной научной литературы позволяет установить, что непосредственной причиной относительно быстрого завоевания Азербайджана была политическая раздробленность и, как следствие, отсутствие политической силы, способной противостоять арабским завоевателям. Отличительной чертой северных земель Азербайджана было то, что даже после установления здесь арабской власти местные династии продолжили свое полунезависимое существование при условии признания верховной власти арабов. Снисходительное же отношение халифата к Азербайджану англоязычные исследователи объясняют исключительным геостратегическим положением Азербайджанской Албании, являвшейся естественным «барьером» хазарским вторжениям, политическим престижем албанского князя Джаваншира и прохождением международных торговых путей. Тем не менее, материалы англоязычной историографии свидетельствуют и о сложной общественно-политической ситуации в Албании, в результате чего Джаваншир в зависимости от расстановки политических сил на международной арене был вынужден лавировать между Арабским халифатом, Византией и хазарами и вступать в союзнические отношения то с одним, то с другим из них.

Комплексное исследование англоязычной научной литературы показало, что в Азербайджане, как и в остальных провинциях халифата, отсутствовала унифицированная система налогообложения. Арабская администрация сохранила сасанидскую дуальную систему обложения. Тот факт, что статус *«ахль аль-китаб»*, к которым по закону шариата причислялись христиане и иудеи, был распространен и на население Южного Азербайджана, исповедовавшего главным образом зороастризм, англоязычные исследователи связывают с геостратегической значимостью этой области.

Освещение в англоязычной историографии переселенческой политики арабской администрации показало зависимость ее от ряда внутренних и внешнеполитических факторов, геостратегического расположения области. Было установлено, что арабская администрация преследовала несколько целей: усилить на новых территориях свою социальную опору, удалить недовольных центральной властью арабов, наделить земельными участками безземельных соплеменников, исламизировать местное население (причем, было доказано, что первоначально исламизация не носила насильственного характера вопреки распространенному мнению), защитить границы и поддержать порядок в недавно приобретенных землях. Англоязычные исследователи свидетельствуют, что процесс заселения земель Азербайджана арабами начался лишь после окончательного завоевания и упрочения здесь арабской власти. Кроме того, материалы англоязычной историографии позволяют проследить обусловленность активизации переселенческого процесса как внешней, так и внутренней угрозой арабской власти здесь. Так, англоязычные исследователи указывают, что процесс находился в прямой зависимости от угрозы, исходящей от северных соседей Азербайджана – хазар, на протяжении долгих десятилетий стремившихся к установлению здесь своего господства. Приостановлена же эмиграция арабских племен сюда была в связи с начавшимся продолжительным освободительным движением хуррамитов под главен-

ством Бабека, перетянувшим на себя все внимание арабской администрации. К тому же, было установлено, что контингент прибывавших в Азербайджан арабских переселенцев также напрямую зависел от правящей династии, т.к. каждая династия стремилась заселить новые земли своими сторонниками. Однако консервативность арабской родоплеменной организации проявилась и в Азербайджане, в частности в изолированности арабских переселенцев от местного населения, что в свою очередь привело к их ассимиляции местным населением. Одним из основных последствий переселения арабских племен в Азербайджан англоязычные исследователи указывают появление независимых династов из их числа.

Хотя в англоязычной научной литературе не нашли своего отражения положительные последствия объединения земель Азербайджана как под властью Сасанидов, так и в составе Арабского халифата, распространения единой религии – ислама – как на северных, так и на южных землях Азербайджана, сыгравшего роль объединяющего фактора в формировании азербайджанского народа и единого азербайджанского языка, тем не менее, хотя и поверхностно, отмечается след, оставленный языком, религией, традициями и обычаями арабских завоевателей как в этнополитической, так и в культурной жизни Азербайджана.

Комплексное изучение и критический анализ материалов англоязычных исследователей показал, что основные причины предвзятого отношения и необъективного отражения в англоязычной историографии одной из героических страниц истории азербайджанского народа – освободительного движения хуррамитов под предводительством Бабека – кроются в отсутствии должного внимания освещению политических и социально-экономических предпосылок, которые в свою очередь определили цели и характер борьбы. Поэтому, как следствие, в англоязычной научной литературе движение хуррамитов характеризуется «религиозной антиисламской борьбой», игнорируется его освободительный характер, основной причи-

ной чего является отсутствие критического анализа исследователями средневековых арабских и персидских источников, пронизанных выраженной неприязнью к хуррамитах и Бабеку в частности.

Несмотря на то, что при изучении освободительного движения хуррамитов было использовано большое количество монографий и научных статей англоязычных исследователей, пожалуй, нет ни одного автора, привлечшего при освещении данной проблемы труды отечественных исследователей и местные источники, что в свою очередь не только умаляет освободительный характер движения, но также является одной из причин искажений исторических реалий Азербайджана на международном уровне. Примечательно, что между трудами англо-язычных исследователей, тем или иным образом затрагивавших данную проблему, изданных как в середине XIX в., так и в последние 30-40 лет, не наблюдается принципиальной разницы в характеристике движения хуррамитов. Как полтора века назад, так и сейчас, движение трактуется «религиозной борьбой». Определенную тенденцию связать причины хуррамитского движения с тяжелым социально-экономическим положением азербайджанского народа и борьбой с засильем арабов можно наблюдать лишь в трудах П.Кроун, Б.Льюиса и М.Уиттоу.

Изучив общественно-политическую историю Азербайджана во II половине IX – XI вв. на основе материалов англоязычной научной литературы было установлено, что ослабление халифского авторитета в Азербайджане, как и в остальных провинциях, неминуемо привело к созданию независимых от Багдада политических образований – независимых феодальных государств. Было доказано, что, в отличие от других областей халифата, в Азербайджане стремления местных князей к политической самостоятельности наблюдались намного раньше и, в частности, проявлялись в поддержке ими главы освободительного движения хуррамитов – Бабека, стремившегося положить конец арабскому господству в Азербайджане. Тем не менее, по мнению англоязычных исследователей, вви-

ду постоянных междоусобных войн, напряженных межгосударственных отношений, активной внешней политики местных правителей, вмешательства Византии, являвшихся препятствиями на пути строительства сильной государственной власти, независимым феодальным государствам Азербайджана, даже такому сильному, как Саджидскому, впервые за долгое время сумевшему объединить воедино как северные, так и южные земли Азербайджана, не удалось долго продержаться на политической арене. Кроме того, сожаление вызывает тот факт, что в исследованиях англоязычных ученых не нашла своего отражения оценка положительных последствий создания независимых феодальных государств и объединения в их пределах всех азербайджанских земель.

Освещая новый миграционный поток в Азербайджан тюрков-огузов, англоязычные исследователи отмечают, что именно ввиду исключительного геостратегического расположения земель Азербайджана последний был выбран Сельджуками в качестве основной базы для дальнейших военных кампаний в западном направлении. Кроме того, исследование показало, что Сельджуков с правителями местных государств связывали взаимовыгодные отношения: прибывшие тюрки-огузы являлись боевой силой азербайджанских правителей против своих врагов, сами же главы азербайджанских феодальных государств стали незаменимыми союзниками Сельджуков в борьбе с христианским блоком, главным образом с Византией, за установление гегемонии на Кавказе, причем, их борьба проходила под знаменем борьбы ислама с христианством. Тот факт, что, несмотря на пребывание на территории Азербайджана в большом количестве прибывших тюрков-огузов уже в I трети XI в., Сельджуки приступили к установлению своего сюзеренитета лишь в 50-70-х гг. XI в., англоязычные исследователи объясняют как возможностью активизации завоевательной политики Сельджуков в западном направлении лишь после разгрома в 1040 г. их главного врага – Газневидов, разгрома Византии при Манцикерте в 1071 г., так и внутрдинастийными противоре-

чиями, препятствующими акцентированию внимания Сельджуков на установлении здесь своей непосредственной власти.

Утверждения англоязычных исследователей о «тюркизации» Азербайджана в результате поселения здесь в большом количестве тюрков-огузов не соответствует исторической действительности, ибо исторически территория Азербайджана была населена главным образом тюрками. Кроме того, сведения англоязычных исследователей о якобы отрицательных последствиях социально-экономического характера в результате наплыва сюда тюрков-сельджуков также не обоснованны, т.к., общеизвестно, что в IX – XIII вв. как экономика, так и культура Азербайджана переживали бурный расцвет.

Было определено, что наличие существенных искажений, противоречивых сведений, укоренившихся субъективных взглядов англоязычных исследователей на те или иные события истории Азербайджана в период раннего средневековья не только делает дальнейшее изучение материалов англоязычной научной литературы актуальным, но и необходимым с научной точки зрения.

Итак, на основе тщательного исследования и критического анализа материалов англоязычной историографии, а также сопоставления их со сведениями, приведенными в первоисточниках, был изучен широкий спектр концептуальных проблем раннесредневековой истории Азербайджана. Было установлено, что англоязычным исследователям не только свойственно «растворять» историю Азербайджана в истории Ирана, выставляя его составной частью последнего, игнорируя тем самым историю азербайджанской государственности, но и искажать исторические реалии, основная причина чего кроется в ограниченности источниковой и историографической базы их исследований, а именно в не использовании ими албанских источников и трудов отечественных исследователей, что не позволяет англоязычным авторам объективно воспринять и отразить историческую действительность. Кроме того, отрицательной стороной англоязычных исследователей является так-

же отсутствие критического анализа средневековых источников, что в свою очередь противоречит принципу научности и открывает дорогу формированию у них научно необоснованных взглядов на определенные события. Наряду с этим ощущается сильный пробел в изучении англоязычными исследователями социально-экономических сторон тех или иных событий, а также этнокультурных аспектов исторического развития Азербайджана.

Однако, несмотря на все вышеуказанное, результаты проведенного нами исследования материалов англоязычной историографии, не следует рассматривать как конечные, ибо нам, историкам, как служителям своего Отечества, предстоит дальнейшее и более глубокое изучение исторического прошлого азербайджанского народа в западной историографии. На данный момент же в нашу задачу входит путем комплексного исследования отечественной и англоязычной историографии, а также сравнения полученного фактического материала со сведениями первоисточников определить степень изученности основных вопросов раннесредневековой истории Азербайджана, а также выявить заслуги и недочеты англоязычных исследователей в освещении тех или иных принципиальных моментов истории Азербайджана изучаемого периода и посредством выступлений не только на конференциях, семинарах, симпозиумах международного уровня, но и публикаций научных статей, отражающих результаты проведенного исследования, в зарубежных международных изданиях донести их до мировой общественности и аргументировано обосновать необходимость критического подхода в изучении материалов англоязычной историографии, в чем и состоит основная практическая ценность данной монографии. Актуальна данная монография и тем, что полученные нами результаты могут и должны быть применены в качестве базиса для дальнейших научных исследований в области не только истории нашего Отечества, сопредельных стран, Ближнего и Среднего Востока, но и Средиземноморья.

ЛИТЕРАТУРА

(a) на азербайджанском языке

1. Abdullayev S. Xürrəmilər hərəkəti haqqında // Hərbi bilik, 2007, № 2, s. 98-105
2. Ağayev R.Ə. Azərbaycan türkləri haqqında məlumatlar Yəmən hökmdarlarına həsr olunmuş yazılı mənbələrdə // Strateji təhlil, 2015, № 1 (12), s. 191-201
3. Ağayev R.Ə. Ərəb mənbələri Azərbaycan Sacilər dövləti və onun hüduqları haqqında // Tarix və onun problemləri, 2014, № 3, s. 294-303
4. Ağayev R.Ə. Ərəb Xilafəti dövründə Azərbaycan əhalisinin dili // Tarix və onun problemləri, 2015, № 1, s. 16-29
5. Ağayev R.Ə. İbn Hövqəlin “Kitab surət əl-ard” əsəri xəzərlər haqqında // Tarix və onun problemləri, 2014, № 2, s. 26-35
6. Ağayev R.Ə. “Türkman” anlayışı və onun etimologiyası ərəb və farsdilli müəlliflərin əsərlərində // Geostrategiya, 2015, № 03 (27), s. 22-26
7. Azərbaycan Respublikası. Milli atlas. National atlas. Национальный атлас / Redaksiya heyətinin sədri: A.Rasi-zadə. Bakı: Bakı Kartoqrafiya Fabriki, 2014, 444 s.
8. Azərbaycan tarixi: uzaq keçmişdən 1870-ci illərə qədər / S.S.Əliyarlının redaktəsi ilə. Bakı: Azərbaycan, 1996, 870 s.
9. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar / Tərtibçilər: S.S.Əliyarov, F.P.Mahmudov və b. Bakı: Azərbaycan Universiteti Nəşriyyatı, 1989, 328 s.
10. Azərbaycan tarixi. 7 cildə. II cild (III – XIII əsrin I rübü) / Məsul redaktor: N.M.Vəlixanlı. Bakı: Elm, 2007, 608 s.
11. Bayramlı C.M. Babək və hürremilik: yalanlar və gerçəklər. Bakı: Kitab aləmi NPM, 2011, 452 s.
12. Bünyadov Z.M. Azərbaycan Atabəylər dövləti (1136-1225-ci illər). Bakı: Şərq-Qərb, 2007, 312 s.

13. Bünyadov Z.M. Dinlər, təriqətlər, məzhəblər. Bakı: Şərq-Qərb, 2007, 336 s.
14. Cəbiyev Q.C. Girdiman tarixi (IV – IX əsrlər). Bakı: Şərq-Qərb, 2010, 616 s.
15. Cəlilov F.A. Azər xalqı. Seçmə yazılar. Bakı: Ağrıdag, 2000, 436 s.
16. Əhmədli S. Ana qaynaq – ulu kök (üslubi paralellərin müqayisəli təhlili) // Kredo, 2015, № 52 (860), s. 11-12, № 53 (861), s. 3, 5
17. Əliyeva N.A. Azərbaycanın elmi-mədəni mühitinin öyrənilməsində ərəbdilli ədəbiyyatın rolu (XI – XIII əsrlər): Tarix elm. dok. ... dis. avtoref. Naxçıvan, 2012, 50 s.
18. Əzizov E.Z. IX əsr ərəb poeziyasında xürrəmilər hərəkatının əksi. Bakı: Bakı Universiteti Nəşriyyatı, 2004, 156 s.
19. Fazili A.H. Atropatena e.ə. IV – e. VII əsri. Bakı: Azərbaycan EA Tarix İnstitutu, 1992, 215 s.
20. Fazili A.H. Azərbaycanın qədim və orta əsrlər tarixi İran tarixşünaslığında (e.ə. III – VII əsrləri). Bakı: Elm, 1984, 196 s.
21. İsmayılzadə P. Azərbaycanda VII – IX əsrlərdə etnogenez probleminə dair / Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının həqiqi üzvü, Sovet İttifaqı Qəhrəmanı Ziya Musa oğlu Bünyadovun 90 illiyinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi simpoziumun materialları (Bakı, 7-8 may 2012-ci il). Bakı: Elm, 2012, s. 317-318
22. Qasimov X.S. Orta əsrlərdə Azərbaycan mədəniyyəti. Bakı: Aspoliqraf, 2008, 448 s.
23. Mahmudov Y.M. Azərbaycanlılar (etnik-siyasi tarix və ümumi baxış). Bakı: Aspoliqraf, 2008, 64 s.
24. Mahmudov Y.M. Azərbaycan: qısa dövlətçilik tarixi. Bakı: Təhsil, 2005, 140 s.
25. Mahmudov Y.M. Azərbaycan tarixi. Erkən intibah dövrü (IX əsrin II yarısı – XIII əsrin əvvəlləri). Bakı: Aspoliqraf, 2008, 128 s.
26. Mahmudov Y.M. Real tarix və “Böyük Ermənistan” uydurması. Bakı: Turxan NPB, 2014, 144 s.
27. Məmmədov T.M. Qafqaz Albaniyası ilk orta əsrlərdə. Bakı:

- Təhsil, 2006, 400 s.
28. Mustafayev Ş.M. Səlcuqilərdən Osmanlılara: XI – XV yüzilliklərdə Anadolunun türk mühitində etnosiyasi proseslər. Bakı: Elm, 2010, 332 s.
 29. Nəcəf Ə.N. Səlcuqlu dövlətləri və atabəyləri tarixi (Oğuzların ortaya çıxmasından – XIV əsrə qədər). Bakı: Qanun, 2010, 756 s.
 30. Nəfisi S. Azərbaycan qəhrəmanı Babək Xürrəmdin / Fars dilindən tərcümə edən Ə.Azəri. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası Nəşriyyatı, 1960, 156 s.
 31. Orta əsr ərəb mənbələrində Azərbaycan tarixinə aid materiallar / Məsul redaktor: F.Əsədov. Bakı: Nurlan, 2005, 242 s.
 32. Paşazadə A.Ş. Qafqazda islam. Bakı: Azərnəşr, 1991, 224 s.
 33. Piriyeu V.Z. Azərbaycanın tarixi-siyasi coğrafiyası. Bakı: Müəllim, 2006, 148 s.
 34. Rəsulzadə M.Ə. Qafqaz türkləri. Bakı: Təknur, 2012, 112 s.
 35. Şamıyeva H.R. Xürrəmilər-babəkilər hərəkətində hərbi işi // Dırçəliş – XXI əsr, 2010, № 145-146, s. 417-426
 36. Şamıyeva H.R. Xürrəmilərin dini inanc və ayinləri, qadına münasibət // Tarix və onun problemləri, 2009, № 4, s. 26-32
 37. Şamıyeva H.R. VIII – IX əsrlərdə Azərbaycanda dini-siyasi hərəkətlər və onların tarixşünaslıqda əksi: Tarix üzrə fəlsəfə dok. ... dis. avtoref. Bakı, 2012, 24 s.
 38. Şərifli M.X. Azərbaycan IX – XI əsrlərdə // Труды Института Истории, 1957, т. XII, с. 31-94
 39. Şərifli M.X. Rəvvadilər dövləti haqqında // Труды Института Истории, 1957, т. XI, с. 27-44
 40. Şərifli M.X. Sacilər dövləti // Труды Института Истории, 1961, т. XV, с. 20-68
 41. Şərifli M.X. Salarilər dövlətinin yaranması haqqında // Известия АН АзССР. Серия общественных наук, 1960, № 3, с. 4-25
 42. Turan E. Babək Xürrəmi // Xural, 2007, № 7 (4-10 mart), s. 15
 43. Vəli H. Babək Xürrəmidinin son taleyi. Bakı: Oğuz eli, 1998, 94 s.
 44. Vəlixanlı N.M. Bir daha xürrəmilər, xürrəmdinilər, babəkilər

və onların ideya sələfləri və xələfləri haqqında // Azərbaycan Elmlər Akademiyasının Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası, 1997, № 1-4, s. 87-97

45. Vəlixanlı N.M. Ərəb Xilafəti və Azərbaycan. Bakı: Azərneşr, 1993, 157 s.
46. Vəlixanlı N.M. IX – XII əsr ərəb coğrafiyaşünas-səyyahları Azərbaycan haqqında. Bakı: Elm, 1974, 223 s.

(б) на турецком языке

47. İpek A. Sacoğulları / İslam Ansiklopedisi: 44 ciltte. XXXV cilt / Başkan: Dr. M. Akif Aydın. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayın Matbaacılık ve Ticaret İşletmesi, 2008, s. 364-366
48. Özaydın A. Arran / İslam Ansiklopedisi: 44 ciltte. III cilt / Başkan: Prof. Dr. Bekir Topaloğlu. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayın Matbaacılık ve Ticaret İşletmesi, 1991, s. 394-395
49. Özgüdenli Ö.G. Büyük Selçuklular. Sosyoekonomik ve kültürel hayat / İslam Ansiklopedisi: 44 ciltte. XXXVI cilt / Başkan: Dr. M. Akif Aydın. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayın Matbaacılık ve Ticaret İşletmesi, 2009, s. 371-375
50. Sümer F. Büyük Selçuklular. Tarih / İslam Ansiklopedisi: 44 ciltte. XXXVI cilt / Başkan: Dr. M. Akif Aydın. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayın Matbaacılık ve Ticaret İşletmesi, 2009, s. 365-371
51. Velidi Togan A.Z. Ümumi Türk Tarihi'ne Giriş. 3. baskı. II ciltte. I cilt. İstanbul: Aksiseda Matbaası, 1981, 537 s.

(в) на русском языке

52. Алиев И.Г. Очерк истории Атропатены. Баку: Азернешр, 1989, 159 с.
53. Алиев К.Г. Древнегреческие и латинские первоисточники по истории Древнего Азербайджана (с примерами нового толкования). Баку: Элм и Тахсил, 2010, 400 с.
54. Али-заде А.А. Некоторые сведения о Ширване (до начала XIII в.) // Известия АН АзССР, 1947, № 12 (отдельный отгиск), с. 3-22

55. Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XII – XIV вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1956, 420 с.
56. Алияров С.С. Об этногенезе азербайджанского народа / К проблеме этногенеза азербайджанского народа / Отв. за выпуск М.А.Исмаилов. Баку: Элм, 1984, с. 4-39
57. Аммиан Марцеллин. Римская история / Перевод с латинского Ю.А.Кулаковского и А.И.Сонни. М.: Ладомир, 2005, 633 с.
58. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 1962, 521 с.
59. Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993, 204 с.
60. Ахмедова Ф. О топониме «Азербайджан» // Irs, 2007, № 1 (25), с. 26-29.
61. Ахундова Н.Ч. Кавказ и тюркские империи в средние века / *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının həqiqi üzvü, Sovet İttifaqı Qəhrəmanı Ziya Musa oğlu Bünyadovun 90 illiyinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi simpoziumun materialları* (Bakı, 7-8 may 2012-ci il). Bakı: Elm, 2012, s.71-72
62. Ахундова Н.Ч. Политические, экономические и религиозные последствия арабских завоеваний на Кавказе // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований, 2010, т. IV, вып. 3-4, с. 121-131
63. Ахундова Н.Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата (VIII – сер. X вв.). Баку: Элм, 2004, 373 с.
64. Ацамба Ф.М., Надирадзе Л.И. Развитие феодализма в Арабском халифате / Историография стран Востока (проблемы феодализма). Ред. коллегия: Ф.М.Ацамба, М.С.Иванов, З.Г.Лапинина, В.И.Павлов и др. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1977, с. 249-278
65. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. Баку: Абилов, Зейналов и сыновья, 2006, 328 с.

66. Бакиханов А.А. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991, 304 с.
67. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение, 1940, № 1, с. 15-50
68. Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. XIV. Азербайджан и Армения / Бартольд В.В. Сочинения: в 9 томах. Т. VII. М.: Наука, 1971, с. 31-225
69. Бартольд В.В. К вопросу о феодализме в Иране / Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003, с. 459-468
70. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку: О-во Обследования и Изучения Азербайджана, 1924, 150 с.
71. Бартольд В.В. Мусульманский мир / Бартольд В.В. Сочинения: в 9 томах. Т. VI. М.: Наука, 1966, с. 207-297
72. Бартольд В.В. Хазары / Бартольд В.В. Сочинения: в 9 томах. Т. V. М.: Наука, 1968, с. 597-601
73. Бартольд В.В. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности / Бартольд В.В. Сочинения: в 9 томах. Т. VI. М.: Наука, 1966, с. 504-531
74. Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. Второе издание. М.: Наука, 1966, 279 с.
75. Беляев Е.А. Мусульманское сектантство. М.: Издательство восточной литературы, 1957, 99 с.
76. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во Ленинградского Государственного Ордена Ленина Университета им. А.А.Жданова. 1951, 255 с.
77. Большаков О.Г. История халифата: в 4 томах. Т. II. М.: «Восточная литература» РАН, 2002, 292 с.
78. Большаков О.Г. История халифата: в 4 томах. Т. III. М.: «Восточная литература» РАН, 1998, 378 с.
79. Большаков О.Г. История халифата: в 4 томах. Т. IV. М.: «Восточная литература» РАН, 2010, 363 с.
80. Бунятов З.М. Азербайджан в VII – IX вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1963, 35 с.
81. Бунятов З.М. Азербайджан в VII – IX вв. Баку: Изд-во

- АН АзССР, 1965, 380 с.
82. Буниятов З.М. Бабек и Византия / ДАН АзССР, 1959, т. XV, №7, с. 613-616
83. Буниятов З.М. Из истории Кавказской Албании VII – VIII вв. / Вопросы истории Кавказской Албании. Сборник статей / Под ред. И.Алиева. Баку: Изд-во АН АзССР, 1962, с.149-180
84. Буниятов З.М. Новые данные о нахождении крепости Шаки / ДАН АзССР, 1959, т. XV, № 9, с. 869-872
85. Буниятов З.М. Обзор источников по истории Азербайджана. Источники арабские. Баку: Изд-во АН АзССР, 1964, 36 с.
86. Буниятов З.М. О деятельности католикаса Албании Виро (596-630) / Ближний и Средний Восток. Сборник статей. М.: Изд-во восточной литературы, 1962, с. 15-20
87. Буниятов З.М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII – VIII вв. // Известия АН АзССР. Серия общественных наук, 1961, № 1, с. 21-34
88. Буниятов З.М. О локализации города-крепости Базз // Известия АН АзССР. Серия общественных наук, 1959, № 5, с. 17-22
89. Буниятов З.М. О местонахождении средневековых городов-крепостей Базз и Шаки // КСИНА, 1961, т. XLVII, с. 89-93
90. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб: Типография И.Н.Скороходова, 1900, 408 с.
91. Велиев (Бахарлы) М.Г. Азербайджан: физико-географический, этнографический и экономический очерк. Баку: Издание АСНХ, 1921, 179 с.
92. Велиханлы Н.М. От арабского нашествия до монгольского // Irs, 2007, № 3, с. 18-20
93. Велиханова Н.М. Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания / Историческая география Азербайджана / Под ред. З.М.Буниатова. Баку: Элм, 1987, с. 46-87

94. Вторая записка Абу Дулафа / Издание текста, перевод, введение и комментарии П.Г.Булгакова и А.Б.Хамедова. М.: Изд-во восточной литературы, 1960, 111 с.
95. Гаджиева У. Критика на книгу Роберта Хевсена «Armenia: A Historical Atlas» // Tarix və onun problemləri, 2009, № 1-2, s. 213-229
96. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев (историко-этнографическое исследование): в 2 томах. Т. I. Баку: Элм, 1991, 549 с.
97. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев / К проблеме этногенеза азербайджанского народа / Отв. за выпуск М.А.Исмаилов. Баку: Элм, 1984, с. 102-151
98. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании (по данным археологии и письменных источников). Баку: Элм, 1984, 191 с.
99. Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период / Перевод А.Б.Халидова. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960, 186 с.
100. Гиргас В.Ф. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб: Печать В.Головина, 1865, 107 с.
101. Глабб Дж. Арабская империя. СПб: Евразия, 2009, 526 с.
102. Гурбанов А. Некоторые аспекты переселенческой политики Арабского халифата в Азербайджане // Кавказ & глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований, 2010, т. IV, вып. 3-4, с. 131-137
103. Гусейн-заде Р.А. Сельджукская эпоха истории Кавказа. М.: Kremlin Multimedia, 2012, 186 с.
104. Гусейнов Р.А. О тюрках IV – VII вв. в зоне Кавказской Албании / Вопросы истории Кавказской Албании (Сборник статей) / Под ред. И.Алиева. Баку: Изд-во АН АзССР, 1962, с. 181-192
105. Гусейнов Р.А. Сирийские источники XII – XIII вв. об Азербайджане. Баку: Изд-во АН АзССР, 1960, 180 с.
106. Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Азернешр, 1993, 107 с.

107. Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1875, 718 с.
108. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961, 441 с.
109. Егише о Вардане и войне армянской / Пер. с древнеармянского акад. И.А.Орбели. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971, 191 с.
110. Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971, 272 с.
111. Жузе П.К. Арабские племена в Закавказье / НАИИ АН АзССР, инв. № 507
112. Жузе П.К. Мутагаллибы в Закавказье в IX – X вв. К истории феодализма в Закавказье / Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. III. Тбилиси: Грузинский филиал АН СССР, 1937, с. 167-214
113. Жузе П.К. Папак и папакизм // Известия БГУ, 1921, второй полутом (гуманитарные науки), № 1, с. 204-216
114. Заходер Б.Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М.: Изд-во МГУ, 1944, 152 с.
115. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952, 468 с.
116. Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран» / Текст и перевод с арабского проф. П.К.Жузе / Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Баку: Издание О-ва Обследования и Изучения Азербайджана, 1927, 111 с.
117. История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Перевод с армянского К.Патканьяна. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1861, 374 с.
118. История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в. / Под ред. И.Алиева. Баку: Элм, 1995, 432 с.
119. История Востока: в 6 томах. Т. II / Отв. ред-ры: Л.Б.Алаев, К.З.Ашрафян. М.: «Восточная литература» РАН, 2000, 716 с.

120. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. В.В.Струве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, 390 с.
121. История стран Азии и Африки в средние века: в 2 частях. Ч. I / Ред. коллегия: Ф.М.Ацамба, З.Г.Лапина, М.С.Мейер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987, 319 с.
122. История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века / Перевод с армянского К.Патканяна. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1862, 165 с.
123. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане. VII. ал-Мукаддасий. VIII. Масуди. IX. Ибн-Хаукаль / СМОМПК. Вып. 38. Тифлис: Изд-е Управления Кавказского Учебного Округа, 1908, с. 1-130
124. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий / СМОМПК. Вып. 29. Тифлис: Изд-е Управления Кавказского Учебного Округа, 1901, с. 1-73
125. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. III. Ибн-Хордадбэ. IV. Кудамма. V. Ибн-Рустэ. VI. Ал-Якубий / СМОМПК. Вып. 32. Тифлис: Изд-е Управления Кавказского Учебного Округа, 1903, с. 1-63
126. Касумова С.Ю. Азербайджан в III – VII вв. (этнокультурная и социально-экономическая история). Баку: Элм, 1993, 140 с.
127. Касумова С.Ю. О христианстве в средневековом Азербайджане // Кавказ & глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований, 2010, т. IV, вып. 3-4, с. 176-183
128. Касумова С.Ю. Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Баку: Элм, 1994, 124 с.
129. Касумова С.Ю. Христианство в Азербайджане в раннем средневековье. Баку: Master Print & Publishing, 2005, 145 с.
130. Кеннеди Х. Великие арабские завоевания / Пер. с англ. Г.Соловьевой. М.: АСТ, 2010, 475 с.

131. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: АН СССР, 1932, 134 с.
132. Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М.: Наука, 1982, 268 с.
133. Коран / Перевод и комментарии И.Ю.Крачковского. Баку: Язычы, 1990, 737 с.
134. Крачковский И.Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии / Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: в 6 томах. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 182-212
135. Крымский А.Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фикха, сунны и пр.). В 3 частях. Ч. I. Москва: Типография Я.А.Ниренберга, 1911, 219 с.
136. Крымский А.Е. История арабов, их халифат, их дальнейшие судьбы и краткий очерк арабской литературы. М.: Издание Д.В.Солодова и В.Э.Павловского, 1903, 296 с.
137. Крымский А.Е. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки / Памяти академика Н.Я.Марра (1864-1934). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с. 369-384
138. Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М.: Высшая школа, 1987, 207 с.
139. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987, 295 с.
140. Луконин В.Г. Иран в III в. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 1979, 173 с.
141. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969, 241 с.
142. Лэмбтон Э.К.С. Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране / Мусульманский мир. 950-1150 / Отв. ред-ры: В.В.Наумкин, М.Б.Пиотровский. М.: Наука, 1981, с. 123-144
143. Мамедов Т.М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам (IV –VII вв.). Баку: Элм, 1977, 147 с.
144. Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV – VII вв. Баку: Маариф, 1993, 216 с.

145. Мамедова Ф.Дж. Кавказская Албания и албаны. Баку: ЦИКА, 2005, 798 с.
146. Мамедова Ф.Дж. О некоторых вопросах исторической географии Албании в I в. до н.э. – VIII в. / Историческая география Азербайджана / Гл. ред.: З.М.Бунятов. Баку: Элм, 1987, с. 7-45
147. Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 282 с.
148. Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камил (полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Перевод с арабского П.К.Жузе. Баку: АзФАН, 1940, 183 с.
149. Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Приложение II (1). I. Историки. СПб: Издание Императорского Православного палестинского Общества, 1897, 715 с.
150. Мирзаде Ч.Х. Топонимы Азербайджана в средневековых арабских географических источниках. Баку: Элм, 1988, 119 с.
151. Мирзоева Э.Г. Городское управление Азербайджана (XI – XIII века). Баку: Нурлан, 2002, 155 с.
152. Мюллер А. История ислама: с основания до новейших времен. В 4 томах. Т. II / Перевод с нем. под ред. Медникова Н.А. СПб: Издание Л.Ф.Пантелеева, 1895, 354 с.
153. Негматов Н. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1957, 157 с.
154. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII – XV веках (курс лекций). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966, 399 с.
155. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV – VI вв. М. – Л.: Наука, 1964, 335 с.
156. Пигулевская Н.В. Византия и Восток / Палестинский сборник. Вып. 23. Л.: Наука, 1986, 1971, с. 3-16
157. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946, 289 с.

158. Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию: из истории торговли Византии с Востоком в IV – VI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951, 410 с.
159. Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннее средневековье. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956, 364 с.
160. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941, 170 с.
161. Половой Н.Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // Византийский временник, 1961, т. XX, с. 90-105
162. Рашид ад-Дин Фазлуллах. Огуз-наме / Перевод с персидского, предисловие, комментарии, примечания и указатели Р.М.Шукюровой. Баку: Элм, 1987, 128 с.
163. Сеидбейли М.Г. Научно-культурная жизнь Азербайджана II половины XIII – начала XIV вв. Баку: Чашыоглы, 1999, 140 с.
164. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку: Элм, 1990, 304 с.
165. Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван: Изд-во Армянской ССР, 1977, 319 с.
166. Томара М. Бабек. М.: Журнально-газетное объединение, 1936, 199 с.
167. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 391 с.
168. Фасмер Р.Р. О монетах Саджидов // Известия Обследования и Изучения Азербайджана, 1927, № 5, с. 22-48
169. Фильштинский И.М. Халифат под властью династии Омейядов (661-750). М.: Соверо-принт, 2005, 229 с.
170. Хрестоматия по истории халифата / Составил и перевел Л.И.Надирадзе. М.: Изд-во МУ, 1968, 250 с.
171. Шарифли М.Х. Феодалные государства Азербайджана второй половины IX – XI веков. Баку: Кавказ, 2012, 424 с.
172. Шмидт А.Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки Института востоковедения, 1958, т. XVI, с. 441-513

173. Эмин Н. Очерк религий и верований языческих армян. М.: Типография Института восточных языков, 1864, 72 с.
174. Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. Баку: Изд-во АН АзССР, 1961, 207с.
175. Юнусов А.С. Ислам в Азербайджане. Баку: Заман, 2004, 388 с.
176. Якубовский А.Ю. Ибн-Мискавейх о походе Русов на Бердаа в 332 г. = 943/4 г. // Византийский временник, 1926, т. XXIV, с. 63-92
177. Якубовский А.Ю. Об исполных арендах в Ираке в VIII в. // Советское востоковедение, 1947, т. IV, с. 171-184
178. Якубовский А.Ю. Розен как историк / Памяти академика В.Р.Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908-1948) / Под ред. И.Ю.Крачковского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947, с. 19-44
179. Ямпольский З.И. Восстание Бабека (краткий очерк). Баку: Изд-во АзФАН, 1941, 51 с.
180. Ямпольский З.И. Об этногенетической непрерывности на почве Азербайджана / Вопросы истории Кавказской Албании (Сборник статей) / Под ред. И.Алиева. Баку: Изд-во АН АзССР, 1962, с. 32-43

(2) на английском языке

181. Al-Ashker A., Wilson R. Islamic Economics. A Short History. Leiden, Boston: Brill, 2006, 450 p.
182. Aliyeva L. Mutual influence of religious and ethnic processes in the case of Azerbaijan // Humanities and Social Sciences Review, 2013, № 2 (4), pp. 335-340
183. Aliyeva L. Vernacular Islam in Azerbaijan // Humanities and Social Sciences Review, 2013, № 2 (3), pp. 145-151
184. Allen P. The definition and enforcement of orthodoxy / The Cambridge Ancient History. New edition: in 14 volumes. Vol. XIV / Ed. by A.Cameron, B.Ward-Perkins, M.Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 811-834

185. Allen W. The Caucasian Borderland // The Geographical Journal, 1942, vol. 99, № 5/6, pp. 225-237
186. Ameer Ali S. A Short History of the Saracens. London: Macmillan and Co., 1916, 640 p.
187. Armstrong K. Islam: A Short History. New York: The Modern Library, 2002, 230 p.
188. Arnold T. The preaching of Islam. A History of the Propagation of the Muslim Faith. Westminster: Archibald Constable & Co., 1896, 388 p.
189. Bartold W., Bosworth C. Shirwan / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. IX / Ed. by C. Bosworth, E. van Donzel, W. Heinrichs, G. Lecomte. Leiden: Brill, 1997, pp. 487-488
190. Bartold W., Bosworth C. Shirwan Shah / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. IX / Ed. by C. Bosworth, E. van Donzel, W. Heinrichs, G. Lecomte. Leiden: Brill, 1997, pp. 488-489
191. Bartold W., Golden P. Khazar / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. IV / Ed. by E. van Donzel, B. Lewis, Ch. Pellat, C. Bosworth. Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 1172-1181
192. Bausani A. The Persians: from the Earliest days to the 20th century. London: Elek Books Ltd., 1971, 180 p.
193. Blockley R. Ammianus Marcellinus on the Persian invasion of A.D. 359 // Phoenix, 1988, vol. 42, № 3, pp. 244-260
194. Blöndal S., Benediktz B. The varangians of Byzantium. Cambridge & etc: Cambridge University Press, 2007, 260 p.
195. Bonner M. Jihad in Islamic History. Doctrines and Practice. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006, 192 p.
196. Bonner M. Poverty and Economics in the Qur'an // The Journal of Interdisciplinary History. Poverty and Charity: Judaism, Christianity and Islam, 2005, vol. 35, № 3. pp. 391-406
197. Bosworth C. Ardabil. I. History of Ardabil / Encyclopaedia Iranica: in 45 volumes. Vol. II, fasc. 2 / Ed. By E. Yarshater. London & etc.: Routledge & Kegan Paul, 1986, pp. 358-360

198. Bosworth C. Arran / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. II, fasc. 5 / Ed. by E.Yarshater. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 520-522
199. Bosworth C. Azerbaijan IV. Islamic History to 1941 / Encyclopaedia Iranica: in 45 volumes. Vol. III, fasc. 2-3 / Ed. by E.Yarshater. London, New York: Routledge & Kegan Paul, 1987, pp. 224-231
200. Bosworth C. Rawwadids / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. VIII / Ed. by C.Bosworth, E. van Donzel, W.Heinrichs, G.Lecomte. Leiden: E.J.Brill, 1995, pp. 469-470
201. Bosworth C. Sadjids / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. VIII / Ed. by C.Bosworth, E. van Donzel, W.Heinrichs, G.Lecomte. Leiden: E.J. Brill, 1995, pp. 745-746
202. Bosworth C. Shaddadids / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. IX / Ed. by C.Bosworth, E. van Donzel, W.Heinrichs, G.Lecomte. Leiden: Brill, 1997, pp. 169-170
203. Bosworth C. The Heritage of Rulership in Early Islamic Iran and the Search for Dynastic Connections with the Past // Iran, 1973, vol. XI, pp. 51-62
204. Bosworth C. The Islamic Dynasties, a chronological and genealogical handbook. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967, 245 p.
205. Bosworth C. The Political and Dynastic history of the Iranian world (A.D. 1000-1217) / The Cambridge History of Iran. 1st edition: in 7 volumes. Vol. V / Ed. by J.Boyle. Cambridge: Cambridge University Press, 1968, pp. 1-202
206. Brockelmann C. History of the Islamic Peoples. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1949, 508 p.
207. Brooks E. The Struggle with the Saracens (717-867) / The Cambridge Medieval History: in 8 volumes. Vol. IV / Ed. by J.Bury, J.Tanner, C.Previte-Orton, Z.Brooke. Cambridge: The Cambridge University Press, 1923, pp. 119-138

208. Browne E. A Literary History of Persia: from the earliest times until Firdawsi. London, Leipsic: T. Fisher Unwin, 1909, 521 p.
209. Buchan J. The Baltic and Caucasian States: the Nations of To-day. A New History of the World. London: Hodder and Stoughton Ltd., 1923, 269 p.
210. Burgan M. Empires of Ancient Persia. New York: Chelsea House Publishers, 2010, 159 p.
211. Bury J. A History of the Eastern Roman Empire: from the fall of Irene to the accession of Basil I (A.D. 802-867). London: Macmillan and Co. Ltd, 1912, 530p.
212. Bury J. History of the Later Roman Empire: in 2 volumes. Vol. II. New York: Dover Publications, 1889, 491 p.
213. Cahen Cl. Djizya / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. II / Ed. by B.Lewis, Ch.Pellat, J.Schacht. Leiden: E.J.Brill, 1991, pp. 559-562
214. Cahen Cl. Kharadj. I. In the Central and Western Islamic lands / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. IV / Ed. by E. van Donzel, B.Lewis, Ch.Pellat, C.Bosworth. Leiden: E.J.Brill, 1997, pp. 1030-1034
215. Canard M. Arminiya. III. Division, Administration, Population, Commerce, Natural Products and Industry / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 642-650
216. Canard M. Arminiya / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 634-638
217. Chadwick N. The beginnings of Russian History: An Enquiry into Sources. Cambridge: Cambridge University Press, 1946, 180 p.
218. Chaumont M. Albania / Encyclopaedia Iranica: in 45 volumes. Vol. I / Ed. by E.Yarshater. London & etc.: Routledge & Kegan Paul, 1985, pp. 806-810

219. Clarke H. The Varini of Tacitus? Or Warings? And Their Relations to English Ethnology // Transactions of the Ethnological Society of London, 1869, vol. VII, pp. 60-77
220. Cornell S. The Politicization of Islam in Azerbaijan. Washington: Central Asia-Caucasus & Silk Road Studies Program, 2006, 73 p.
221. Crone P. Slaves on Horses. The Evolution of the Islamic Polity. Cambridge, London, New York: Cambridge University Press, 2003, 302 p.
222. Crone P. Zoroastrian Communism // Comparative Studies in Society and History, 1994, vol. 36, № 3, pp. 447-462
223. Daftary F. Sectarian and National Movements in Iran, Khurasan and Transoxiana During Umayyad and Early Abbasid Times / History of Civilizations of Central Asia. Vol. IV, part 1 / Ed. by M.Asimov, C.Bosworth. Paris: UNESCO Publishing, 1998, pp. 41-60
224. Daniel E. Arab. III. Arab Settlements in Iran / Encyclopaedia Iranica: in 45 volumes. Vol. II, fasc. 2 / Ed. by E.Yarshater. London & etc.: Routledge & Kegan Paul, 1986, pp. 210-214
225. Daniel E. The Political and Social History of Khurasan under Abbasid Rule, 747-820. Minneapolis & Chicago: Bibliotheca Islamica, 1979, 223 p.
226. Denet D. Conversions and the Poll tax in Early Islam. Cambridge: Harvard University Press, 1950, 118 p.
227. Dignas B., Winter E. Rome and Persia in Late Antiquity: Neighbours and Rivals. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 347 p.
228. Dixon D. Varangian-Rus warrior-merchants and the origin of the Russian state // Journal of Macromarketing Spring, 1998, vol. XVIII, pp. 145-155
229. Donner F. The Early Islamic Conquests. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981, 489 p.
230. Donner F. The Formation of the Islamic State // Journal of the American Oriental Society, 1986, vol. 106, № 2, pp. 283-296
231. Dowsett C. A Neglected Passage in the "History of the Cau-

- casian Albanians” // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1957, vol. XIX, № 3, pp. 456-468
232. Duczko W. Viking Rus: Studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden: Brill, 2004, 290 p.
233. Dudwick N. The Case of the Caucasian Albanians: Ethnohistory and Ethnic Politics // Cahiers du Monde russe et soviétique. Regards sur l'anthropologie soviétique, 1990, vol. 31, № 2/3, pp. 377-383
234. Dunlop D. Bab al-Abwab / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 835-836
235. Dunlop D. Bardha'a / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 1040-1041
236. Dunlop D. The History of the Jewish Khazars. Princeton: Princeton University Press, 1964, 293 p.
237. Endress G. Islam: An Historical Introduction. 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002, 301 p.
238. Frye R. Ardabil / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 625-626
239. Frye R. Arran / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 660-661
240. Frye R. Iran. London: George Allen & Unwin Ltd, 1954, 126 p.
241. Frye R. The Heritage of Persia. London: Weidenfeld & Nicolson, 1965, 255 p.
242. Frye R. The History of Ancient Iran. Munchen: Beck, 1983, 411 p.
243. Frye R. The Political History of Iran under the Sasanians / The Cambridge History of Iran. 6th printing: in 8 volumes.

- Vol. III (1) / Ed. by E.Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. 116-180
244. Frye R. The Sasanians / The Cambridge Ancient History. New edition: in 14 volumes. Vol. XII / Ed. by A.Bowman, P.Garsney, A.Cameron. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 461-480
245. Ghirshman R. Iran: From the Earliest Times to the Islamic conquest. Great Britain: Richard Clay & Co., 1954, 359 p.
246. Gibb H. The Fiscal Rescript of Umar II // Arabica, 1955, vol. II, fasc. 1, pp. 1-16
247. Gibbon E. The History of the Decline and fall of the Roman Empire: in 6 volumes. Vol. III. London: Frederick Warne and Co., 1872, 603 p.
248. Golden P. Rus / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. VIII / Ed. by C.Bosworth, E. van Donzel, W.Heinrichs, G.Lecomte. Leiden: E.J.Brill, 1995, pp. 618-629
249. Golden P. The Turkic Peoples and Caucasasia / Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia / Ed. by R.Suny. Michigan: The University of Michigan Press, 1996, pp. 45-67
250. Goldschmidt A. Jr., Davidson L. A Concise History of the Middle East. 8th edition. Colorado, Oxford: Westview Press, 2005, 559 p.
251. Goldziher I. Muslim Studies: in 2 volumes. Vol. I. London: George Allen & Unwin Ltd, 1967, 254 p.
252. Gray L. Mazandaran / Hastings J., Selbie J. Encyclopedia of Religion and Ethics: in 24 parts. Part 16. US: Kessinger Publishing, 2003, pp. 506-508
253. Gray P. The legacy of Chalcedon. Christological problems and their significance / The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. by M.Maas. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 215-238
254. Greatrex G. Byzantium and the East in the sixth century / The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. by

- M.Maas. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 477-509
255. Greenwood T. Armenian Neighbours (600-1045) / The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500-1492 / Ed. by J.Shepard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 333-364
256. Hawting G. The First Dynasty of Islam. The Umayyad Caliphate AD 661-750. 2nd edition. London, New York: Routledge, 2000, 151 p.
257. Hewsen R. Armenia: A Historical Atlas. Chicago, London: University of Chicago Press, 2001, 341 p.
258. Hitti Ph. The Arabs: A Short History. Chicago: Regney Co., 1966, 263 p.
259. Hodgson M. The Venture of Islam: in 3 volumes. Vol. I. The Classical Age of Islam. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1977, 532 p.
260. Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. New York: Oxford University Press, 2010, 573 p.
261. Hoyland R. Seeing Islam as others saw it. A Survey and Evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian Writings on Early Islam. Princeton, New Jersey: The Darwin Press, 1997, 872 p.
262. Huxley G. Byzantinochazarika // Hermathena, 1990, № 148, pp. 69-87
263. Irving C. Crossroads of Civilization. 3000 years of Persian History. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979, 223 p.
264. Johansen L. On the roles of Turkic in the Caucasus Area / Linguistic Areas Convergence in Historical and Typological Perspective / Ed. by Y.Matras, A.McMahon, N.Vincent. London: Palgrave Macmillan, 2006, pp. 160-181
265. Kaegi W. Byzantine military unrest. 471-843. An interpretation. Amsterdam: Adolf M. Hakkert Publisher, 1981, 373 p.
266. Kaegi W. Heraclius: Emperor of Byzantium. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 359 p.

267. Kaplan F. The decline of the khazars and the rise of the varangians // *American Slavic and East European Review*, 1954, vol. XIII, № 1, pp. 1-10
268. Kennedy H. The early Abbasid Caliphate: A political history. Worcester: Billing & Sons Ltd., 1986, 238 p.
269. Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates. 2nd edition. London: Pearson Education Ltd., 2004, 419 p.
270. Lambton A. Islamic Society in Persia. London: School of Oriental and African Studies. University of London, 1954, 32 p.
271. Lambton A. Kharadj. II. In Persia / *The Encyclopaedia of Islam*. New edition: in 12 volumes. Vol. IV / Ed. by E. van Donzel, B.Lewis, Ch.Pellat, C.Bosworth. Leiden: E.J.Brill, 1997, pp. 1034-1053
272. Lambton A. Landlord and Peasant in Persia. A Study of Land Tenure and Land Revenue Administration. London: Oxford University Press, 1953, 401 p.
273. Lambton A. The Evolution of the Iqta' in Medieval Iran // *Iran*, 1967, vol. V, pp. 41-50
274. Lane-Poole S. The Mohammadan dynasties: chronological and genealogical tables with historical introductions. Westminster: Archibald Constable & Co., 1894, 361 p.
275. Lee A. The Empire at War / *The Cambridge Companion to the Age of Justinian* / Ed. by M.Maas. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 113-133
276. Lewis B. Abbasids / *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 15-23
277. Lewis B. Islam in History: Ideas, Men and Events in the Middle East. New York: The Library Press, 1973, 349 p.
278. Lewis B. State and Society under Islam // *The Wilson Quarterly*, 1989, vol. XIII, № 4, pp. 39-53
279. Lewis B. The Arabs in History. Oxford: Oxford University Press, 1993, 240 p.
280. Lewis B. The Middle East. 2000 Years of History from the Rise of Christianity to the Present Days. London: Weidenfeld & Nicolson, 1995, 433 p.

281. Lewis B. *The Political Language of Islam*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1988, 168 p.
282. Lightfoot C. *Armenia and the Eastern Marches* / *The Cambridge Ancient History*. New edition: in 14 volumes. Vol. XII / Ed. by A.Bowman, P.Garsney, A.Cameron. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 481-497
283. Logan D.F. *The Vikings in history*. 2nd edition. London, New York: Routledge, 1991, 224 p.
284. Lokkegaard F. *Islamic Taxation in the Classic Period, with Special Reference to Circumstances in Iraq*. Copenhagen: Branner og Korch, 1950, 286 p.
285. Madelung W. *Khurramiyya* / *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition: in 12 volumes. Vol. V / Ed. by C.Bosworth, E. van Donzel, B.Lewis and Ch.Pellat. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 63-65
286. Madelung W. *The minor dynasties of Northern Iran* / *The Cambridge history of Iran*. 6th printing: in 8 volumes. Vol. IV / Ed. by R.Frye. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 198-249
287. Malcolm J. *The History of Persia, from the most early period to the present time*. A new edition: in 2 volumes. Vol. I. London: John Murray, 1829, 555p.
288. Margoliouth D. *The Russian seizure of Bardha'ah in 943 AD* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1918, vol. I, № 2, pp. 82-95
289. McDonough S. *A question of faith? Persecution and centralization in the Sasanian Empire of Yazdgard II (438-457 CE)* / *Violence in Late Antiquity: Perceptions and Practices* / Ed. by H.Drake. Hampshire: Ashgate Publishing Ltd., 2006, pp. 67-80
290. McDonough S. *The Legs of the Throne: Kings, Elites, and Subjects in Sasanian Iran* / *The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspective* / Ed. by J.Arnason, K.Raaflaub. West Sussex: John Wiley & Sons Ltd., 2011, pp. 290-321

291. Meerts P. Assessing Khazaria // IAS Newsletter, 2004, № 34, p. 15.
292. Minorsky V. Adharbaydjan / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, pp. 188-191
293. Minorsky V., Bosworth C. Tabriz / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. X / Ed. by P.Bearman, Th.Bianquis, C.Bosworth, E. van Donzel et al. Leiden: Brill, 2000, pp. 41-49
294. Minorsky V. Caucasia in the History of Mayyafariqin // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1949, vol. XIII, № 1, pp. 27-35
295. Minorsky V. Caucasia IV // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1953, vol. XV, № 3, pp. 504-529
296. Minorsky V. Iran: Opposition, Martyrdom, and Revolt / Unity and Variety in Muslim Civilization / Ed. by Gustave E. von Grunebaum. Chicago: The University of Chicago Press, 1955, pp. 183-206
297. Minorsky V. Maragha / The Encyclopaedia of Islam. New Edition: in 12 volumes. Vol. VI / Ed. by C.Bosworth, E. van Donzel, B.Lewis, Ch.Pellat. Leiden: E.J.Brill, 1991, pp. 498-503
298. Minorsky V. Persia: religion and history / Minorsky V. Iranica. 20 articles. Vol. 775. London: Stephen Austin & Sons Ltd., 1964, pp. 242-259
299. Minorsky V. Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1994, vol. XI, № 2, pp. 243-265
300. Minorsky V. Studies in Caucasian History. London & etc.: Cambridge University Press, 1953, 196 p.
301. Morony M. Arab. II. Arab Conquest of Iran / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. II, fasc. 2 / Ed. by E.Yarshater. London: Routledge & Kegan Paul, 1986, pp. 203-210

302. Muir W. The Caliphate: its rise, decline, and fall from original sources. Edinburgh: John Grant, 1924, 604 p.
303. Nicholson R. A Literary History of the Arabs. London: T. Fisher Unwin, Adelphi Terrace, 1907, 500 p.
304. Nicolle D. The Great Islamic Conquests AD 632-750. Oxford, New York: Osprey Publishing Ltd., 2009, 96 p.
305. Peacock A. Nomadic Society and the Seljuq Campaigns in Caucasia // Iran & the Caucasus, 2005, vol. IX, № 2, pp. 205-230
306. Ross E. On three Muhammadan dynasties in Northern Persia in the tenth and eleventh centuries // Asia Minor, 1925, № 2, pp. 205-225
307. Rubin Z. Eastern Neighbours: Persia and the Sasanian Monarchy (224-651) / The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500-1492 / Ed. by J.Shepard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 130-155
308. Rubin Z. The Sasanid Monarchy / The Cambridge Ancient History. New edition: in 14 volumes. Vol. XIV / Ed. by A.Cameron, B.Ward-Perkins, M.Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 638-662
309. Sale G. The Koran: Commonly Called the Alcoran of Mohammed. 5th edition. Philadelphia: J.W.Moore, 1856, 670 p.
310. Sato T. Ushr / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. X / Ed. by P.Bearman, Th.Bianquis, C.Bosworth, E. van Donzel et al. Leiden: Brill, 2000, pp. 917-919
311. Saunders J. A History of Medieval Islam. London, New York: Routledge, 2002, 219 p.
312. Scott R. Decline and fall: Byzantium at war. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2008, 80 p.
313. Shepard J. Some problems of russo-byzantine relations c. 860 - c. 1050 // The Slavonic and East European Review, 1974, vol. 52, № 126, pp. 10-33
314. Sicker M. The Islamic World in Ascendancy: from the Arab Conquests to the Siege of Vienna. Westwood: Praeger Publishers, 2000, 232 p.
315. Sourdel D. Babak / The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. I / Ed. by H.Gibb, J.Kramers,

- E.Levi-Provençal, J.Schach et al. Leiden: E.J.Brill, 1986, p. 844.
316. Sprengling M. Shahpuhr I, the Great on the Kaabah of Zoroaster (KZ) // *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*, 1940, vol. 57, № 4, pp. 341-429
317. Spuler B. Iran: The Persistent Heritage / Unity and Variety in Muslim Civilization / Ed. by Gustave E. von Grunebaum. Chicago: The University of Chicago Press, 1955, pp. 167-182
318. Suny R. The Making of Georgian nation. 2nd edition. Bloomington: Indiana University Press, 1994, 418 p.
319. Sykes P. A History of Persia. 1st edition: in 2 volumes. Vol. I. London: Macmillan and Co., 1915, 544 p.
320. Taylor W. The History of Mohammedanism, and its sects. 3rd edition. London: John W. Parker, 1851, 302 p.
321. The Cambridge History of Iran. 6th edition: in 8 volumes. Vol. III (1) / Ed. by E.Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 624 p.
322. The Cambridge History of Iran. 6th edition: in 8 volumes. Vol. IV / Ed. by R.Frye. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 734 p.
323. The Cambridge History of Islam: in 2 volumes. Vol. 1A / Ed. by P.Holt, A.Lambton, B.Lewis. Cambridge: Cambridge University Press, 1977, 523 p.
324. The Cambridge History of the Byzantine Empire. C. 500-1492 / Ed. by J.Shepard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 1207 p.
325. The Letter of Tansar / Translated by M.Boyce. Roma: Istituto Italiano Per il Medio ed Estremo Oriente, 1968, 78 p.
326. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: in 2 parts. Part I (AD 226-363): A Documentary History / Compiled and edited by M.Dodgeon and S.Lieu. London, New York: Routledge, 2005, 376 p.
327. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: in 2 parts. Part II (AD 363-630): A Narrative Sourcebook / Compiled and edited by G.Greatrex and S.Lieu. London, New York: Routledge, 2005, 373 p.

328. Thomson R. Armenia in the fifth and sixth century / The Cambridge Ancient History. New edition: in 14 volumes. Vol. XIV / Ed. by A.Cameron, B.Ward-Perkins, M.Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 662-677
329. Thomson R. Eastern Neighbours: Armenia (400-600) / The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500-1492 / Ed. by J.Shepard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 156-172
330. Thomson R. Mission, Conversion, and Christianity: The Armenian Example // Harvard Ukrainian Studies, 1988-1989, vol. XII/XIII, pp. 28-45
331. Toumanoff C. Caucasia between Byzantium and Iran: New light from old sources // Traditio, 1954, vol. X, pp. 109-189
332. Toumanoff C. Introduction to Christian Caucasian History. The formative centuries (IV – VIII) // Traditio, 1959, vol. XV, pp. 1-106
333. Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford, California: Stanford University Press, 1997, 1019 p.
334. Treadgold W. Byzantium and its Army, 284-1081. Stanford: Stanford University Press, 1995, 250 p.
335. Treadgold W. The Chronological Accuracy of the "Chronicle" of Symeon the Logothete for the Years 813-845 // Dumbarton Oaks Papers, 1979, vol. XXXIII, pp. 157-197
336. Tritton A. The Caliphs and Their Non-Muslim Subjects. A Critical Study of the Covenant of 'Umar. London: Oxford University Press, 1930, 240 p.
337. Walker C. Armenia and Karabagh: The Struggle for Unity. London: Minority Rights Publications, 1991, 138 p.
338. Waterfield R. Christians in Persia (RLE Iran A). Oxon: Routledge, 2011, 208 p.
339. Whitby M. The Successors of Justinian / The Cambridge Ancient History. New edition: in 14 volumes. Vol. XIV / Ed. by A.Cameron, B.Ward-Perkins, M.Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 86-111
340. Whittow M. The Making of Byzantium, 600-1025. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1996, 477 p.

- 341. Wilber D. Iran: Past and Present. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1967, 291 p.
- 342. Wilkes J. Provinces and Frontiers / The Cambridge Ancient History. New edition: in 14 volumes. Vol. XII / Ed. by A.Bowman, P.Garsney, A.Cameron. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 212-268
- 343. Wright E. Babak of Badhdh and al-Afshin during the years 816-841 A.D. (I) // The Muslim World, 1948, vol. XXXVIII, № 1, pp. 43-59

(д) Электронные ресурсы

- 344. Аджи М. Плач по Кавказской Албании // http://www.adji.ru/interview_017.html
- 345. Ахмед ибн Лютфуллах (Мунадджим-Баши). Джами ад-дувал // http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Achmed_Dede/text2.phtml?id=12780
- 346. Дербенд-наме // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/VI/Dag_chron/Derbend_name/frametext.htm
- 347. Камолиддин Ш.С. О происхождении Саманидов // http://journals.manas.kg/mjsr/oldarchives/Vol11_Issue22_2009/643-1745-1-PB.pdf
- 348. Киракос Гандзакечи. История Армении // <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gandzakeci/frametext3.htm>
- 349. Мамедова Ф.Дж. Об исторической географии Кавказской Албании, Армении и албанском этносе // http://www.rizvanhuseynov.com/2012/03/blog-post_9116.html#more
- 350. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X – XI веков // http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/text.phtml?id=1893
- 351. Расулзаде З. Власти Ирана сорвали ежегодное восхождение азербайджанцев на крепость Базз // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/97156/>

352. Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванкским // <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Mhitar/frametext1.htm>
353. Abu Hanifa Ahmad ibn Dawud ibn Wanand al-Dinawari. The Book of Lengthy Histories / Ed. by M.Bonner // <http://www.mrjb.ca/current-projects/abu-hanifah-ahmad-ibn-dawud-al-dinawari>
354. Babak // <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/47342/Babak>
355. Bahrami Kh. Babak & Khorramdinan Movement // http://www.cais-soas.com/CAIS/History/Post-Sasanian/babak_khorramidinan_movement.htm
356. Bosworth C. Abbasid Caliphate // <http://www.iranicaonline.org/articles/abbasid-caliphate>
357. Bosworth C. Bardha'a // <http://www.iranicaonline.org/articles/bardaa-or-bardaa-arm>
358. Bosworth C. Baylaqan // <http://www.iranicaonline.org/articles/baylaqan-armenian-form-paytakaran-cf>
359. Bosworth C. Daysam // <http://www.iranicaonline.org/articles/daysam>
360. Bosworth C. Ganja // <http://www.iranicaonline.org/articles/ganja>
361. Bosworth C. Mosaferids // <http://www.iranicaonline.org/articles/mosaferids>
362. Bosworth C. Nakjavan // <http://www.iranicaonline.org/articles/nakjavan>
363. Bosworth C. Osrušana // <http://www.iranicaonline.org/articles/osrusana>
364. Bosworth C. Šakki // <http://www.iranicaonline.org/articles/sakki-district>
365. Bosworth C. Šervanšahs // <http://www.iranicaonline.org/articles/servansahs>
366. Boyce M. Ganzak // <http://www.iranicaonline.org/articles/ganzak>

- 367. Chaumont M. Armenia and Iran. II. The pre-Islamic Period // <http://www.iranicaonline.org/articles/armenia-ii>
- 368. Chaumont M. Balasagan. I. In pre-Islamic times // <http://www.iranicaonline.org/articles/balasagan-ar#pt1>
- 369. Cornuelle C. An Overview of the Sasanian Persian Military // <http://www.throneworld.com/oathofempire/en/sasanids.htm>
- 370. Crone P. Babak's revolt // <http://www.parstimes.com/history/babak.pdf>
- 371. Crone P. Korramis // <http://www.iranicaonline.org/articles/korramis>
- 372. Culican W. Khosrow II // <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/316900/Khosrow-II>
- 373. De Planhol X. Azerbaijan. I. Geography // <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-i>
- 374. Farrokh K. The Persian Lioness: Iranian Women in History // <http://www.kavehfarrokh.com/iranica/the-women-of-persia/the-persian-lioness-iranian-women-in-history/>
- 375. Frye R. The Reforms of Khosrow Anushirvan (The Immortal Soul) // http://www.iranchamber.com/history/articles/reforms_of_anushirvan.php
- 376. Gignoux Ph. Aneran // <http://www.iranicaonline.org/articles/aneran>
- 377. Gyselen R. Spahbed // <http://www.iranicaonline.org/articles/spahbed>
- 378. Herrmann G., Curtis V. Sasanian Rock Reliefs // <http://www.iranicaonline.org/articles/sasanian-rock-reliefs>
- 379. Hitchin K. History of Iranian-Georgian Relation // http://www.cais-soas.com/CAIS/History/iranian_georgian_relation.htm
- 380. Holmes C. Basil II (A.D. 976-1025) // <http://www.roman-emperors.org/basilii.htm>
- 381. Kartir KZ. Royal inscription found on the Kabah of Zartusht. An account of how Zoroastrianism was propagated beyond Iranian territories during the Third Century, and other religions suppressed // <http://www.avesta.org/pahlavi/kz.html>

382. Kettenhofen E. Deportations. II. In the Parthian and Sasanian Periods // <http://www.iranicaonline.org/articles/deportations#pt2>
383. Khorram-dinan // <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/316875/Khorram-dinan>
384. Koestler A. The Thirteenth Tribe: The Khazar Empire and its Heritage // <http://www.fantompowa.info/13th%20Tribe.pdf>
385. MacKenzie D. Eran, Eransahr // <http://www.iranicaonline.org/articles/eran-eransahr>
386. Madelung W. Banu Saj // <http://www.iranicaonline.org/articles/banu-saj-more-correctly-al-abil-saj-a-family-named-after-its-ancestor-abul-saj-which-served-the-abbasid-caliphate->
387. Moreen V. Jezya // <http://www.iranicaonline.org/articles/jezya>
388. Peacock A. Shaddadids // <http://www.iranicaonline.org/articles/shaddadids>
389. Powell R. Zakat: Drawing Insights for Legal Theory and Economic Policy from Islamic Jurisprudence // 7 Pitt. Tax Review, 2010, № 43, pp. 43-101 // <http://digitalcommons.law.seattleu.edu/faculty>
390. Rapp S., Jr. Caucasia and the First Byzantine Commonwealth: Christianization in the Context of Regional Coherence. An NCEEER Working Paper // http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2012_826-5g_Rapp1.pdf#xml=http://ucis-db.cssd.pitt.edu/cgi-bin/texis/webinator/search/pdfhi.txt?query=rapp&pr=nceeer&prox=page&rorder=500&rprox=500&rdfreq=500&rwfreq=500&rlead=500&rdepth=0&sufs=0&order=r&cq=&id=4f1f23b811
391. Rose J. Investiture. III. Sasanian period // <http://www.iranicaonline.org/articles/investiture#iii>
392. Shahbazi A. Sasanian Dynasty // <http://www.iranicaonline.org/articles/sasanian-dynasty>

- 393. Shahbazi Sh. Byzantine-Iranian relations // <http://www.iranicaonline.org/articles/byzantine-iranian-relations>
- 394. Tapper R. Mogan. II. History, Population, Economy // <http://www.iranicaonline.org/articles/mogan-parent-i-ii#pt2>
- 395. Venetis E. Korramis in Byzantium // <http://www.iranicaonline.org/articles/korramis-in-byzantium>
- 396. Yousefi Gh. Babak Khorrami: The Persian Hero // http://www.cais-soas.com/CAIS/Post-Sasanian/babak_khorrami.htm

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта 1. Азербайджан в IV – VII вв. (Azərbaycan Respublikası. Milli atlas. National atlas. Национальный атлас. Bakı, 2014).

Вопросы раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии

Карта 2. *Азербайджан в VII – IX вв. (Azərbaycan Respublikası. Milli atlas. National atlas. Национальный атлас. Bakı, 2014).*

**Вопросы раннесредневековой истории
Азербайджана в англоязычной историографии**

Карта 3. Движение хуррамитов (конец VIII в. – I половина IX в.)
(Azərbaycan Respublikası. Milli atlas. National atlas. Национальный атлас. Bakı, 2014).

Вопросы раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии

Карта 4. Азербайджан во II половине IX – X вв. (Azərbaycan Respublikası. Milli atlas. National atlas. Национальный атлас. Bakı, 2014).

Вопросы раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии

Карта 5. *Азербайджан в X – I половине XI вв. (Azərbaycan Respublikası. Milli atlas. National atlas. Национальный атлас. Bakı, 2014).*

Кафар-заде Ламия Расим кызы

**ВОПРОСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА В
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Formatı 60x90 ¹/₁₆. F.ç.v. 15,5.
Tirajı 500

«Turxan» NPB MMC

Ламия КАФАР-ЗАДЕ Расим кызы

Родилась 29 июля 1987 г. в г. Баку Азербайджанской Республики. В 2004 г. поступила на Исторический факультет Бакинского Государственного Университета, который в 2008 г. окончила с отличием, получив степень бакалавра по специальности «История». В 2010 г. также с отличием завершила магистратуру Исторического факультета БГУ по специализации «История средних веков». В 2015 г. под научным руководством члена-корреспондента НАНА Н.Ч.Ахундовой защитив диссертацию на тему «Раннесредневековая история Азербайджана в англоязычной историографии», получила научную степень доктора философии по истории.

Работает в отделе «История Азербайджана в средние века» Института Истории им. А.А.Бакиханова НАНА на должности старшего научного сотрудника.

Л.Р.Кафар-заде является автором более 60 научных публикаций, включая 1 монографию. Основной заслугой является первая попытка в отечественной исторической науке комплексно изучить широкий спектр концептуально важных вопросов раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии.

Участвовала на многочисленных научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, форумах как республиканского, так и международного уровня (в различных республиках Российской Федерации, Казахстане, Украине, Турции и др.).

За успешную научную деятельность в 2016 г. Л.Р.Кафар-заде была удостоена «Награды молодежи» и диплома Министерства Молодежи и Спорта Азербайджанской Республики, а также награждена Почетной грамотой и дипломом НАН Азербайджана.

С 2007 г. состоит в партии «Новый Азербайджан».